

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет: Московская школа экономики

На правах рукописи

ЯКОВЛЕВ АРТЁМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИНТЕГРИРОВАНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Специальность 08.00.14 – «Мировая экономика»

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ,

д.э.н., профессор

Глинкина Светлана Павловна

Научный консультант:

академик РАН, д.э.н., профессор

Некипелов Александр Дмитриевич

Москва 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Региональная экономическая интеграция.....	13
1.1. Модели региональной интеграции и их эффекты	13
1.2. Современные тенденции в процессах международной регионализации ..	28
1.3. Страна-интегратор и особенности процессов регионализации на постсоветском пространстве	37
ГЛАВА 2. Факторы и индикаторы экономического сближения КНР со странами постсоветского пространства	48
2.1. Внутренние проблемы китайской экономики и возможности их разрешения в ходе интеграции постсоветского пространства	48
2.2. Комплементарность экономик постсоветских государств и Китайской Народной Республики.....	63
ГЛАВА 3. Основные направления и этапы реализации китайской стратегии освоения постсоветского пространства и возникающие при этом риски для Российской Федерации	72
3.1. Традиционные формы экономического сотрудничества	72
3.2. Китайская инициатива «Пояс и путь»: формат и способы ее реализации	102
3.3. Интересы России в свете усиливающегося экономического присутствия Китая на постсоветском пространстве	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	133

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследование экономической активности Китая на постсоветском пространстве является весьма актуальной научной задачей ввиду стремительной трансформации внешнеэкономической стратегии Китая на фоне роста его экономической мощи и учитывая наличие у России непосредственных экономических и политических интересов в данном регионе.

По мере роста экономической мощи Китая кардинально менялась его международная позиция. Начало экономических реформ сопровождалось стратегией, описываемой 24 иероглифами, четыре из которых переводились как: «скрывать свои возможности и держаться в тени», что в реальной практике означало: не быть активным вовне (не вступать в блоки, не участвовать в конфликтах), сосредоточиться на внутреннем развитии. Прежде всего – на реализации экономических реформ. Фундамент экономических успехов, заложенный в данном периоде, позволил Китаю претендовать на роль регионального, а в перспективе и глобального лидера. Выдвигалась идея «мирного подъема», формулировка которой была впоследствии заменена на «мирное развитие».

Желание Китая институционально обозначить свою глобальную роль вылилось в формирование интеграционной стратегии «Пояс и путь», разработанной под руководством нынешнего Председателя КНР Си Цзиньпина. Основной посыл стратегии: КНР не только мирно развивается сама, но и способна поделиться результатами своего развития с другими странами. В результате одно из основных направлений внешней политики Си Цзиньпина на современном этапе – это превращение Китая из «большого» (большие экономические и военные возможности) государства в «сильное», которое

несет глобальную ответственность за мировое развитие. Также одним из важных направлений внешней политики Китая с начала нового тысячелетия остается «периферийная дипломатия» – развитие отношений со странами-соседями, в том числе и с государствами постсоветского пространства¹, богатейшие ресурсы, а также стратегически важное географическое положение которых привлекают внимание многих мировых игроков, что ведет к обострению конкурентной борьбы в регионе.

Постсоветское пространство было и остается регионом непосредственных интересов России на протяжении всех лет трансформации после распада Советского Союза. Российской Федерацией предпринимались многочисленные попытки разработать и реализовать модель интеграции этих стран путем создания региональных организаций и проектов. Однако, несмотря на усилия, направленные на активизацию сотрудничества, экономическая связанность постсоветских стран постепенно снижается, а попытки реинтеграции пространства пока не дают должной отдачи.

На лидерство в форматировании экономического пространства в постсоветском регионе помимо России претендует ряд крупных внерегиональных игроков. Среди них – Европейский союз, США и Китай. Выдвинутые ЕС и США проекты – «Восточное партнерство» и «Новый шелковый путь» соответственно – не лишены ряда общих недостатков. Во-первых, предлагаются многосторонние проекты странам, имеющим различную политическую, культурную и экономическую структуры. Во-вторых, данные проекты имеют серьезную геополитическую составляющую, что порождает конфликты между основными центрами силы. И наконец, оба проекта имеют слабую финансовую основу. На этом фоне перспективы интегрирования

¹ Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

(освоения) Китаем постсоветского пространства в современных условиях представляются более реалистичными. Под интегрированием постсоветского пространства в работе понимается комплекс мер предпринимаемых Китаем для вовлечения постсоветских стран в орбиту своего экономического влияния, используя для этого мегапроект «Пояс и путь».

Соответствующая стратегия начала реализовываться Китайской Народной Республикой с нулевых годов XXI века. Факт существования этой стратегии долгое время отрицался китайской стороной в целях сохранения дружественных отношений с Россией. Только осознав, что Россия не сможет занять данную нишу в полной мере, китайцы в начале нового тысячелетия аккуратно вступили на постсоветское пространство. Существование продуманной стратегии выявляется не на уровне заявлений глав государств или правительств и даже не на уровне принятых документов, а на уровне реальных действий.

Цели, преследуемые Китаем, могут быть сформулированы следующим образом. С одной стороны, активные действия на постсоветском пространстве призваны содействовать решению ряда внутриэкономических проблем Китая, укреплению его безопасности. С другой – в инициативе «Пояс и путь» проявляется претензия Китая на альтернативный проект глобального развития, его независимость от ныне существующих институтов мировой экономики.

Помимо перечисленных целей, многие усматривают в действиях КНР «злой умысел»: желание вступить на постсоветское пространство и аннексировать территорию (например, Дальний Восток России или территории стран Центральной Азии). Однако Китаю в первую очередь нужны не территории, а независимость, суверенитет в глобальном мировом пространстве. Для Китая важно перезапустить функционирование мировой экономической системы в

соответствии со своими интересами. Дело в том, что современная архитектура мировой экономики подчинена, прежде всего, обслуживанию интересов США. Добиться желаемой независимости Китай может, нарастив свой потенциал. Поэтому, формируя параллельно свой мир и свою финансовую систему, занимаясь интернационализацией юаня, всесторонне усиливая влияние в регионе, наращивая свои инвестиции во всем мире (не только в развивающихся странах, но и в США), Китай формирует эту самую независимость.

В силу отмеченных причин инициированный Китаем с 2013 г. принципиально новый тип интеграционного взаимодействия – «Пояс и путь» заслуживает самого серьезного теоретического осмысления. Для нашей страны актуальность этой задачи усиливается тем, что реализация мегапроекта захватывает постсоветское пространство, являющееся сферой естественных интересов Российской Федерации.

Объектом исследования является китайская стратегия интегрирования (освоения) постсоветского пространства. В работе термины «интегрирование» и «освоение» понимаются как тождественные, подразумевающие втягивание постсоветских государств в экономическую орбиту Китая путем глубокого развития торговых, инвестиционных и миграционных связей, всестороннего проникновения Китая в хозяйственную деятельность этих стран.

Предметом исследования являются механизмы, институты и результаты взаимодействия Китая и постсоветских государств.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является оценка содержания и практики реализации Китаем стратегии интегрирования (освоения) постсоветского пространства, а также выявление последствий складывающейся в регионе новой расстановки сил для перспектив развития

России. Для достижения поставленной цели в работе решены следующие научные задачи:

- Обоснование на основе комплексного анализа современных теоретико-методологических подходов к исследованию феномена интеграции научной позиции, в соответствии с которой реализуемая КНР стратегия на постсоветском пространстве представляет собой новый вариант региональной интеграции.
- Определение внутренних экономических, политических и социальных проблем, лежащих в основе китайской стратегии на постсоветском пространстве.
- Выявление этапов реализации китайской интеграционной стратегии, значения в ее реализации как традиционных форм сотрудничества (торговля, инвестиции, кредиты), так и новых форматов. Анализ под этим углом зрения роли китайской инициативы «Пояс и путь», исследование особенностей современной стадии ее реализации.
- Определение рисков для России, возникающих в условиях китайской экономической экспансии в регионе постсоветского пространства, и выявление возможностей для кооперации с Китаем в свете российских экономических интересов.

Степень разработанности темы исследования. Различные аспекты получили отражение в научной литературе. Так, фундаментальные проблемы интеграции освещены в работах: Б. Балашша, В. Репке, М. Аллэ, Я. Тинбергена, Р. Санвальда, И. Штолера, Р. Купера, С. Рольфа, У. Ростоу, Г. Мюрдаля, П. Стритена, Ф. Перру, П. Робсона, М.М. Максимовой, Н.П. Шмелева, Ю.В. Шишкова, Дж. Шуберта, А.М. Либмана, Б.А. Хейфеца, Л.З. Зевина, Д.И. Ушкаловой и других. Методология комплексных страноведческих

исследований постсоветского пространства рассматривается в исследованиях наших соотечественников: О.Т. Богомолова, Л.Б. Вардомского, С.П. Глинкиной, М.Ю. Головнина, Р.С. Гринберга, З.А. Дадабаевой, Л.З. Зевина, Н.С. Зиядуллаева, К.Х. Зоидова, В.В. Ивантера, А.Б. Каримовой, А.Б. Крылова, В.Б. Кувалдина, Е.М. Кузьминой, Е.Б. Ленчук, С.А. Луконина, П.А. Минакира, А.А. Мигранян, А.Д. Некипелова, А.Г. Пылина, Т.В. Соколовой, М.О. Тураевой, Д.И. Ушкаловой, Б.А. Хейфеца, В.А. Цветкова и других. Проблематике межстранового сотрудничества постсоветских стран с Китайской Народной Республикой посвящены работы отечественных и зарубежных ученых: Л.А. Аносовой, А.В. Виноградова, В.Г. Гельбраса, С.П. Глинкиной, Л.И. Кондрашовой, С.Г. Лузянина, В.С. Мясникова, А.В. Островского, В.Я. Портякова, В.Н. Ремыги, Н.П. Рыжовой, М.Л. Титаренко, Г.Д. Толорая, М.Е. Тригубенко, М.О. Тураевой, Б.А. Хейфеца, М. Ларюэля, С. Пейруза, Дж. Шуберта, Ван Шуцуня, Ван Жуйцюна, Вань Чинсуна, Чэнь Ланьяня, Нью Ичэна, Юй Цзюня, Ян Сылина и других.

Работы перечисленных авторов послужили **теоретической основой проведенного исследования.**

Научная новизна. Несмотря на обилие опубликованных работ, до сих пор в трудах российских и зарубежных ученых-экономистов были рассмотрены экономические отношения Китая, главным образом, с отдельными регионами постсоветского пространства или отдельные направления экономического сотрудничества. Данная диссертация представляет собой попытку комплексного исследования экономического проникновения Китайской Народной Республики на постсоветское пространство. Основные результаты, составляющие научную новизну, заключаются в следующем:

- Выявлены наличие, целеполагание, механизмы и основные этапы реализации стратегии Китайской Народной Республики по интегрированию постсоветского пространства, предложена классификация постсоветских государств исходя из выявленной стратегии.
- Выявлена новая тенденция в развитии региональной экономической интеграции, в основе которой лежит подписание страной-интегратором многочисленных двусторонних соглашений с нацеленностью на последующее создание единого проекта (на примере китайской инициативы «Пояс и путь»).
- Оценено влияние инфраструктурной составляющей инициативы «Пояс и путь» на развитие торговых отношений между постсоветскими государствами и Китайской Народной Республикой. С этой целью были проведены расчеты на базе адаптированной к задачам исследования гравитационной модели внешнеторговых потоков (введена фиктивная переменная, характеризующая наличие торгового соглашения между странами).
- Определен уровень взаимодополняемости экономик Китая и постсоветских государств, а также оценено соперничество между постсоветскими странами за рынок Китайской Народной Республики.
- Определены риски и подходы к корректировке российской стратегии присутствия в регионе постсоветского пространства с учетом роста китайского экономического влияния, а также предложены формы и механизмы по улучшению развития дальнейшего сотрудничества постсоветских государств с Китайской Народной Республикой.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы государственными институтами постсоветских стран при разработке стратегии экономических отношений с Китайской Народной Республикой, а также для корректировки российской стратегии сотрудничества с КНР и государствами постсоветского пространства. Основные положения работы также могут быть использованы при подготовке ряда учебных курсов в высшей школе, в частности: «Мировая экономика», «Международная экономическая интеграция», «Внешнеэкономическая деятельность», «Теория и практика переходных экономических процессов».

Информационная база исследования представлена официальными документами Китая и постсоветских государств, данными Всемирного банка (World Bank), Международного валютного фонда (IMF), Международной базы данных торговой статистики (UN Comtrade), Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD), национальными статистическими органами Китая и стран постсоветского пространства, выборкой из материалов периодических рецензируемых изданий и других источников.

Область исследования. Работа выполнена в соответствии с Паспортом специальности 08.00.14 – «Мировая экономика» (экономические науки), пунктами:

5: «Интеграционные процессы в развитых и развивающихся регионах мирового хозяйства, закономерности развития этих процессов, оценка интеграционных перспектив различных торгово-экономических блоков, включая Евразийскую экономическую интеграцию»;

7: «Международная экономическая взаимозависимость. Обеспечение устойчивого развития национальной и мировой экономики. Стратегии национального экономического развития»;

25: «Национальная экономика отдельных стран в системе мирохозяйственных связей: проблемы оптимизации взаимодействия и обеспечения национальных экономических интересов. Международные экономические противоречия, их причины и способы разрешения»;

26: «Внешнеэкономические интересы России на мировом рынке и в отношениях с отдельными странами и группами стран. Геоэкономические проблемы России, ее стратегические приоритеты и внешнеэкономические перспективы»².

Апробация диссертационного исследования проходила в форме публикации авторских работ (научных статей, глав в коллективных монографиях Института экономики РАН, научных докладов), участия в научных конференциях и семинарах. По теме диссертации автором опубликовано 16 работ общим объемом 15,45 п.л. (авт. – 8,65 п.л.), из них 7 статей – в журналах из «Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» общим объемом 4,2 п.л. (авт. – 3,05 п.л.).

Основные результаты диссертационного исследования были представлены автором на X Конвенте Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) (Москва, МГИМО МИД России, 2016), Третьем Российском экономическом конгрессе (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016), Московском Экономическом Форуме – 2017 (Москва, МГУ имени

² ВАК. Паспорт специальности 08.00.14. URL: <https://teacode.com/online/vak/p08-00-14.html> (дата обращения: 30.09.2019).

М.В. Ломоносова, 2017), XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017), Международной научной российско-китайской конференции «В поисках новых моделей социально-экономического развития» (Москва, ИЭ РАН, 2017), Exchange program for BRICS Scholars (Пекин, Сиань, Шанхай, CРАРD, 2017), Ежегодной научной конференции молодых ученых «Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы» (Москва, ИЭ РАН, 2017), круглом столе «Возможности и риски сотрудничества в рамках Зоны свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам» (Ханой, Институт европейских исследований ВАОН, 2017), Международной научной конференции «Россия и Польша перед лицом общих вызовов» (Москва, ИЭ РАН, 2017), XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018), Ежегодной научной конференции Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018), 4-th Workshop for the Asia Pacific Scholars (Пекин, Сиань, CSCAP China, 2018), Ежегодной научной конференции молодых ученых «Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы» (Москва, ИЭ РАН, 2018), научной конференции «Куда идти? Проблемы реформирования институтов и экономической политики в России» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019), научной конференции «Торговая политика стран Восточной Азии и интересы России» (Москва, ИЭ РАН, 2020) и других.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы. Общий объем работы 146 страниц.

ГЛАВА 1. Региональная экономическая интеграция

1.1. Модели региональной интеграции и их эффекты

Начиная с 50-х гг. XX века в мировой экономике сосуществуют две отчасти противоположные по своей направленности тенденции. С одной стороны, происходит сближение национальных экономик различных стран, интенсифицируются экономические, политические и культурные связи, совершенствуются средства коммуникации, унифицируются и либерализуются правовые аспекты международных экономических отношений. Данный процесс ведет к формированию единого мирового рынка и носит название «глобализация»³. С другой стороны, все большее число стран предпочитает объединяться в интеграционные группировки, в рамках которых происходит более тесное политическое и социально-экономическое взаимодействие (по сравнению с третьими странами)⁴, ведущее к сращиванию национальных экономических систем в единый механизм. Такое сотрудничество государств получило название международной экономической интеграции и осуществляется на региональном уровне. Расширение масштабов региональной интеграции является одной из магистральных тенденций развития современной мировой экономики, призванной повышать эффективность хозяйственной деятельности за счет увеличения масштаба и улучшения качественных характеристик экономического взаимодействия между странами.

Исследования, посвященные международной экономической интеграции, занимают видное место среди работ по проблематике международных

³ Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 5.

⁴ Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961.

экономических отношений и демонстрируют эволюцию и разнообразие подходов к данному феномену.

Одним из наиболее известных классических трудов по теории экономической интеграции является работа американского экономиста венгерского происхождения, представителя позднего неолиберализма Б. Балашши «Теория экономической интеграции» (1961), давшая на долгие годы основу для определения форм и этапов международной интеграции. В этом труде Б. Балашша рассматривал интеграцию как состояние и как процесс. Взгляд на экономическую интеграцию с точки зрения процесса позволил ему выделить пять этапов развития экономической интеграции в зависимости от степени взаимодействия интегрирующихся стран⁵:

- 1) зона свободной торговли;
- 2) таможенный союз;
- 3) общий рынок;
- 4) экономический союз;
- 5) полная экономическая интеграция, или политический союз.

Впоследствии пять стадий экономической интеграции Б. Балашши были дополнены французским экономистом М. Аллэ зоной преференциальной торговли как этапом интеграции, предшествующим зоне свободной торговли. Данные стадии отражают процесс развития экономической интеграции от простых форм к более сложным; на каждой из стадий устраняются определенные экономические барьеры между интегрирующимися странами; каждая последующая форма интеграции включает и дополняет предыдущую⁶.

⁵ Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961.

⁶ Ушколова Д.И., Головин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2011.

Сторонники раннего неолиберализма В. Репке и М. Аллэ описывают интеграцию как единое экономическое пространство нескольких государств, управляемое общим рынком. При этом, по мнению ученых, политика стран, национальные и международные законодательные акты играют второстепенную роль по сравнению с экономическими факторами, ведущими к развитию интеграционного процесса.

Представители школы дирижизма Я. Тинберген, Р. Санвальд, И. Штолер, напротив, отводят решающую роль в становлении интеграции не рыночному механизму, а общей согласованной экономической и социальной политике, вводящей координацию и унификацию между странами-участницами.

Я. Тинберген в своих работах призывал передавать часть суверенных полномочий наднациональным структурам в интересах целостности и проведения общей политики в интеграционной группировке. Однако передача полномочий, по его убеждению, должна происходить на основе общего согласия и выгоды всех участников процесса, а не в интересах исключительно страны-интегратора, претендующей на гегемонию. Кроме того, Я. Тинберген разграничил понятия функционального и национального суверенитета, что необходимо различать в ходе создания наднациональных структур при сохранении юрисдикции над собственным экономическим пространством⁷.

Приверженец неокейнсианской школы Р. Купер утверждал, что для достижения максимальной полезности от экономической интеграции странам-участницам необходимо выработать экономическую политику с оптимальным сочетанием двух возможных вариантов развития интеграции:

⁷ Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980.

объединения с утратой суверенитета и интеграции с сохранением национальной автономии⁸.

Представители школы корпорационализма С. Рольф и У. Росту считали, что основной движущей силой интеграции являются транснациональные корпорации (ТНК), работа которых способствует развитию экономических связей и рациональному разделению труда. ТНК выступают за либерализацию торговли и создание крупных рынков, а также, будучи крупными экономическими игроками, способны оказывать влияние на государственные институты в целях развития интеграции⁹.

По мнению сторонников структурализма Г. Мюрдаля, П. Стритена, Ф. Перру, центрами развития интеграции выступают крупные фирмы и целые отрасли промышленности, в результате чего экономическая интеграция сопровождается глубокими структурными преобразованиями в экономике интегрирующихся стран, формированием качественно нового экономического пространства с усовершенствованным хозяйственным механизмом¹⁰.

Известный английский специалист по проблемам экономической интеграции П. Робсон подчеркивает закономерный характер возникновения интеграционных процессов, повышающих эффективность использования ресурсов. Причем рост эффективности, по его мнению, происходит как за счет негативной интеграции (устранение барьеров, мешающих свободному движению товаров, финансов, рабочей силы на интегрируемом экономическом пространстве), так и за счет позитивной интеграции (создание наднациональных институтов и механизмов). Роль интеграции для стран с формирующимися рынками П. Робсон определяет не столько как возможность

⁸ *Cooper R.* The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London, 2003.

⁹ *Ливенцев Н.Н.* Международная экономическая интеграция. М., 2006. С. 10.

¹⁰ *Мюрдаль Г.* Мировая экономика: проблемы и перспективы. М., 1978. С. 56.

пользоваться выгодами от имеющейся структуры производства в этих странах, сколько как возможность изменить (улучшить) структуру торговли и производства¹¹.

Ю.В. Шишков отмечает, что начальным этапом становления экономической интеграции являются хозяйственные связи на уровне субъектов экономики, а в результате становления интеграционной группировки происходит сращивание национальных правовых, фискальных и управленческих систем¹².

А.М. Либман для определения модели интеграции предлагает вместо формальных критериев развития интеграционной группировки использовать характеристики ведущих акторов – движущих сил интеграционного процесса. Таким образом, ученым было выделено шесть моделей экономической интеграции: «модель доминирующего участника», «модель общего центра», «модель межправительственных договоров», «модель неформальной торговли», «модель корпоративного взаимодействия» и «модель негосударственного права»¹³.

Д.И. Ушкалова выделяет две группы моделей экономической интеграции: линейные (интеграция развивается поэтапно от ЗСТ к политическому союзу) и нелинейные (не предполагающие четкой последовательности развития интеграционной группировки), и три группы механизмов развития интеграционных процессов: 1) наднациональные механизмы интеграции; 2) межгосударственные механизмы; 3) негосударственные механизмы интеграции

¹¹ *Robson P.* The Economics of International Integration. London, 1987.

¹² *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП «III тысячелетие», 2001.

¹³ *Либман А.М., Хейфец Б.А.* Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011.

(проводимые бизнес-структурами)¹⁴. В своих работах Д.И. Ушкалова намечает две тенденции, составляющие современную экономическую интеграцию: закрытый (глубокие формы интеграции: таможенный союз, общий рынок, экономический союз) и открытый регионализм (различные формы преференциальных соглашений без наднациональных институтов). Одним из главных условий реализации интеграционной группировки по типу закрытого регионализма является политическая мотивация участников к созданию общего рынка, единая для всех геоэкономическая и геополитическая стратегия и готовность отказаться от части суверенитета в пользу наднациональных органов, что существенно затрудняет широкое распространение данной концепции интеграции на практике. Открытый регионализм, напротив, характеризуется построением «негативной» интеграции (снятием барьеров, а не созданием наднациональных институтов), предполагает открытое членство (свободное присоединение к интеграционному процессу), применение режима наибольшего благоприятствования в торговле, согласование только общих подходов к экономическому сотрудничеству, а не проведение единой политики. Концепция открытого регионализма ставит акцент не на углублении, а на расширении интеграционного процесса, что делает его более удобным форматом взаимодействия между бóльшим количеством стран. Относительными плюсами открытого регионализма по сравнению с закрытым также можно считать то, что данная концепция интеграции в первую очередь направлена на развитие взаимовыгодного торгово-экономического

¹⁴ Ушкалова Д.И. К вопросу об эволюции интеграционных процессов в современном мире // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 6. С. 125–136.

сотрудничества при сохранении национального суверенитета и не предусматривает развития в более глубокие формы интеграции¹⁵.

Несмотря на обилие работ и разнообразие подходов, многие вопросы, связанные с экономической интеграцией, до сих пор остаются малоизученными, что является следствием постоянного развития процессов экономической интеграции и появления новых форматов объединений, о которых мы подробнее поговорим в следующем параграфе данной главы.

Процесс становления интеграционного сообщества занимает продолжительное время и зависит как от существующих предпосылок интегрирования, так и от того, насколько успешно страны смогут решать проблемы, возникающие на их пути к наиболее развитой форме интеграции¹⁶. В последние несколько десятилетий появилось большое количество интеграционных объединений, различных по степени своей эффективности, а также по глубине и характеру взаимодействия экономик стран-участниц. Безусловно, столь интенсивный рост числа интеграционных группировок связан с процессом развития глобализации, однако для объединения стран в интеграционный блок необходимо наличие предпосылок экономического интегрирования¹⁷.

Ранее считалось, что одной из главных предпосылок становления интеграционной группировки является сходство уровней экономического развития интегрирующихся стран и их рыночных институтов: этот пункт служит фактором обеспечения достаточной устойчивости интеграционного блока. Кроме того, необходима географическая близость интегрирующихся

¹⁵ Ушкалова Д.И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики РАН. № 3. 2016. С. 158–170.

¹⁶ Шишков Ю.В. Теории региональной капиталистической интеграции. М.: Мысль, 1978.

¹⁷ Харламова В.Н. Международная экономическая интеграция. М.: Анкил, 2002.

стран: нахождение их в одном регионе и зачастую – общая граница¹⁸. Такое географическое положение приводит к исторически сформированным культурным, институциональным, экономическим связям, что упрощает процесс интегрирования и дает дополнительные выгоды в результате снижения трансграничных издержек перемещения товаров и услуг, а также факторов производства, облегчает решение языковых, логистических проблем и проблем, связанных с получением информации. Тем не менее современные интеграционные группировки нередко опровергают эти устоявшиеся взгляды.

Существенное значение для успешного развития экономической интеграции имеет общность политических и экономических интересов интегрирующихся стран, поскольку координация макроэкономической политики стран-участниц интеграционного объединения осуществляется на межнациональном уровне¹⁹.

Четвертой предпосылкой возникновения новых интеграционных блоков является демонстрационный эффект. Его суть заключается в следующем: в успешных интеграционных группировках происходят положительные экономические сдвиги (например, ускорение темпов экономического роста, снижение инфляции), подобные успехи стимулируют другие страны вступить в интеграционный блок или же образовать собственный²⁰ (подача государствами Центрально-Восточной Европы заявок на членство в Европейском союзе, образование Евразийского экономического союза).

Пятая предпосылка – «эффект домино». Интеграция приводит к переориентации стран на внутрирегиональные экономические связи, и государства, не входящие в блок, встречаются с некоторыми сложностями во

¹⁸ *Streeten P.* Economic Integration, Aspects and Problems. Leyden: A.W. Sythoff, 1964.

¹⁹ *Puchala D.J.* Institutionalism, Intergovernmentalism and European Integration: A Review Article // *Journal of Common Market Studies*. June 1999. Vol. 37. No. 2. P. 317–331.

²⁰ *Sulamaa P., Widgren M.* Economic Welfare Effects of EU and CIS Integration // *Finnish Economy and Society*. 2003. No. 3.

взаимодействии с интегрирующимися странами²¹. В такой ситуации они вынуждены присоединиться к региональному объединению.

Существенным стимулом для интеграции оказываются комплементарные структуры экономик. Отсутствие таких структур может приводить к низкой эффективности интеграционного объединения. Объединение стран должно осуществляться на добровольной и взаимовыгодной основе, для поддержания равноправия внутри группировки желательно наличие нескольких стран – лидеров интеграции²². Объединяющиеся в интеграционную группировку страны чаще всего преследуют конкретные цели, обозначенные в их уставе и зависящие от формы интегрирования. Однако можно выделить ряд задач, характерных для большинства региональных экономических союзов:

- Использование преимуществ экономии на масштабах производства. Увеличение объемов взаимной торговли, развитие процессов международного разделения труда создают необходимость в расширении размеров гарантированного рынка и позволяют снизить трансграничные издержки²³.
- Интеграционное объединение как форма коллективной реализации торговых интересов стран-участниц в переговорах с третьими странами и защита от глобальной конкуренции²⁴.

²¹ *Wane A.A.* Growth and Convergence in WAEMU Countries // IMF Working Paper. October 2004. No. 04/198.

²² *Либман А.М., Зевин Л.З.* Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 2. С. 68–87.

²³ *Soloaga I., Winters L.A.* Regionalism in the Nineties: What Effect on Trade? // North American Journal of Economics and Finance. 2001. Vol. 12. No. 1. P. 1–29.

²⁴ *Carmignani F.* A Note on Income Converge Effects in Regional Integration Agreements. URL: <http://econwpa.wustl.edu:80/eps/it/papers/0506/0506005.pdf> (дата обращения: 08.10.2017).

- Гармонизация внешнеполитической среды. Особенно важно укрепление сотрудничества в различных неэкономических сферах для тех государств, которые решают одинаковые проблемы в области развития²⁵.
- Поддержка отраслей национальной промышленности. Интеграционное объединение в некотором роде является формой поддержки национальных производителей, поскольку создает для них более широкий региональный рынок сбыта и ограничивает нежелательную конкуренцию со стороны внешних производителей²⁶.
- Содействие структурной перестройке стран, участвующих в блоке. Как правило, объединение стран с высоким уровнем рыночного развития с менее развитыми и осуществляющими экономические реформы странами приносит пользу обеим сторонам. Высокоразвитые страны заинтересованы в формировании широкого рынка, а страны, реформирующие экономическую систему, – в получении рыночного опыта²⁷.

Таким образом, страны интегрируются в силу наличия определенных выгод от такой формы взаимодействия. При этом зачастую невозможно точно спрогнозировать, какими именно будут результаты интеграции. Последствия объединения стран в интеграционные блоки могут быть как положительными, так и отрицательными для национальных экономических и политических систем²⁸. Такие конкретные воздействия носят название интеграционных

²⁵ *Peterson J.* Policy Networks and European Union Policy Making: A Reply to Kassim // *West European Politics*. 1995. No. 18(2). P. 389–407.

²⁶ *Tinbergen J.* *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier, 1954.

²⁷ *De Souza L.V.* An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members // *Economic Premise (The World Bank)*. January 2011. No. 47. P. 1–7.

²⁸ *Venables A.J.* Winners and Losers from Regional Integration // *The Economic Journal*. 2003. Vol. 113. P. 747–761.

эффектов и подразделяются на статические и динамические эффекты интеграции²⁹.

Статические эффекты возникают немедленно после создания регионального интеграционного объединения как результат снижения или полной отмены таможенных барьеров и связаны преимущественно с изменением объемов внешней торговли между странами, поэтому наибольшее значение имеют на начальных стадиях интеграции. В процессе углубления интеграции их воздействие на экономику стран снижается.

Динамические эффекты проявляются на более поздних этапах функционирования интеграционного объединения и связаны со структурными изменениями экономик интегрирующихся стран, изменениями в производительности и других показателях экономической эффективности³⁰.

К положительным статическим эффектам интеграции относятся:

- «эффект создания торговых потоков» – увеличение объемов торговли между странами блока путем снятия экономических барьеров во взаимной торговле;
- «эффект создания инвестиций» – замена товарного импорта из других, внеблоковых стран мира на прямые иностранные инвестиции в интегрирующиеся страны, что является следствием сохранения довольно высоких экономических барьеров в торговле с третьими странами;
- «эффект сокращения торговых издержек» – уменьшение торговых издержек путем унификации законодательства в сфере экономики и гармонизации внешнеполитической среды;

²⁹ *Viner J.* The Customs Union Issue. N.Y.: Carnegie Endowment for International Peace, 1950.

³⁰ *Manchin M.* The Economic Effects of the Russia-EU FTA // Tinbergen Institute Discussion Paper. 2004. TI 2004-131/2.

- «эффект содействия конкуренции» – увеличение конкуренции в разных сферах экономической деятельности, проводимой на территории интеграционного блока, и уменьшение степени монополизированности национальных рынков входящих в этот блок стран;
- «эффект потребления», отражающий рост потребления импорта из стран – участниц региональной экономической интеграции в результате снижения цен из-за отмены торговых барьеров.

К положительным динамическим эффектам интеграции относят:

- «эффект экономии на масштабе производства» – уменьшение средних производственных издержек в результате роста масштабов производства на территории внутри региональной экономической интеграции;
- «эффект экономического роста» – увеличение темпов роста ВВП в результате ускорения научно-технического прогресса;
- «эффект конвергенции» – синхронизация всех циклов экономического развития членов региональной экономической интеграции, стабилизация динамики их макроэкономических показателей;
- «эффект накопления» – уменьшение риска капиталовложений, рост доходности капитала, налаживание инвестиционного климата, приток капитала в страны соглашения;
- «эффект пространственного распределения и структурных изменений», приводящий к более равномерному и эффективному распределению экономической деятельности по территории данного интеграционного объединения.

Отрицательные эффекты интеграции связаны со снижением благосостояния стран в результате интеграции. К таким последствиям относятся:

- «эффект отклонения торговли» – уменьшение импорта в страны региональной интеграционной группировки из третьих стран и замена его на импорт из государств региональной экономической интеграции – производимый менее эффективно, чем в третьих странах, но по более низкой стоимости;
- «эффект уменьшения доходов государственного бюджета», возникающий вследствие отмены таможенных барьеров между странами – участницами соглашения;
- «эффект структурной перестройки» – издержки кризиса неэффективных в условиях возросшей конкуренции элементов хозяйственной системы;
- «эффект увеличения негативной взаимозависимости» – издержки, связанные с подверженностью внешним шокам в случае появления кризисной ситуации в одном из государств соглашения;
- «эффект утраты экономического суверенитета» – ограничение свободы в проведении самостоятельной экономической политики и снижение степени автономности воспроизводства интегрирующихся стран;
- «эффект увеличения издержек согласования экономических решений» – увеличение издержек, связанных с проведением единой

экономической политики, гармонизацией и унификацией экономической политики;

- «эффект отклонения инвестиций» – снижение объема внутрирегиональных ПИИ и увеличение объема репатриированных зарубежных доходов из стран – партнеров по соглашению в результате большей эффективности внутрирегиональной беспошлинной торговли³¹.

Помимо возможности повышения экономической эффективности, на сегодняшний день интеграция помогает странам – участницам объединения отстаивать свои интересы на международном уровне³².

Процессы экономической интеграции действуют на двусторонней, региональной или глобальной основе. Характерной особенностью современных интеграционных объединений является развитие на региональном уровне: как об этом пишет В.П. Оболенский, создаются «целостные региональные хозяйственные комплексы с общими наднациональными и межгосударственными органами управления»³³. Интеграционные процессы в странах – участницах региональных группировок осуществляются в определенных сферах, таких как, например, сфера законодательства, миграций, инвестиционной деятельности, взаимной торговли товарами и услугами. Конкретные эффекты регионального экономического интегрирования проявляются именно в подобных областях социально-экономического взаимодействия интегрирующихся государств и передаются посредством каналов влияния интеграционных процессов на экономики стран –

³¹ *Dion D.P.* Regional integration and economic development: An empirical approach // GESY Discussion Paper. March 2004. No. 21. P. 1–28.

³² *Grosso M.G.* Regional Integration: Observed Trade and Other Economic Effects // OECD Working Party of the Trade Committee. 2001. TD/TC/WP(2001)19.

³³ *Оболенский В.П.* Оценка роли интеграционных группировок в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 10. С. 12–17.

членов регионального объединения. Каналы передачи интеграционных эффектов привязаны к сферам, в которых реализуется интеграционный процесс. Можно выделить три основных канала влияния интеграционных процессов на экономики стран: внешнеторговый, инвестиционный и миграционный.

Значение каналов влияния интеграционных процессов на экономики интегрируемых стран различно в зависимости от стадии интеграции в данных объединениях³⁴. Так, например, для группировки, находящейся в стадии зоны свободной торговли, основную роль играет внешнеторговый канал, а значит, наибольшее значение для объединения будут иметь эффекты во внешней торговле. Для группировки, находящейся в стадии таможенного союза, также наибольшее значение будет иметь внешнеторговый канал, роль которого по сравнению с зоной свободной торговли значительно увеличится. В то же время по мере становления таможенного союза и подготовки к переходу на следующую стадию интеграции значение других каналов воздействия интеграционных процессов будет возрастать. Для группировки, находящейся в стадии общего рынка, значение внешнеторгового канала достигает очень высокого уровня, однако возрастает и значение инвестиционного и миграционных каналов. При переходе интеграционной группировки на стадию экономического союза существенно повышается значение инвестиционного и миграционных каналов на фоне высокого уровня торгово-экономического взаимодействия³⁵. На последней стадии, т. е. на стадии политического союза, торговое и инвестиционное взаимодействие стран, а также миграционные процессы между ними приобретают масштаб, характерный для взаимодействия на внутригосударственном, а не межгосударственном уровне. Относительное

³⁴ *Harris S.E.* International and Interregional Economics. New York: McGraw-Hill, 1957.

³⁵ *Шифф М., Уинтерс Л.А.* Региональная интеграция и развитие. М.: Издательство «Весь Мир», 2005.

значение трех каналов при этом соответствует уровню развития экономики группировки.

Таким образом, в процессе развития интеграционных процессов усиливается роль каналов воздействия интеграции на экономику стран-участниц. При этом, однако, возникает сложность в определении реального этапа развития интеграционной группировки, так как заявленные цели и конкретные задачи развития могут не совпадать с реально сложившейся ситуацией³⁶.

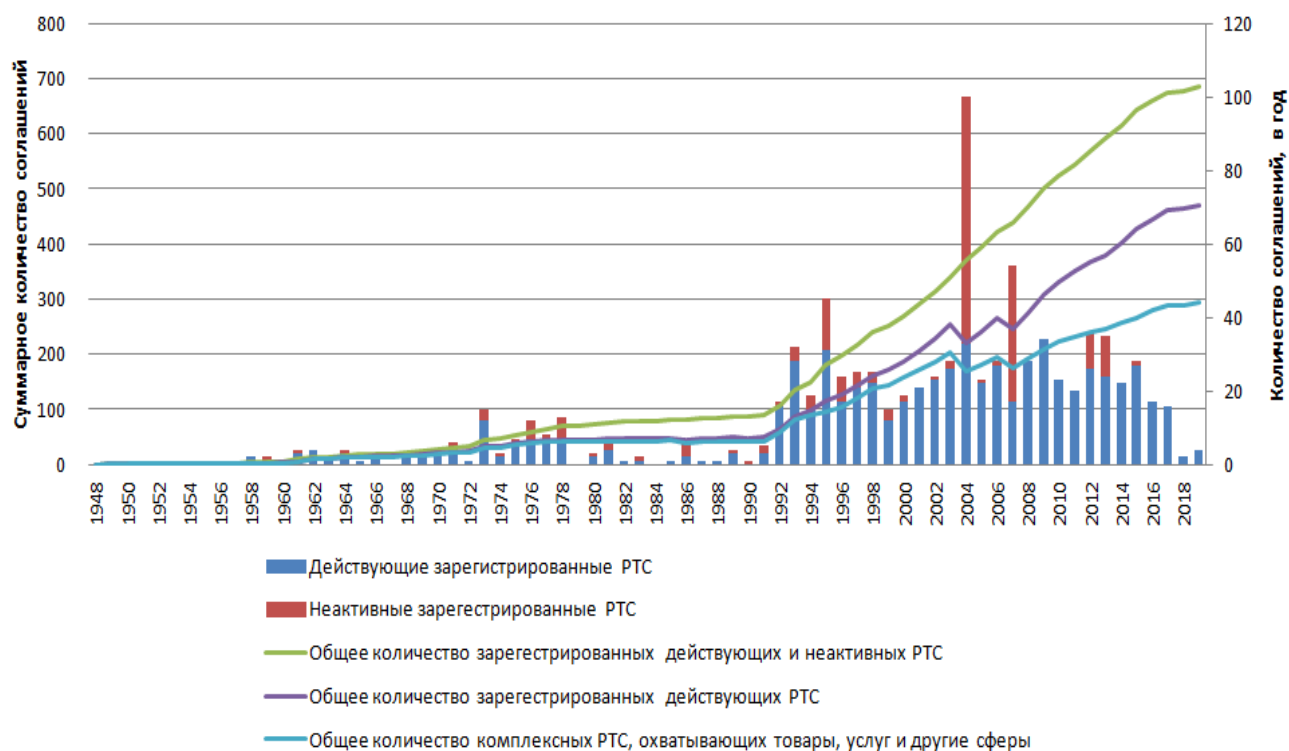
1.2. Современные тенденции в процессах международной регионализации

Международная экономическая интеграция является одной из магистральных тенденций развития современной мировой экономики. В настоящее время почти все страны мира в той или иной степени охвачены процессами экономической интеграции. Так, по данным Всемирной торговой организации (ВТО), в мире насчитывается более 400 соглашений о преференциальной торговле. Фактически вся мировая экономика функционирует в рамках переплетающихся интеграционных соглашений разных уровней и типов³⁷.

Процесс регионализации мировой экономики продолжается и в настоящее время с сохранением высокой динамики (см. Рис. № 1).

³⁶ *Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R.* Trade, Growth and the Size of the Countries. In: Aghion P., Durlauf S. (eds.) *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1. Part 2. Amsterdam: North Holland, 2005.

³⁷ *Яковлев А.А., Глинкина С.П., Тураева М.О.* Развитие Зоны свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам и фактор Китая // *Инновации и инвестиции*. 2017. № 6. С. 78–83.

Источник: WTO Secretariat. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

Рис. № 1. Динамика региональных торговых соглашений 1948–2018 гг.

Процесс регионализации мировой экономики продолжается и в настоящее время с сохранением высокой динамики (см. Рис. № 1). Так, на 2019 г. количество действующих РТС составляет 469 (см. Таблица 1).

Таблица № 1

Структура действующих региональных торговых соглашений на 2019 г.

	Всего	Всего, в %
Соглашения о зоне свободной торговли и соглашения о присоединении к ним (ЗСТ)	258	55,1%
Соглашения о таможенном союзе и соглашения о присоединении к ним (ТС)	29	6,2%
Соглашения об экономической интеграции (охватывают торговлю товарами, услугами, а также другие сферы) и	158	33,6%

Соглашения о присоединении к ним (СЭИ)		
Соглашения с частичной сферой охвата и Соглашения о присоединении к ним (СЧСО).	24	5,1%
Всего	469	100

Источник: составлено автором на основании данных с сайта WTO Regional Trade Agreements database URL: rtais.wto.org/UI/charts.aspx

Из данных таблицы видно, что значительная часть соглашений заключается в формате ЗСТ, которые, а также соглашений об экономической интеграции (СЭИ), охватывающие торговлю не только товарами и услугами, но и другие сферы.

Как уже упоминалось в предыдущем параграфе, процессы и формы экономической интеграции находятся в постоянном развитии. Английские экономисты Ф. Ломбард и Ф. Содербаум, подчеркивая высокую динамичность региональной интеграции, выделяют четыре основных периода эволюции регионализма: 1945–1970 гг. – классический регионализм; 1970–1990 гг. – ревизия классического регионализма; 1990–2000 гг. – новый регионализм; 2000 – н.в. – сравнительный регионализм³⁸.

Известный российский экономист А.Н. Спартак в своих работах говорит о трех прошедших этапах развития региональной интеграции и о становлении нового, четвертого этапа: первым этапом (предыстория регионализма) он называет период с начала второй половины XIX века до окончания Второй мировой войны, этот период характеризуется заключением в Европе таможенных союзов на двусторонней основе, опирающихся на политические

³⁸ *Lombarde P., Soderbaum F. Regionalism. London, 2013.*

интересы стран-участниц. Вторым этапом (классический регионализм) считается вторая половина XX века, характеризующаяся становлением «классических» интеграционных группировок, основной из которых, безусловно, стал Европейский союз. По его примеру в этот период также было сформировано большое количество объединений из развивающихся стран, в основном – в виде таможенных союзов и торговых блоков. Созданные в этот период торговые организации (ГАТТ, ВТО) оставили сильный отпечаток на мировой экономике, составив свод правил для функционирования региональных торговых соглашений. Следующим этапом развития региональной интеграции (глобализирующийся сетевой регионализм) А.Н. Спартак называет период с начала XXI века и продолжающийся с некоторыми изменениями по сегодняшний день. Региональные процессы, протекающие в настоящее время, по мнению ученого, структурно отличаются от регионализма XX века. Кроме динамично растущего числа региональных торговых соглашений, затрагивающих все регионы мира, идет процесс углубления и расширения их целей и задач, выхода за рамки обязательств и мандата Всемирной торговой организации, происходит рост межрегиональных и трансконтинентальных торговых соглашений, соглашений между торговыми блоками, появляется большое количество региональных торговых соглашений с участием стран – крупнейших экономик мира. Определяя рамки возникающего четвертого этапа развития региональной интеграции, А.Н. Спартак особо отмечает процессы возникновения мегарегиональных торговых соглашений, мегапроектов с амбициозными, проинтеграционными задачами. Фактически, в региональных торговых соглашениях четвертого этапа, ставящих перед собой обширную повестку регуляторной гармонизации и роста институциональной однородности экономик участвующих в них стран, будет реализовываться альтернативная классической интеграции модель

формирования единого экономического пространства без создания наднациональных элементов управления³⁹.

Российский экономист Л.З. Зевин утверждает, что ответ на развитие глобализации не может быть дан лишь на региональном уровне, возможности этого уровня недостаточны для того, чтобы установить паритет интересов внутри отношений с глобальными игроками. Видится необходимость в становлении промежуточного этапа в мировой хозяйственной системе – «интеррегионализма»⁴⁰.

Подтверждая слова Л.З. Зевина, главный научный сотрудник ИЭ РАН Б.А. Хейфец говорит, что в качестве новой тенденции мировой экономики теперь выступает формирование больших экономических мегапартнерств, в рамках которых объединяются страны, расположенные на разных континентах, то есть эти мегапартнерства носят трансрегиональный характер. Становление такого рода межстранового сотрудничества говорит о зарождении нового явления в мировой хозяйственной системе – трансрегионализма, основой которого, по сравнению с классическим регионализмом, является не расположение в рамках пространства одного региона, а наличие общих экономических интересов государств-членов. Большие трансрегиональные мегапартнерства в наше время представляют собой превалирующую часть мировой экономики, а также мировой торговли и инвестиций, создавая особый режим преференций для стран-участников. Это означает, что создаются наиболее благоприятные условия для ускоренного развития экономических

³⁹ *Спартак А.Н.* Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37.

⁴⁰ *Зевин Л.З.* О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 2015.

связей у членов этих партнерств и ухудшаются такие же условия для остальных стран, не входящих в данное объединение.

Общие взаимные интересы в сфере экономики и межправительственные договоренности имеют большее значение для успешного функционирования подобных партнерств, в то время как близкое территориальное расположение ввиду развития инфраструктурных технологий уходит на второй план.

Более того, Б.А. Хейфец предполагает, что создание такого рода партнерств рациональнее, чем объединение в традиционные интеграционные группировки, которые требуют определенной последовательности стадий интеграции и нуждаются в финансовых затратах на наднациональные органы. Новые проекты лучше готовы к изменениям, таким как увеличение или уменьшение числа участников. Условия функционирования подобных проектов существенно зависят от договоренностей участников партнерства. Возможны как глубокие интеграционные связи между участниками, так и наличие ограниченного количества соглашений в случае приоритета сотрудничества друг с другом в определенных областях⁴¹.

Швейцарский экономист Р. Мелендез-Ортиза характеризует мегапроекты как «глубокие интеграционные партнерства между странами или регионами, обладающие большим весом в международной торговле и прямых иностранных инвестициях, в которых два или более участников находятся в преимущественной лидерской позиции (paramount driver position) или выступают в качестве хабов в глобальных цепочках стоимости. Помимо доступа на рынки акцент в такой интеграции сделан на достижении

⁴¹ Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016.

регуляторной совместимости и своде правил, нацеленных на сглаживание различий в инвестиционном и предпринимательском климате»⁴².

Несмотря на несколько различные концепции, выше упомянутые исследователи сходятся во мнении, что будущее экономической интеграции связано с мегарегиональными проектами.

Экономики стран, вошедших в подобные мегапроекты, получают ряд возможностей для развития торговой и инвестиционной сферы, расширения количества и качества внешнеэкономических связей.

Ключевой целью заключения трансрегиональных альянсов является гармонизация хозяйственного регулирования, способствующая выравниванию условий для предпринимательской деятельности. Кроме экономических выгод от процессов регионализации есть целый ряд геоэкономических, политических и других мотивов для вступления в такие альянсы⁴³:

1. Мегарегиональные торговые соглашения являются достаточно эффективным инструментом для создания союза из государств, благосклонно настроенных на развитие и усиление сотрудничества друг с другом.
2. Трансрегиональные альянсы могут создаваться в целях усиления собственных позиций на мировой арене, в том или ином регионе, а также для изменения расстановки уже существующих сил в мире.

⁴² Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014. P. 6.

⁴³ Baldwin R., Low P. Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System. Cambridge University Press, 2009.

3. Заключение мегарегиональных торговых соглашений становится инструментом активного позиционирования мегартнерств в глобальной экономике в русле политики конкурентной либерализации. Это позволяет странам-участникам получать доступ на ключевые рынки и расширять свое экономическое влияние.
4. Мегапроекты, благодаря своим экономическим возможностям, могут влиять на многосторонние торговые переговоры, например, в рамках ВТО или АТЭС⁴⁴.

Мегарегиональные торговые соглашения впервые стали зарождаться в Азиатско-Тихоокеанском регионе ввиду большого количества развивающихся интеграционных группировок и наличия конкуренции между главными действующими акторами региона – США и КНР. Всемирный банк определяет мегапроекты как «региональные соглашения, имеющие системные, глобальные последствия, достаточно большие и амбициозные, чтобы влиять на правила торговли и торговые потоки за пределами сферы своего мегарегиона»⁴⁵. Началом становления мегарегионализма можно считать 2010-е годы, когда появились разговоры о четырех мегапроектах: Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) и о китайской интеграционной инициативе «Пояс и путь»⁴⁶.

⁴⁴ Лихачев А.Е., Спартак А.Н. Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 5. С. 20–27.

⁴⁵ Global Economic Prospects: Spillovers amid Weak Growth. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership. World Bank Group. January 2016.

⁴⁶ Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37.

Главной характерной чертой мегапроектов является наличие у стран-участниц общих экономических интересов, а не территориальная близость и наличие границ, как в большинстве классических интеграционных группировок. Мегапроекты не подразумевают создания таможенных и валютных союзов, наднациональных органов, затрудняющих своевременное реагирование на новые вызовы мирового развития⁴⁷. Некоторые из них нацелены (яркий пример – ТТП) на устранение протекционистских барьеров во внешнеэкономических связях, предлагая более благоприятные условия для взаимодействия в сравнении с договоренностями ВТО или двусторонними соглашениями⁴⁸. Другие, такие как инициатива «Пояс и путь», представляют собой уникальные проекты, включающие реализацию не только мер, направленных на либерализацию и развитие внешнеэкономических связей, но и конкретных шагов по развитию инфраструктуры и экономики стран-участниц. Более того, мегапроекты предоставляют самостоятельный выбор формата и глубины взаимодействия для каждой страны, что делает эту форму интеграции наиболее привлекательной для стран со средним и низким уровнем экономического развития.

Несмотря на то, что до сих пор неизвестно точное институциональное оформление такого рода проектов и существуют проблемы на пути их становления (скептическое отношение некоторых стран, выход США из ТТП, вспыхнувшая новая волна протекционизма), мегапроекты призваны сыграть большую роль в мировой экономике. На каждый из них будет приходиться 30–45% мирового ВВП, 20–35% мировой торговли, 20–40% ПИИ, а совокупный

⁴⁷ *Basu Das S.* RCEP and TPP: Next stage in Asian regionalism. URL: <https://www.asiapathways-adbi.org/2013/07/rcep-and-tpp-next-stage-in-asian-regionalism/> (дата обращения: 01.10.2019).

⁴⁸ *Benka S.* What are the Benefits of the TTIP? URL: <http://americatradepolicy.com/what-are-the-benefits-of-the-ttip/#.XZRIamAzbiU> (дата обращения: 01.10.2019).

объем проектов, учитывая пересечения участия стран одновременно в нескольких проектах, составит до 90% номинального мирового ВВП⁴⁹.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет китайская инициатива «Пояс и путь» (речь о ней подробно пойдет в третьей главе), которая затрагивает интересы всего постсоветского пространства и является ответом Китайской Народной Республики на протекающие в современном мире интеграционные процессы.

1.3. Страна-интегратор и особенности процессов регионализации на постсоветском пространстве

Для эпохи мегарегионализации является характерным, что «организация экономического пространства региона служит одним из важнейших средств повышения конкурентноспособности»⁵⁰. Под термином «международный экономический регион» принято понимать некоторую группу стран, зачастую (но необязательно) имеющих между собой тесные исторические и экономические связи: общую территорию, совместные культурные и языковые ценности, общую историю, примерно совпадающие интересы и проблемы (в том числе связанные с безопасностью). Устройство таких институтов может варьироваться, но всем им, как правило, присуще наличие четко оформленного ядра, состоящего из регионального интеграционного объединения и общих для всех членов группы региональных институтов⁵¹.

⁴⁹ Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016.

⁵⁰ Зевин Л.З., Либман А.М. Оптимальное экономическое пространство: проблема размеров // Мир перемен. 2007. № 4. С. 130–142.

⁵¹ Там же.

К такому определению международного экономического региона с некоторыми особенностями можно отнести и постсоветское пространство. Его главной особенностью, в отличие от групп стран других регионов, является то, что советские республики раньше были частями одного народнохозяйственного комплекса, а следовательно, взаимодействие между ними априори является более тесным, чем взаимодействие на любых, даже самых высоких ступенях интеграции между разными государствами. На первый взгляд, такой опыт совместного ведения хозяйственной деятельности должен был способствовать развитию современных интеграционных связей в регионе. Однако на практике страны все больше отдаляются друг от друга как в экономическом, так и в политическом поле.

В течение почти тридцати лет после распада СССР Россия регулярно прилагает усилия к формированию более взаимосвязанного постсоветского пространства, разрабатывая самые разнообразные проекты, включающие все стадии межгосударственной интеграции (без учета финансовых ресурсов, соблюдения преемственности и последовательности). Наиболее перспективным из всех представляется интеграционный проект, начало которому было положено в 2010 г., когда Белоруссией, Казахстаном и Россией был создан таможенный союз, дополненный в 2012 г. единым экономическим пространством. На его базе 1 января 2015 г. был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого, помимо названных стран, стали Армения и Киргизия. Однако и он не лишен экономико-политических проблем. Согласно договору, Евразийский экономический союз создан с целью кооперации и сближения экономик стран-участниц, их модернизации, повышения конкурентоспособности на мировом рынке, а также создания условий для повышения качества жизни населения. В рамках Евразийского экономического союза должно быть обеспечено свободное движение капитала,

рабочей силы, товаров и услуг. Страны-участницы должны проводить согласованную экономическую политику в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве и энергетике. Однако значительное улучшение данных показателей не произошло, что во многом связано с негативными внешними факторами, которые пришлись на момент запуска союза: падение на мировых рынках цен на основные экспортные товары стран-участниц, ослабление национальных валют, экономический спад в России, негативно влияющий на торговые и инвестиционные связи со странами ЕАЭС, санкции Запада против России и украинский кризис, снижающие интеграционный потенциал РФ, замедление или падение темпов роста реального ВВП в других странах ЕАЭС⁵². По тем же причинам вызывает вопросы и успешная реализация на основе Евразийского экономического союза новой глобальной интеграционной концепции «Большая Евразия».

Кроме того, существует противоречие: на государственном уровне Россия объявляет о приоритетности отношений с постсоветскими странами, но при этом несколько болезненно и враждебно воспринимает их естественные стремления и действия, направленные на укрепление своей конкурентоспособности в мире. Все это неизбежно приводит к снижению интеграционных возможностей региона на фоне падающей привлекательности Российской Федерации как эффективного лидера в регионе, источника разнообразных ресурсов (интеллектуальных, технологических, финансовых), производственного опыта, образца и гаранта социальной справедливости.

К причинам неудач российских интеграционных проектов также можно отнести и временные рамки начала таких проектов. Согласно мировой практике

⁵² Глинкина С.П. БРИКС: текущее состояние и перспективы развития в меняющемся мире. Презентация доклада КНР, 2016. URL: <https://inecon.org/ctpany-s-formiruyushhejsya-rynochnoj-ekonomikoj-vzglyad-iz-kitaya.html> (дата обращения: 20.12.2018).

успешный интеграционный процесс появляется и получает свое развитие во время устойчивого роста экономики и укрепления различных региональных связей (политических, культурных и т. п.). Однако проект Содружества Независимых Государств возник в период распада крупной и сложноорганизованной государственной структуры, сопровождавшейся рядом конфликтов и разрывом хозяйственных связей между республиками.

Некоторые трудности для достижения успешной региональной интеграции объясняются и конфигурацией постсоветского пространства.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что региональная интеграция по своей сути не сводится к чисто экономическому процессу. Это связано с несколькими причинами: 1) дать старт интеграции могут только политические лидеры и исполнительная власть; 2) их решение должно получить поддержку большей части общества будущих партнеров; 3) мотивация к объединению должна подкрепляться общим историческим опытом взаимодействия, наличием культурно-цивилизационных связей; 4) должна быть потребность в укреплении геополитических позиций национальных экономик региона.

Опираясь на эти пункты, развивающиеся страны предприняли первые интеграционные движения. Однако все они характеризуются низким или средним уровнем развития, поэтому для формирования жизнеспособного регионального объединения необходима инициатива со стороны такой страны, экономический потенциал которой значительно выше не только потенциала любого другого члена этого объединения, но и даже совокупного потенциала всех других участников. Как пишет Диана Тассие, впервые обратившая внимание на эту закономерность, зачастую один крупный участник объединения определяет процесс во всем регионе, стремясь не столько

сохранить за собой лидирующие позиции, сколько создать глобальный прецедент⁵³.

В таком случае группа участников сталкивается с проблемой создания и поддержания нового баланса интересов между лидирующим членом и другими странами. Если государство-лидер четко выделяется и является мощным с экономической точки зрения, то ключевую роль играет положение внутри этого государства и те интересы, которые оно преследует в области геополитики и геоэкономики. Особенно наглядно это видно в тех региональных интеграциях, где экономический потенциал одного участника превышает совокупный потенциал остальных. Такие объединения характеризуются большей инициативой главного участника в решении всех проблем региона, тогда как каждая из стран по-прежнему будет исходить в первую очередь из собственных интересов. Главным требованием к лидеру подобной группы становится умение «посылать импульсы развития другим участникам интеграции и поясу соседства, не используя при этом доминирующие позиции исключительно в своих интересах»⁵⁴.

Постсоветское пространство представляет собой большую группу стран малых и средних размеров и одну страну – очень крупную, обладающую территориями и потенциалом, на порядок превышающими суммарные показатели остальных стран региона. При условии успешного развития государства-лидера, привлекательности его рынка, инвестиционных и производственных возможностей для других участников мог бы сформироваться эффективный интеграционный проект.

⁵³ *Tussie D.* Latin America: contracting motivations for regional projects. Review for International Studies. Vol. 35. Supplement 51. February, 2009. P. 169–188.

⁵⁴ *Зевин Л.З.* О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2015.

Интеграционные объединения с ярко выраженным лидером имеют ряд особенностей, в отличие от объединений национальных экономик, схожих по мощности, размеру и уровню развития. Такие группировки боятся введения наднациональных механизмов регулирования, неохотно принимают обязывающие условия, с осторожностью рассматривают вариант единой внешнеэкономической политики, опасаясь поглощения более мощной экономикой страны-лидера и потери национальной идентичности⁵⁵. В таких условиях крайне важную роль приобретает продуманная и последовательная политика регионального лидера и ее международная конкурентоспособность.

К сожалению, реальная экономическая ситуация в России на сегодняшний день не позволяет ей стать таким лидером в исследуемом регионе. Поэтому на первенство и организацию экономического пространства на постсоветском пространстве, помимо России, претендует ряд крупных внерегиональных игроков. Среди них – Европейский союз, США и Китай.

Одной из их инициатив является проект Евросоюза «Восточное партнерство», в качестве ключевой цели которого заявлено наращивание интеграционных связей ЕС с шестью странами бывшего Советского Союза: Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. Начало проекта было положено в мае 2009 г. в Праге принятием совместной декларации этих стран, которой закреплялось официальное учреждение «Восточного партнерства». В Пражской декларации прописано, что инициатива нацелена главным образом на «ускорение политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами» через поддержку «Восточным партнерством» политических, социальных и экономических реформ в этих странах. При этом объединение обязуется

⁵⁵ Зевин Л.З. Регион СНГ в постоднопольном мире: проблемы организации экономического пространства // Мир перемен. 2012. № 1. С. 143–158.

руководствоваться принципом «кондициональности», что означает продвижение на следующий этап только в случае выполнения участниками программы перечня требований Евросоюза⁵⁶.

Приоритетными в программе реформ в странах – партнерах ЕС являются: 1) демократия, развитие управленческой системы и обеспечение гарантированной стабильности; 2) энергетическая безопасность; 3) интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой Евросоюза (в т. ч. создание и расширение зон свободной торговли); 4) улучшение контактов между людьми (упрощение визового режима при усилении борьбы с незаконной миграцией из стран-партнеров).

Для участников партнерства согласие с данной программой реформ означало глубокую интеграцию в экономику Евросоюза, появление новых обширных зон свободной торговли, увеличение финансовой помощи, облегчение перемещения их граждан внутри ЕС при выполнении условий по повышению безопасности и внедрению мер энергобезопасности. В итоге эти страны вступили бы в эффективную ассоциацию нового поколения. Однако программа не стала успешной: экономический кризис, охвативший ЕС и самих предполагаемых стран-партнеров, привел к недостаточному финансированию «Восточного партнерства». По этой же причине наметился спад интереса к инициативе со стороны ЕС, который вынужден был заняться решением своих внутренних проблем. Также одной из причин, осложняющих реализацию проекта, можно назвать универсальную политику Евросоюза по отношению ко всем странам-партнерам, как будто все входящие в него государства являют собой единый, цельный регион. На наш взгляд, правильнее назвать их группой

⁵⁶ Сергунин А.А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 205–210.

стран с явно различающимися интересами при различном уровне социального и экономического развития.

Интеграционную концепцию, связанную с другим регионом постсоветского пространства – Центральной Азией, выдвигали США. В первом десятилетии 21 века американец Стивен Фредерик Старр (основатель Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса) выдвинул идею интеграционного объединения «Большая Центральная Азия» («Greater Central Asia»)⁵⁷. В основу своей концепции Старр положил исторический факт: в период средневекового расцвета Средняя Азия выходила далеко за пределы современных пяти постсоветских республик. Ученый предложил рассматривать данный регион гораздо шире, включая в него Афганистан, северо-запад Индии, часть территорий Пакистана и Ирана, а также китайский автономный район Синьцзян. Ф. Старр был уверен, что развитие инфраструктуры и снижение торговых барьеров вкупе с увеличением количества многосторонних форумов (например, «Greater Central Asia Partnership for Cooperation and Development») находятся в сфере американских интересов.

Теоретические выкладки Ф. Старра имели практические последствия. В структуре Госдепартамента США было образовано единое Бюро по делам Южной и Центральной Азии (деятельность которого распространяется на территории, перечисленные исследователем: пять стран Центральной Азии, а также Иран, Пакистан, Афганистан, Индия и др.). Таким образом, внешняя политика США на среднеазиатском направлении претерпела изменения после выхода в печать тезисов Ф. Старра. В бумагах Всемирного банка стал использоваться термин «Расширенная Центральная Азия» («Wider Central Asia»).

⁵⁷ *Старр С.Ф.* Утраченное Просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М., 2019.

Историческая основа концепции Старра стала базой и для геополитического конструирования до появления официальной доктрины США – «Новый Шелковый путь» («New Silk Road Initiative»). Эта доктрина была публично представлена госсекретарем Х. Клинтон 20 июля 2011 г. в городе Ченнае (Индия). Согласно этой стратегии, Центральная и Южная Азия становятся единым макрорегионом с Афганистаном в центре. Интеграция поспособствует созданию инфраструктуры от постсоветских республик Центральной Азии в южноазиатские страны через Афганистан. Кроме того, внутри макрорегиона можно будет усовершенствовать пограничные и таможенные процедуры, а также снизить нетарифные барьеры и в дальнейшем раскрыть рынки. Соединенные Штаты и раньше работали по данным направлениям, но теперь они были озвучены в составе единой геоэкономической концепции – альтернативы предложениям России и Китая.

Доктрина была принята внешнеполитическим ведомством США как ориентир ведения дел в данном регионе. «Расширение» Центральной Азии на юг в геополитической перспективе снижает значение России как лидера интеграционного объединения. Реализация широких инфраструктурных проектов может привести к экспорту сырья из Центральной Азии в обход России, заметно снижая нагрузку на северные железные дороги и трубопроводы. Новые потенциальные покупатели, желающие вывозить минеральные ресурсы из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана в страны Южной Азии, составят серьезную конкуренцию российским добывающим компаниям по доступу к их запасам.

Инициатива «Новый Шелковый путь» первоначально преследовала цель стать альтернативой Евразийскому экономическому союзу. Однако в настоящее время в реальности, а не на бумаге, выполнены лишь локальные проекты (мосты, участки дорог), не потребовавшие крупных денежных вливаний, а

также выстроена инфраструктура, участвующая в снабжении войск Североатлантического альянса на территории Афганистана (ж/д-ветка Хайратон – Мазари-Шариф).

При этом крупные стратегические коммуникации, о которых было заявлено в доктрине, пока остаются лишь планами, не претворенными в жизнь. Дипломатическая работа американцев неизбежно сталкивается с трудностями, связанными со спецификой региона. Так, например, внешние спонсоры не готовы оплачивать огромнейшие суммы на строительство транспортных объектов, которое затруднено из-за особенностей климата и рельефа на данной территории. Более того, по расчетам США основную массу финансовых издержек должны взять на себя союзные государства (Япония, ФРГ) и международные финансовые институты (например, афгано-узбекская железная дорога была построена фактически на деньги Азиатского банка развития), которые также не стремятся непомерно расширять количество своих трат, хоть и заинтересованы в развитии региона.

Постсоветское пространство на международной арене представляет большой геополитический и геоэкономический интерес. Перспективным видится китайский мегапроект – инициатива «Пояс и путь»⁵⁸, который затрагивает интересы всего региона и является ответом КНР на протекающие в мире интеграционные процессы. Для реализации предложенной инициативы Китаем был создан фонд в размере 40 млрд долларов, направленный на создание ЭПШП и финансирование его основных проектов, а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (с капиталом в 100 млрд долларов), основным учредителем которого является КНР (30,34% от общего объема). Кроме того, был подписан договор о сотрудничестве с Банком развития БРИКС

⁵⁸ Подробно он будет рассмотрен в гл. 3 нашего диссертационного исследования.

и Банком ШОС, в рамках проекта также планируется активное привлечение частных капиталов.

Китайская Народная Республика – инициатор и ключевой игрок проекта – в настоящее время является одной из крупнейших экономик мира, занимая лидирующее место в мире по ВВП по ППС и второе место по номинальному курсу. Она лидирует по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции, занимает первое место в мире по объему накопленных золотовалютных запасов (в 2012 г. золотовалютные резервы Китая вдвое превысили общемировую золотой запас⁵⁹).

Другими отличительными чертами китайской инициативы от проектов России, США и Евросоюза, помимо выделения финансирования вовлекаемым странам в виде инвестиций и кредитов, являются:

- двусторонний формат (Китай ведет переговоры и строит экономическое сотрудничество с каждой страной по отдельности);
- превосходство экономических интересов над политическими;
- конкретные совместные экономические проекты (строительство инфраструктуры, добыча полезных ископаемых, перенос из Китая и/или создание совместных производств).

⁵⁹ Данные Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com/sustainability/> (дата обращения: 21.03.2019).

ГЛАВА 2. Факторы и индикаторы экономического сближения КНР со странами постсоветского пространства

2.1. Внутренние проблемы китайской экономики и возможности их разрешения в ходе интеграции постсоветского пространства

За несколько прошедших десятилетий Китай, безусловно, сумел совершить «экономическое чудо» и из отсталой аграрной страны превратился в мирового экономического лидера. Китайская Народная Республика сегодня стоит на первом месте в мире по ряду ключевых экономических показателей (см. Таблица № 2), в том числе: ВВП по ППС, объему производства и экспорта готовой продукции, золотовалютным резервам и многим др. Страна активно ведет политику по привлечению прямых иностранных инвестиций. В 2019 году Китай установил исторический рекорд: за год было привлечено 148 млрд. долларов (первое место среди развивающихся стран). Быстро растут и китайские прямые инвестиции в мировую экономику: если на 2000 год они были практически равны нулю, то в 2019 году составили 145 млрд. долларов – качественно новый показатель, позволяющий Китайской Народной Республике превратиться в одного из крупнейших мировых инвесторов⁶⁰. На XIX съезде КПК Председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «Китай приближается к тому, чтобы стать центром мировой сцены. К 2050 году мы станем глобальным лидером по общей силе нации и международному влиянию»⁶¹. К 2050 году перед Китаем поставлена задача: выйти на первое место в мире по всем

⁶⁰ World Investment Report. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf.

⁶¹ Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5074766> (дата обращения: 25.10.2017).

показателям, стать основным мировым экономическим и политическим лидером, создать мощное зажиточное общество⁶².

Таблица № 2

Динамика основных показателей развития экономики КНР

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП КНР от мирового ВВП, %	9,2	10,3	11,5	12,5	13,4	15,1	14,8	15,1	15,8	15,9
ВВП от мирового ВВП (ППС), %	13,9	14,6	15,3	15,9	16,5	17,1	17,7	18,2	18,7	19,2
ВВП на душу населения, долларов	4524,1	5582,9	6329,5	7080,8	7701,7	8166,8	8115,8	8643,1	9608,4	10098,9
Численность населения, млн. человек	1340,9	1347,4	1354,1	1360,7	1367,8	1374,6	1382,7	1390,1	1395,4	1404,3
Объем товарооборота, млрд. долларов	2973,8	3641,8	3866,9	4158,9	4301,5	3953,1	3685,6	4104,4	4090,4	4057,8
Объем прямых инвестиций из КНР, в млрд. долларов	68,8	74,6	87,8	107,8	123,1	145,7	196,1	124,6	150,6	145,2
Приток прямых инвестиций в КНР, в млрд. долларов	114,7	123,9	121,1	123,9	128,5	135,6	133,7	136,3	145,4	148,2
Золотовалютные резервы КНР, млрд. долларов	2909,9	3254,7	3387,5	3880,4	3900,1	3405,3	3097,7	3235,7	3331,4	3389,9
Расходы госбюджета, в % к ВВП	22,6	23,1	24,2	24,6	22,3	26,0	26,3	28,2	28,1	29,1

Источник: составлено и рассчитано по данным UN Comtradedata.

URL: <http://www.comtrade.un.org/>, Worldbank. URL: <http://www.worldbank.org/>.

Однако, несмотря на достигнутые успехи и намеченные перспективы развития, некоторые эксперты в последнее время все чаще говорят о

⁶² Аносова Л.А. Китайская экономика сегодня: достижения и проблемы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 4–12.

возможной «жесткой посадке» китайской экономики⁶³, связанной с замедлением темпов экономического роста, проблемой перепроизводства, сложностями на рынке труда, ростом отрицательного сальдо между собственным производством и потреблением энергоресурсов, экологическими проблемами, замедлением темпов роста экспорта, проблемой интернационализации юаня и другими⁶⁴.

В данном параграфе мы анализируем ключевые проблемы китайской экономики в контексте возможности их разрешения (смягчения) с помощью развития сотрудничества со странами постсоветского пространства.

Одной из ключевых проблем бурно развивающейся Китайской Народной Республики является ежегодно увеличивающееся потребление энергоресурсов⁶⁵, при этом растет отрицательное сальдо между собственным производством и потреблением ресурсов, особенно нефти и природного газа (см. Таблица № 3). Перед Китаем стоит важная задача по преодолению экологических проблем и переходу с потребления каменного угля на более чистые виды топлива, в том числе на природный газ и нефть, что вынуждает страну увеличивать импорт этих ресурсов.

Таблица № 3

Добыча и потребление основных энергоресурсов в Китае, в млн. тонн

Год	Добыча угля, млрд. тонн	Потребление угля, млрд. тонн	Добыча нефти, млн. барр/сутки	Потребление нефти, млн. барр/сутки	Добыча природного газа, млрд. куб. м	Потребление природного газа, млрд. куб. м

⁶³ *Kroeber A.R.* China's Economy: What Everyone Needs to Know. Oxford University Press, 2016.

⁶⁴ *Яковлев А.А.* Государственный рыночный капитализм и проблемы китайской экономики // Экономика и управление. 2019. № 5(163). С. 34–40.

⁶⁵ *Островский А.В.* Экономика КНР – прогноз до 2030 года. Основные проблемы китайской экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 2(6). С. 36–45.

2014	3,89	4,11	4,256	10,956	129,3	185,2
2015	3,67	3,91	4,398	11,398	134,1	197,5
2016	3,34	3,61	4,321	12,102	137,2	210,3
2017	3,49	3,78	4,532	12,563	148,9	239,8
2018	3,52	3,86	4,483	12,965	161,4	280,3
2019	3,51	3,93	4,654	13,276	164,9	303,7

Источник: составлено по данным National Bureau of Statistics of China, EIA.

Развитие сотрудничества с ресурсодобывающими государствами постсоветского пространства представляется выгодным для Китайской Народной Республики ввиду их территориальной близости и наличия огромных разведанных запасов (см. Таблица № 4).

Таблица № 4

Разведанные запасы природных ресурсов в постсоветских странах

Страна	Нефть, млн. тонн	Природный газ, млрд. куб. м	Уголь, млн. тонн
Азербайджан	1000	1310	–
Армения	–	–	100
Белоруссия	28	3,5	150
Грузия	35	8,5	200
Казахстан	5300	1820	31300
Киргизия	11,5	6,5	1340
Латвия	–	–	–
Литва	–	–	–
Молдавия	0,5	–	40,2
Россия	10200	44380	157010
Таджикистан	5,4	9,2	670
Туркмения	100	8100	–
Узбекистан	100	1680	2000
Украина	55	980	33873

Эстония	–	–	–
Постсоветское пространство	16837,4	58297,7	226683,2

Источник: составлено по данным World Energy Outlook.

URL: <http://www.worldenergyoutlook.org>.

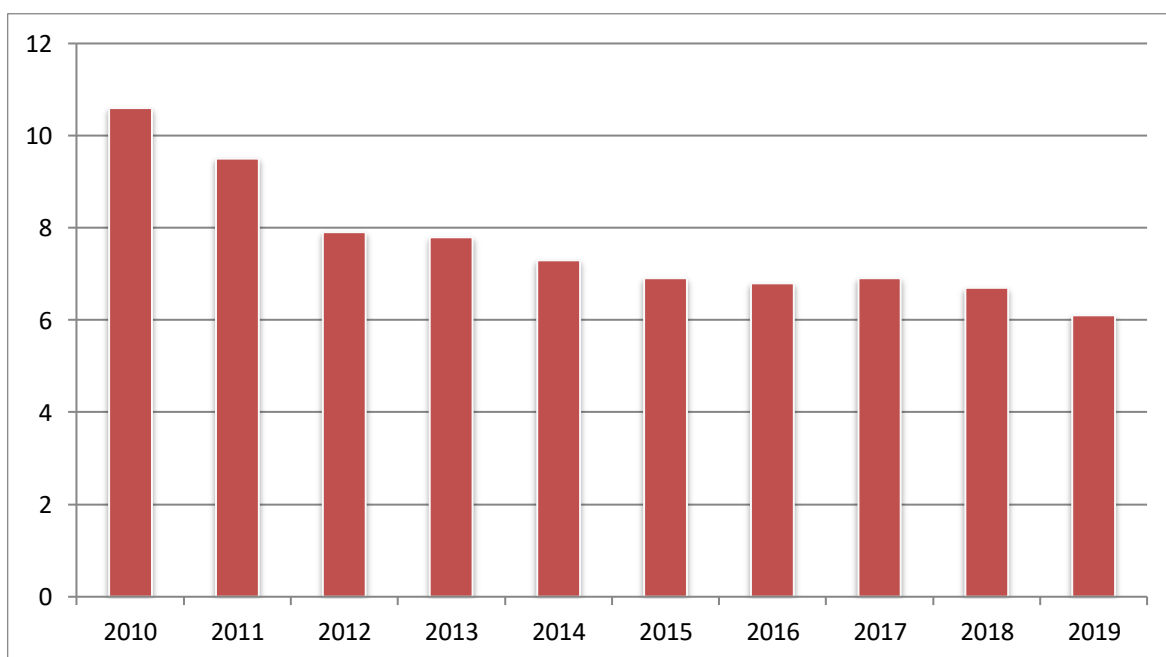
Особенно приоритетным для Китая является рынок России и стран Центральной Азии (общие запасы нефти и газа которых составляют более 7% от мировых). Так, между КНР и Казахстаном, чьи запасы нефти составляют 5,5 млрд. тонн⁶⁶, уже подписан ряд договоров о строительстве нефтепроводов, по которым будет осуществляться поставка казахской нефти в Китай. Сотрудничество в энергетической сфере выгодно и для стран Центральной Азии, в том числе поскольку китайские компании готовы инвестировать в энергетические проекты, реализуемые в этих странах, что поможет развитию ТЭК и инфраструктуры. Российская Федерация также активно продает в Китай свои энергетические ресурсы. Поэтому в данном направлении сотрудничества с Китаем Россию и страны Центральной Азии можно считать прямыми конкурентами⁶⁷.

Другой ключевой проблемой последнего времени не только китайской, но и мировой экономики в целом называют снижение темпов роста экономики КНР. Действительно, темпы экономического роста 6–7%, которые Китай показывает в последние годы, стали существенно ниже, чем в нулевые годы (10–12%) (см. Рис. № 2). В 2014 году Си Цзиньпин на форуме АТЭС заявил: «Китай после экономического кризиса вошел в состояние новой нормальности, которая указывает на постепенную перемену в динамике развития

⁶⁶ Kazakhstan Energy Data: Country Analysis Briefs // U.S. Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/countries/cab.cfm?fips=KZ (дата обращения: 11.01.2018).

⁶⁷ Яковлев А.А. Россия и Китай на постсоветском пространстве // Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая с Россией / Отв. ред. Л.А. Аносова. М.: Эдитус, 2017.

экономики»⁶⁸. Новая нормальность характеризуется переходом от экономического роста высокими темпами (рост ВВП от 7,5% в год) к росту средневысокими темпами (рост ВВП от 6 до 7,5% в год), оптимизацией экономической структуры, связанной с ростом урбанизации и потребительского спроса, а также тем, что основным источником роста вместо факторов производства становятся инновации. Китай вынужден развивать высокотехнологичные отрасли и науку, потому что прежние ресурсы роста (увеличение объемов экспорта, экстенсивный рост отдельных видов производств) уже не дают необходимого эффекта и каждый новый процент роста ВВП дается все с бóльшим трудом⁶⁹. Однако при этом стоит отметить, что намеченный на XVIII съезде КПК в 2012 году показатель ВВП в 80 трлн. юаней к 2020 году был выполнен уже в 2017 году.

Источник: рассчитано по данным Worldbank. URL: <http://www.worldbank.org/>.

Рис. № 2. Темпы прироста ВВП Китая (постоянные цены), в %.

⁶⁸ Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3738392> (дата обращения: 2.08.2018).

⁶⁹ *Портяков В.Я.* Полезная книга о китайской экономике // *Мировая экономика и международные отношения.* 2017. № 5. С. 118–121.

Расширение международного сотрудничества, в том числе со странами постсоветского пространства, может помочь сохранить темпы роста экономики в период трансформационных процессов перехода от экспортоориентированной модели широкомасштабного производства к инновационной модели экономики, сосредоточенной на высокотехнологичном производстве.

Перед КНР остро стоит проблема перепроизводства в ряде секторов экономики, связанных как с выпуском товаров массового потребления, так и с инфраструктурным строительством. Например, объем сталелитейной промышленности Китая на сегодняшний день превышает совокупный объем стали, производимой в США, Германии и Японии. Кроме стали, перепроизводство характерно для таких отраслей, как выработка алюминия, цемента и угля, производство стройматериалов, тяжелая промышленность, транспортное и энергетическое машиностроение. При этом стоит учитывать, что инфраструктура в самом Китае уже в значительной степени построена. Теоретически, у китайского руководства есть несколько возможных путей решения возникшей проблемы:

- закрытие части предприятий, что неизбежно будет сопровождаться ростом безработицы и, следовательно, социальной напряженности в китайском обществе;
- перекладывание проблем на плечи государства, например, путем объединения в один государственный концерн всех убыточных предприятий в отраслях, переживающих кризис перепроизводства;
- поиск новых рынков сбыта, развитие кооперации с различными международными партнерами в области использования производственных мощностей в надежде решить проблему

перепроизводства за счет активизации международного сотрудничества;⁷⁰

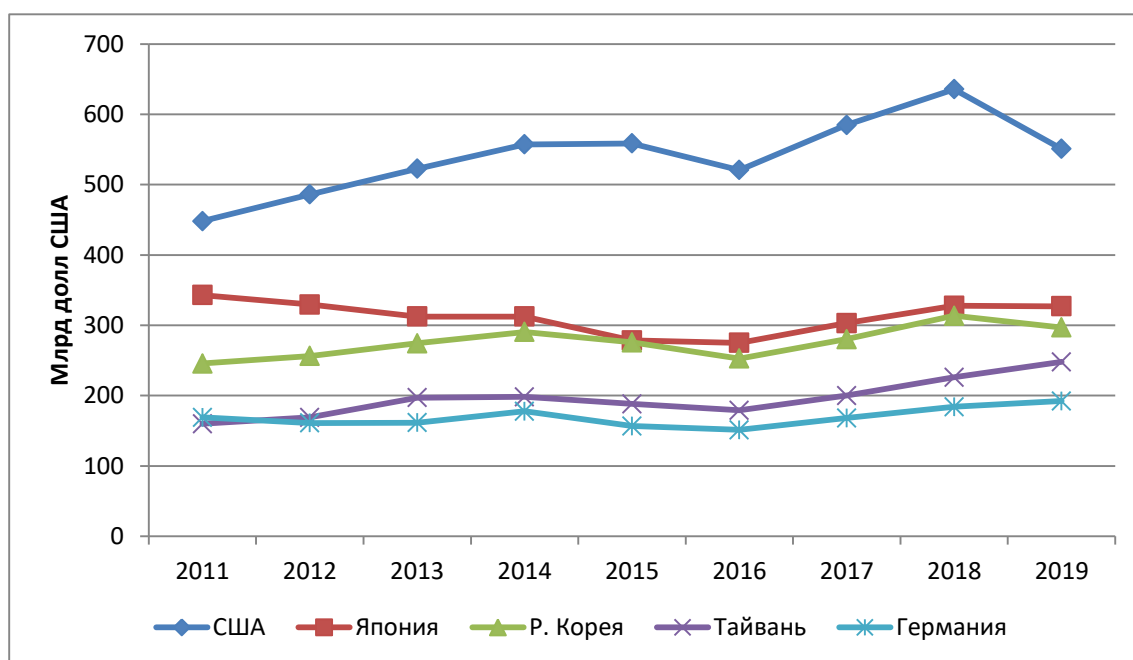
- комбинированный вариант: поиск новых рынков при постепенном сокращении избыточных мощностей.

Работая по всем этим направлениям, Китай все же предпочитает – расширение рынков сбыта, что становится одной из важнейших задач в интеграционной стратегии страны.

Расширение рынков сбыта продиктовано еще и тем, что в последние годы темпы роста торговли Китайской Народной Республики с ее традиционно основными партнерами показывали спад (см. Рис. № 3). Этот факт еще раз доказывает пробуксовку экспортоориентированной модели⁷¹ и необходимость плотнее выходить на другие рынки, среди которых особый интерес могут представлять страны постсоветского пространства, где еще готовы потреблять дешевые и при этом не очень качественные товары.

⁷⁰ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.

⁷¹ Портяков В.Я. Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 18-2. С. 596–608.

Источник: составлено автором по данным UNCTADStat. URL: www.unctadstat.unctad.org/.

Рис. № 3. Товарооборот Китая с основными внешнеторговыми партнерами, 2011–2019 гг.

Пробуксовка имеющейся модели в Китае происходит и из-за резкого роста заработной платы в ряде трудоемких отраслей промышленности (см. Таблица № 5).

Таблица № 5

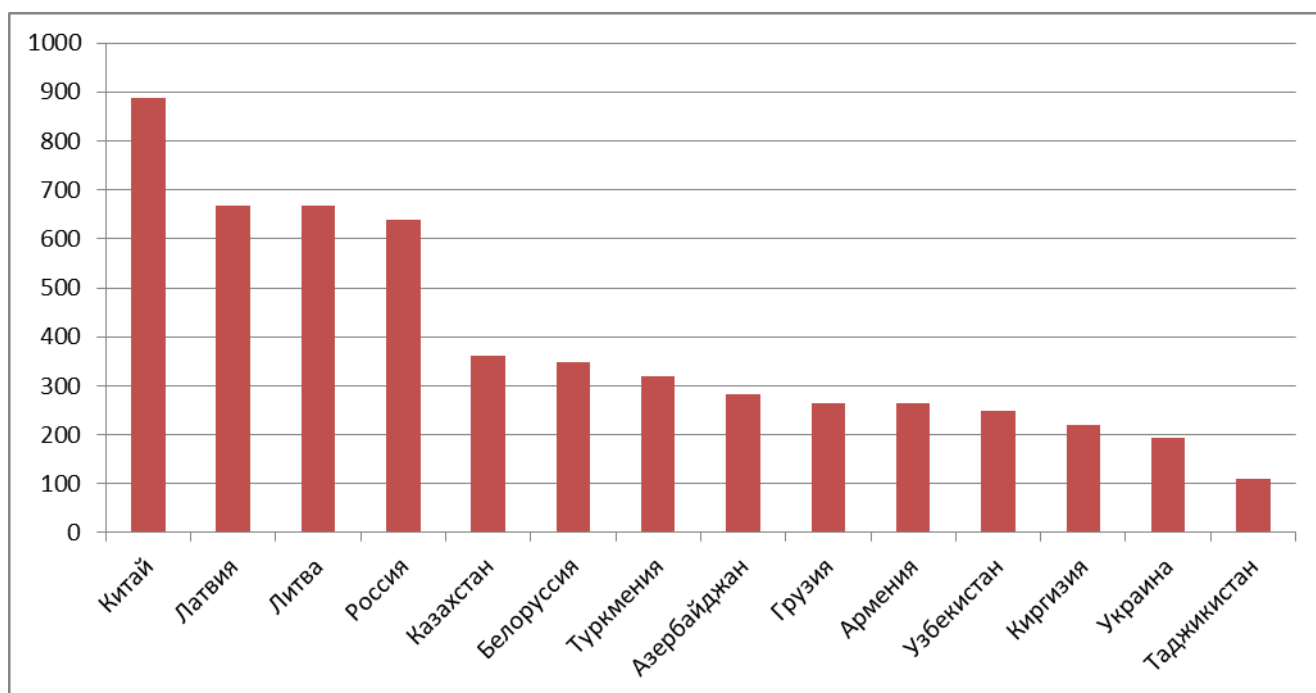
Средняя заработная плата наемного рабочего в городских районах Китая, в юанях

	2000	2005	2010	2015
Акционерные общества	11 105	20 272	44 118	72 644
Государственные компании	9 441	18 978	38 359	65 296
Кооперативы	7 479	13 808	30 271	60 369
Общества с ограниченной ответственностью	9 750	17 010	32 799	54 481
Совместные	10 608	17 476	33 939	50 733

предприятия				
Другое	9 888	11 230	25 253	46 945
Компании в коллективной собственности	6 241	11 176	24 010	46 607
Средняя з/п по предприятиям различной формы собственности	9 333	18 200	36 539	62 029

Источник: National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/eNgliSH/>.

За последние 15 лет, особенно после провозглашения экономической стратегии на использование внутреннего потребления в качестве одного из главных источников роста экономики, несмотря на значительную разницу по отдельным отраслям и типам компаний, расходы на заработную плату в КНР увеличились почти в шесть раз. Для сравнения приведем цифры, отражающие почасовую оплату рабочих на китайских фабриках: в 2003 году она составляла всего 0,62 доллара, в 2008 году – 1,32 доллара, а в 2013 году она уже достигала 2,2 доллара. На более сложных по своему устройству производствах и платить приходится больше, что делает перспективным для развития страны вынос теряющих конкурентоспособность производств за рубеж, в том числе на постсоветское пространство, где рабочая сила дешевле, чем в Китае (см. Рис. № 4).

Источник: составлено автором по данным Международной организации труда.

URL: <http://www.ilo.org/>.

Рис. № 4. Средняя заработная плата в Китае и постсоветских странах за 2019 год, в долларах.

С помощью переноса наиболее грязных производств Китая из неблагоприятных с точки зрения экологии регионов в сопредельные государства могут решаться и экологические проблемы, которые в последние годы очень остро стоят во многих провинциях КНР.

Китай активно ведет переговоры о переносе производств химической, горно-металлургической, нефтеперерабатывающей промышленности, заводов по производству стройматериалов в страны Центральной Азии⁷² на территорию Дальнего Востока России⁷³. химической промышленности, горно-металлургическом секторе, машиностроении, инфраструктуре, энергетике, агропромышленном комплексе, легкой промышленности, нефтепереработке, производстве стройматериалов.

⁷² https://forbes.kz/finances/markets/kitay_perevedet_v_kazahstan_51_predpriyatie

⁷³ https://www.bbc.com/russian/business/2016/04/160407_china_plants_in_russia

Стимулирует процесс переноса китайских производственных мощностей и стремление обойти те торговые пошлины, которые накладываются правительствами некоторых стран по отношению к товарам из Китая. Например, после повышения торговых пошлин в Евразийском экономическом союзе Китайская Народная Республика столкнулась с ситуацией, когда покупать ее продукцию стало не так выгодно для Казахстана, как было прежде⁷⁴. Отдельный интерес для КНР в контексте переноса производств представляют и постсоветские Прибалтийские республики, которые ввиду их членства в европейской интеграции могут способствовать проникновению Китая на рынок Европейского союза⁷⁵, что становится особенно желаемым на фоне развития торговых войн с Соединенными Штатами.

Благодаря выгодному территориальному положению на пути в Западную Европу страны постсоветского пространства интересны КНР в качестве транспортного коридора на желанный для нее рынок ЕС. В развитии инициативы «Пояс и путь» проявляется желание Китая дифференцировать способы торгового сообщения с мировыми рынками для поддержания своей геополитической и геоэкономической устойчивости⁷⁶. Также развитие транспортных маршрутов является способом трансплантации своих

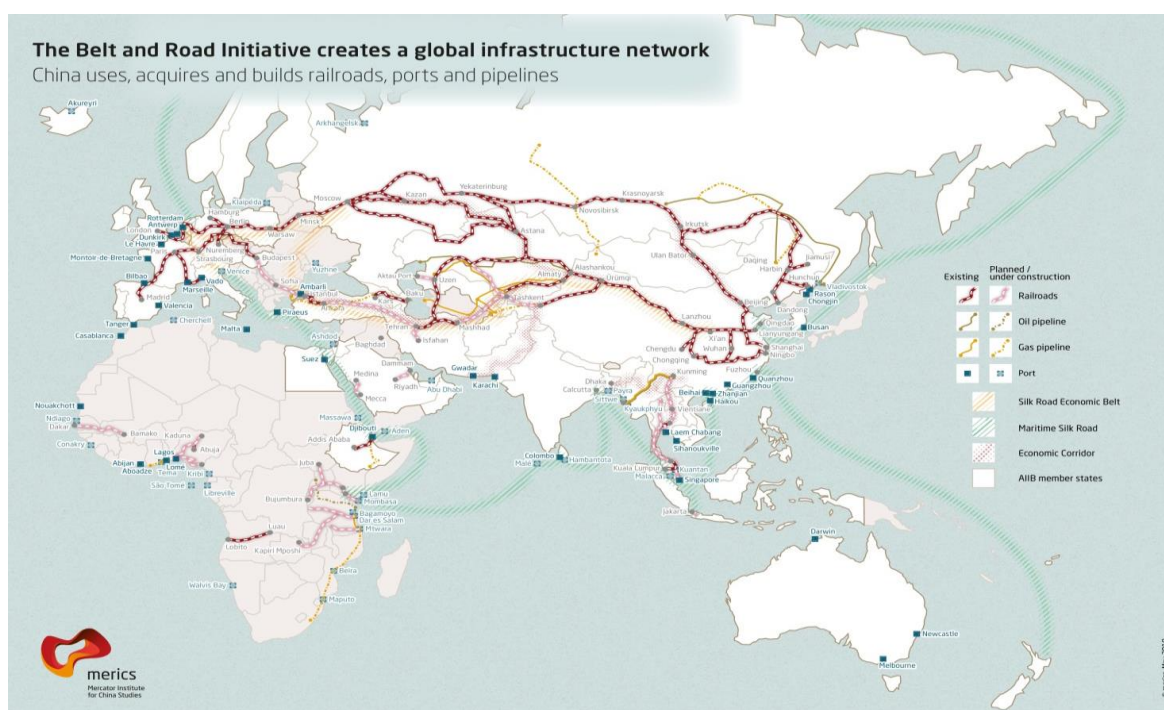
⁷⁴ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.

⁷⁵ Яковлев А.А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 13–19.

⁷⁶ Вардомский Л.Б. Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов // Проблемы Дальнего Востока № 6. С. 65–76.

транспортных технологий и использования ресурсов соответствующих отраслей экономики Китая в постсоветских странах⁷⁷.

Так, в рамках интеграционной инициативы планируется создание ряда маршрутов из Китая, проходящих по территории постсоветских стран к Европейскому союзу (см. Рис. № 5). Уже сейчас реализован маршрут «Шелковый Ветер», к 2020 году по нему запланирована доставка до 400 тысяч контейнеров в Турцию и Европу⁷⁸. По данному маршруту планируется провозить до 9% всего грузопотока из КНР в Европу.

Источник: <http://www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/brief/belt-and-road-initiative/>.

Рис. № 5. Карта инфраструктурных маршрутов инициативы «Пояс и путь».

В планах китайского правительства – построить железную дорогу через Китай, Казахстан, Россию, Белоруссию и Польшу общей протяженностью

⁷⁷ Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 66 с.

⁷⁸ Пан Ги Мун. Роль транспортных и транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества в целях устойчивого развития: доклад. 2015.

11 000 км, что позволит сократить путь из Китая в Европу на двадцать дней по сравнению с аналогичным морским транспортным путем. Кроме того, запланировано строительство автодорожного полотна из Китая в Европу (маршрут Ляньюньган – Санкт-Петербург) длиной 8 445 км (из них соответственно 3 425, 2 787 и 2 233 км приходятся на Китай, Казахстан и Россию)⁷⁹.

Страны постсоветского пространства играют важную роль в инфраструктуре китайской инициативы. Так, только по территории Казахстана проложено пять железнодорожных транспортных маршрутов⁸⁰. Проект «Пояс и путь» способствует развитию инфраструктуры стран-участниц и сокращению сроков поставки товаров (например, длительность пути товаров из Китайской Народной Республики в Германию по железной дороге составит 17 дней, в то время как сейчас морской путь отнимает в два раза больше времени)⁸¹. Одновременно с этим в слаборазвитых районах создается инфраструктура, которая должна способствовать их экономическому развитию в целом.

В КНР на сегодняшний день очень разные районы по своему уровню экономического развития. Условно Китай можно разделить на четыре группы регионов: 1) Приморские районы – наиболее развитые территории; 2) Северо-восток – старейшая промышленная база; 3) Центральный район – слаборазвитая в экономическом смысле зона; 4) Западные территории – наиболее отсталый регион страны. Для решения проблемы неравномерного развития Китай проводит широкомасштабные программы, начавшиеся с 2000 года и продолжающиеся до сих пор. Идет активное обсуждение коридора Китай – Монголия – Россия, в нем задействованы внутренняя Монголия и три северо-

⁷⁹ Тураева М.О. Транспортно-инфраструктурные проекты в Евразии // Мир перемен. 2016. № 1. С. 127–135.

⁸⁰ Вардомский Л.Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 8(494). С. 59–80.

⁸¹ Ремыга В.Н. Экономический пояс Шелкового пути // Вестник финансового университета. 2015. № 5. С. 123.

восточные провинции Китая, а также многие другие маршруты, вовлекающие в себя постсоветские государства⁸².

Рассматривая проблемы экономики Китайской Народной Республики через призму развития отношений с постсоветскими странами можно сделать вывод о наличии у Китая тщательно продуманной стратегии освоения постсоветского пространства. Целеполаганием которой стало разрешение внутренних проблем экономики путем развития интеграции на постсоветское пространство. Тактикой являются различные механизмы реализации, позволяющие решить комплекс взаимосвязанных проблем: развитие торговых отношений с постсоветскими странами позволяет получить рынок сбыта готовой продукции и поставщика необходимых для дальнейшего развития экономики КНР энергоресурсов, в то же время, приобретая у постсоветских стран нефть и газ, Китай решает экологическую проблему путем снижения потребления каменного угля. Проблему с экологией также помогает решить перенос грязных производств на территорию постсоветского пространства, который, в свою очередь, позволяет сохранить производственные мощности, столкнувшиеся с проблемой удорожания в Китае рабочей силы, а также способствует выходу китайской продукции на рынки, обходя торговые пошлины. Выходу на рынок китайской продукции способствует и строительство на постсоветском пространстве транспортной инфраструктуры, которая в добавок к основной своей задаче стимулирует развитие приграничных, слаборазвитых регионов Китая и помогает решению проблемы перепроизводства в отраслях, связанных с инфраструктурным строительством и т. п.

⁸² Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия – 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.

2.2. Комплементарность экономик постсоветских государств и Китайской Народной Республики

После распада Советского Союза на его территории образовалось 15 независимых государств, которые на основе их физико-географического, экономического, историко-культурного положения можно условно разделить на пять групп: 1) Россия; 2) Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония); 3) Восточная Европа (Белоруссия, Украина, Молдавия); 4) Закавказье (Азербайджан, Армения, Грузия); 5) Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан). На весь постсоветский регион приходится 17,3% суши, более 6,5% мирового населения, 1/4 разведанных ресурсов (в том числе 7% нефти и 40% природного газа), почти 12% мирового промышленного производства⁸³.

Х. Маккиндер в 1904 году охарактеризовал Евразию как «осевой регион в геополитике», утверждая, что, завладев этим пространством, можно претендовать на мировую гегемонию⁸⁴.

Наличие огромных запасов минеральных ресурсов, о которых было сказано в предыдущем параграфе, и выгодное территориально-географическое положение при недостаточно развитой экономике самих стран (подробнее экономические показатели стран постсоветского пространства см. в Приложении № 1) не могут не вызывать у глобальных акторов большой интеграционный и геополитический интерес. Как мы убедились в ходе настоящего исследования, такой интерес есть и у Китайской Народной Республики, которая с начала XXI века продуктивно развивает экономические

⁸³ Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2017.

⁸⁴ Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории. URL: <http://www.virmk.ru> (дата обращения: 25.04.2019).

отношения со странами постсоветского пространства. В предыдущем параграфе мы уже говорили о наличии интересов между этими странами.

Для подтверждения вербального анализа, говорящего о комплементарности экономик стран постсоветского пространства и Китайской Народной Республики, рассчитаем статистические торговые индексы для каждой группы стран постсоветского пространства (1 – Россия; 2 – Прибалтика; 3 – Восточная Европа; 4 – Закавказье; 5 – Центральная Азия) за 2000, 2006, 2012, 2019 годы и проследим, как менялась взаимодополняемость и перестраивались экономики постсоветских стран с момента начала освоения Китаем постсоветского пространства.

Рассчитаем для каждой группы стран *индекс комплементарности экономики с Китаем* за выбранные годы (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>).

Индекс комплементарности экономики показывает взаимодополняемость экономик стран-партнеров на основе структуры экспорта одного партнера и структуры импорта другого торгового партнера. Принимает значение 0 до 100%. Высокие значения свидетельствуют о большей торговой комплементарности, а следовательно, и о большем возможном успехе при создании интеграционной группировки между странами – торговыми партнерами.

$$\left[1 - \left(\sum_i \left| \frac{\sum_w m_{iwd}}{\sum_w M_{wd}} - \frac{\sum_w X_{isw}}{\sum_w X_{sw}} \right| \right) \div 2 \right] \times 100$$

где **d** – страна-импортер;

s – страна-экспортер;

w – все страны мира;

- i** – набор отраслей;
m – поток импорта товаров;
M – общий импорт;
x – поток экспорта товаров;
X – общий экспорт.

Таблица № 6

Индекс комплементарности экономики с Китаем, в %

	2000	2006	2012	2019
Россия	55,1	65,4	72,3	75,1
Прибалтика	20,2	22,4	19,5	23,6
Восточная Европа	42,3	46,5	52,4	56,2
Закавказье	32,3	37,4	38,1	37,5
Центральная Азия	62,1	66,4	72,4	84,5

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Рассчитаем для каждой группы стран **индекс зависимости экономики от торговли с Китаем** за выбранные годы (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>, Worldbank URL: <http://www.worldbank.org/>).

Индекс зависимости экономики от торговли с конкретным партнером показывает степень важности внешней торговли с конкретным партнером в экономике страны (или группы стран) и открытость экономики для внешней торговли с данным партнером.

$$\frac{\sum_s X_{ds} + \sum_s M_{sd}}{GDP_d} \times 100$$

- где **d** – исследуемая страна или группа стран;
s – торговый партнер;

GDP – валовый внутренний продукт;

X – экспорт;

M – импорт.

Таблица № 7

Индекс зависимости экономики от торговли с Китаем, в %

	2000	2006	2012	2019
Россия	2,4	2,6	3,8	6,4
Прибалтика	1,1	2,1	2,4	3,1
Восточная Европа	2,0	2,8	2,7	6,4
Закавказье	0,3	1,5	2,3	3,4
Центральная Азия	2,7	5,7	9,3	9,4

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Рассчитаем для каждой группы стран **индекс доли внешней торговли с Китаем** за выбранные годы (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>).

Индекс доли внешней торговли с конкретным партнером показывает значимость торгового партнера в общей внешней торговле страны (или группы стран). Принимает значение от 0 до 100%. Высокие значения указывают на большую важность конкретного торгового партнера в общей внешней торговле страны (или группы стран). Увеличение данного показателя может свидетельствовать об усилении торговой интеграции между торговыми партнерами.

$$\frac{\sum_{sd} X_{sd} + \sum_{ds} M_{ds}}{\sum_{sw} X_{sw} + \sum_{ws} M_{ws}} \times 100$$

где **s** – исследуемая страна или группа стран;

d – торговый партнер;
w – все страны мира;
X – экспорт;
M – импорт.

Таблица № 8

Индекс доли внешней торговли с Китаем, в %

	2000	2006	2012	2019
Россия	4,5	6,7	10,1	16,1
Прибалтика	1,2	2,9	2,2	3,1
Восточная Европа	1,9	3,1	5,2	7,0
Закавказье	0,9	2,4	5,3	8,6
Центральная Азия	5,1	9,6	20,8	28,3

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Рассчитаем для каждой группы стран *индекс доли импорта с Китаем* за выбранные годы (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>).

Индекс доли импорта с конкретным партнером показывает значимость торгового партнера в общем импорте страны (или группы стран). Принимает значение от 0 до 100%. Высокие значения указывают на большую важность конкретного торгового партнера в общем импорте страны (или группы стран). Увеличение данного показателя может свидетельствовать об усилении торговой интеграции между торговыми партнерами.

$$\frac{\sum_{sd} M_{sd}}{\sum_{wd} M_{wd}} \times 100$$

где **d** – исследуемая страна или группа стран;
s – торговый партнер;

w – все страны мира;

M – импорт.

Таблица № 9

Индекс доли импорта с Китаем, в %

	2000	2006	2012	2019
Россия	2,8	7,3	17,0	20,8
Прибалтика	1,9	3,2	3,7	4,4
Восточная Европа	0,7	4,0	6,7	10,0
Закавказье	1,0	3,0	8,4	8,7
Центральная Азия	2,5	7,3	16,5	18,1

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Рассчитаем для каждой группы стран **индекс доли экспорта с Китаем** за выбранные годы (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>).

Индекс доли экспорта с конкретным партнером показывает значимость торгового партнера в общем экспорте страны (или группы стран). Принимает значение от 0 до 100%. Высокие значения указывают на большую важность конкретного торгового партнера в общем экспорте страны (или группы стран). Увеличение данного показателя может свидетельствовать об усилении торговой интеграции между торговыми партнерами.

$$\frac{\sum_{sd} X_{sd}}{\sum_{sw} X_{sw}} \times 100$$

где **s** – исследуемая страна или группа стран;

d – торговый партнер;

w – все страны мира;

Х – экспорт.

Таблица № 10

Индекс доли экспорта с Китаем, в %

	2000	2006	2012	2019
Россия	5,0	3,2	4,9	9,8
Прибалтика	0,1	0,2	0,5	1,0
Восточная Европа	3,2	2,2	2,2	3,6
Закавказье	0,2	1,8	1,6	8,1
Центральная Азия	6,9	12,7	26,2	34,9

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Рассчитанные индексы показывают, что роль торговли с Китаем в экономике значительно увеличилась для каждой группы стран постсоветского пространства в период с 2000 по 2019 год. Рост индекса торговли с Китаем говорит о большом возможном потенциале торговой интеграции, особенно для стран Центральной Азии, где он составил к 2019 году почти 30%.

Анализ индексов доли импорта и экспорта позволяет нам отметить, что для всех групп постсоветского пространства, кроме Центральной Азии, доля Китая в импорте значительно превысила долю в экспорте. В целом доля КНР в импорте всех стран постсоветского пространства выросла более чем в три раза, что свидетельствует о важности этих стран для Китая в качестве покупателей его готовой продукции. Наибольший рост доли КНР в экспорте показали граничащие с ним и обладающие запасами природных ресурсов страны Центральной Азии, Закавказья и Россия, что может быть свидетельством большого потенциала их сотрудничества с Китаем в энергетической сфере.

О потенциале развития отношений говорит и растущий у всех групп постсоветских стран индекс комплементарности экономики с Китайской Народной Республикой. Наибольшей взаимодополняемостью экономик с Китаем характеризуются страны Центральной Азии и Россия. Комплементарность экономик стран постсоветского пространства с Китайской Народной Республикой является причиной развития конкуренции между ними за китайский рынок, о чем свидетельствует *индекс торговой конкуренции*, рассчитанный для каждой пары стран постсоветского пространства за 2019 год на основе структуры экспорта в Китай (по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>).

Индекс торговой конкуренции показывает сходство между структурой экспорта стран (или групп стран) в страну-партнера. Принимает значение от 0 до 100%. Высокие значения свидетельствуют о схожей структуре экспорта стран в страну-партнера и об их возможной конкуренции на рынке страны-партнера.

$$\sum_i \min \left(\frac{\sum_w X_{isw}}{\sum_w X_{sw}}, \frac{\sum_w X_{idw}}{\sum_w X_{dw}} \right) \times 100$$

где **d** – исследуемая страна;

s – другая исследуемая страна;

w – страна-партнер;

i – набор отраслей;

x – поток экспорта товаров;

X – общий экспорт.

Таблица № 11

**Индекс торговой конкуренции стран постсоветского пространства на
основе экспорта в Китай за 2019 год, в %**

	Азербай- джан	Арме- ния	Бело- рус- сия	Гру- зия	Казах- стан	Кир- гизия	Лат- вия	Лит- ва	Мол- давия	Рос- сия	Тад- жики- стан	Турк- мени- стан	Узбе- кистан	Укра- ина	Эсто- ния
Азербай- джан	–	70	12	24	65	68	4	7	3	56	69	78	82	8	4
Армения	70	–	6	42	36	52	2	6	11	63	49	52	57	12	3
Белорус- сия	12	6	–	7	12	10	16	14	13	21	9	6	4	36	12
Грузия	24	42	7	–	8	10	9	6	3	32	16	18	23	11	4
Казах- стан	65	36	12	8	–	82	7	9	5	85	56	72	66	12	5
Киргизия	68	52	10	10	82	–	8	5	7	72	68	74	58	18	6
Латвия	4	2	16	9	7	8	–	89	16	14	10	8	6	36	65
Литва	7	6	14	6	9	5	89	–	14	18	5	4	6	26	44
Молда- вия	3	11	13	3	5	7	16	14	–	20	6	3	4	49	37
Россия	56	63	21	32	85	72	14	18	20	–	77	69	75	52	34
Таджики- стан	69	49	9	16	56	68	10	5	6	77	–	80	92	23	6
Туркме- нистан	78	52	6	18	72	74	8	4	3	69	80	–	87	13	8
Узбеки- стан	82	57	4	23	66	58	6	6	4	75	92	87	–	9	5
Украина	8	12	36	11	12	18	36	26	49	52	23	13	9	–	34
Эстония	4	3	12	4	5	6	65	44	37	34	6	8	5	34	–

Источник: рассчитано по данным UN Comtrade. URL: <http://comtrade.un.org/>.

По данным Таблицы № 11 видно, что структура экспорта в Китай наиболее схожа у стран, выделенных в одну группу: Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония); Восточная Европа (Белоруссия, Украина, Молдавия); Закавказье (Азербайджан, Армения, Грузия); Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан). Наиболее высокими показателями индекса торговой конкуренции между собой за рынок Китая характеризуются страны Центральной Азии. Высокий индекс торговой конкуренции за китайский рынок практически со всеми странами постсоветского пространства имеет Российская Федерация.

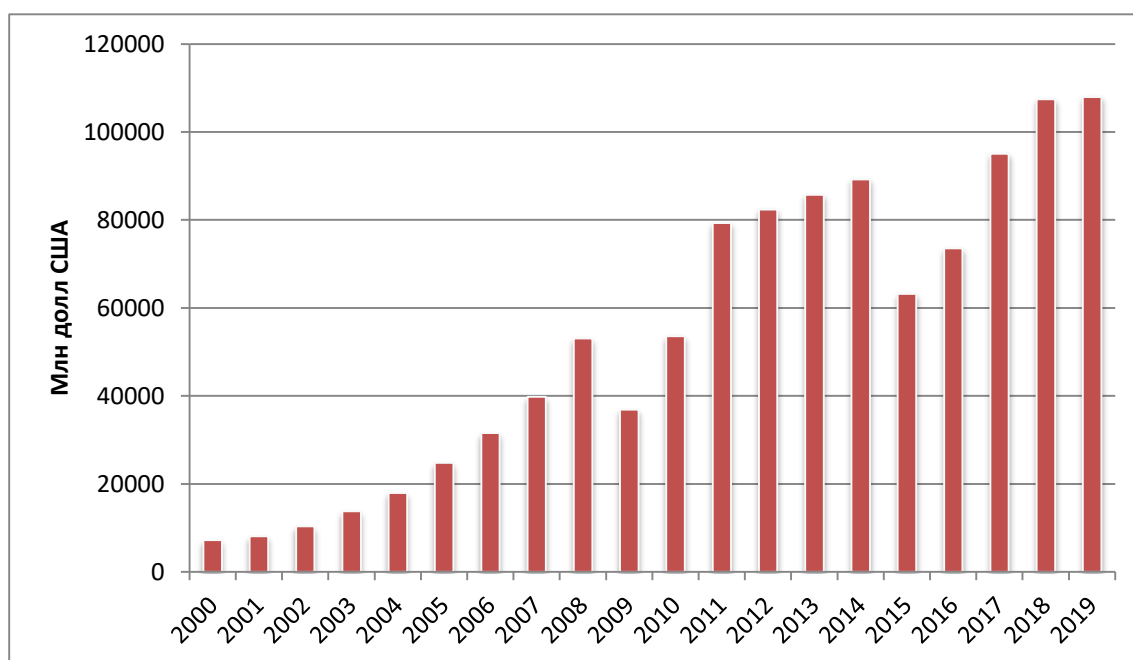
ГЛАВА 3. Основные направления и этапы реализации китайской стратегии освоения постсоветского пространства и возникающие при этом риски для Российской Федерации

3.1. Традиционные формы экономического сотрудничества

Развитие экономических отношений с постсоветскими странами является важной задачей для Китайской Народной Республики. Как мы убедились из предыдущей главы, постсоветское пространство представляет большой интерес для Китая. Стремительное развитие торговли между КНР и постсоветскими государствами стартовало с нулевых годов XXI века и сопровождалось китайскими финансовыми вливаниями (инвестициями и кредитами) в ресурсодобывающие сектора этих стран⁸⁵. В данном параграфе будут рассмотрены динамика и структура товарооборота, инвестиционное и кредитное сотрудничество между Китайской Народной Республикой и ранее выделенными группами постсоветских стран: 1) Россией; 2) Прибалтикой; 3) Восточной Европой; 4) Закавказьем; 5) Центральной Азией.

На сегодняшний день экономические связи между Россией и Китаем характеризуются высоким уровнем динамизма. Основой партнерства между странами является торговля. Резкое увеличение товарооборота началось после подписания Владимиром Путиным и Цзян Цзэмином в 2001 году договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». Рассмотрим динамику торговли между Россией и Китаем с 2000 по 2019 год (см. Рис № 6).

⁸⁵ Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–60.

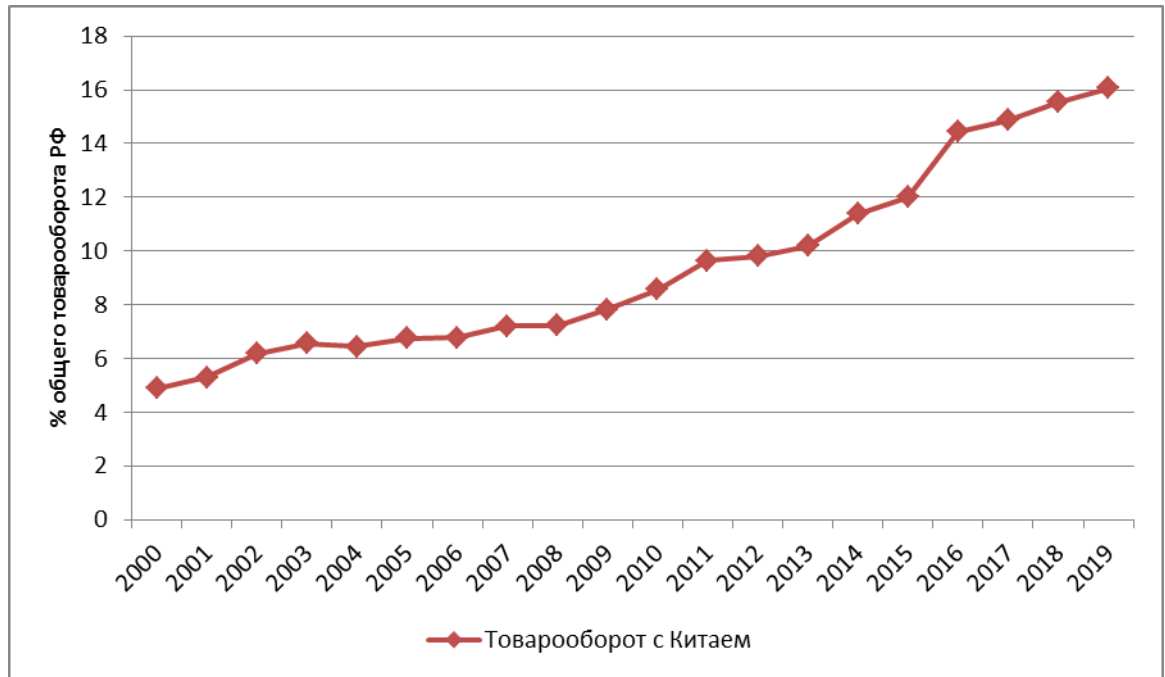
Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 6. Товарооборот России с Китаем, 2000–2019 гг.

С 2011 года Китайская Народная Республика занимает первое место в структуре товарооборота России. В 2019 году доля Китая в общем товарообороте России составила более 15% (см. Рис № 7). Российская Федерация находится в первой десятке среди партнеров Китая и на ее долю приходится более 3% общего внешнеторгового оборота КНР⁸⁶.

Из данных рисунков № 6 и № 7 видно, что товарооборот между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой значительно увеличился в период с 2000 по 2019 год. Ежегодно происходил положительный прирост объема торговли, кроме кризисного 2009 года (в нем товарооборот сократился почти на 30% по сравнению с 2008 годом) и 2015 года (ввиду нестабильной экономической ситуации в России и падения курса национальной валюты). В 2018 году российско-китайский товарооборот впервые преодолел отметку в 100 млрд. долларов. Общий прирост товарооборота за 2000–2019 годы составил более 1000%.

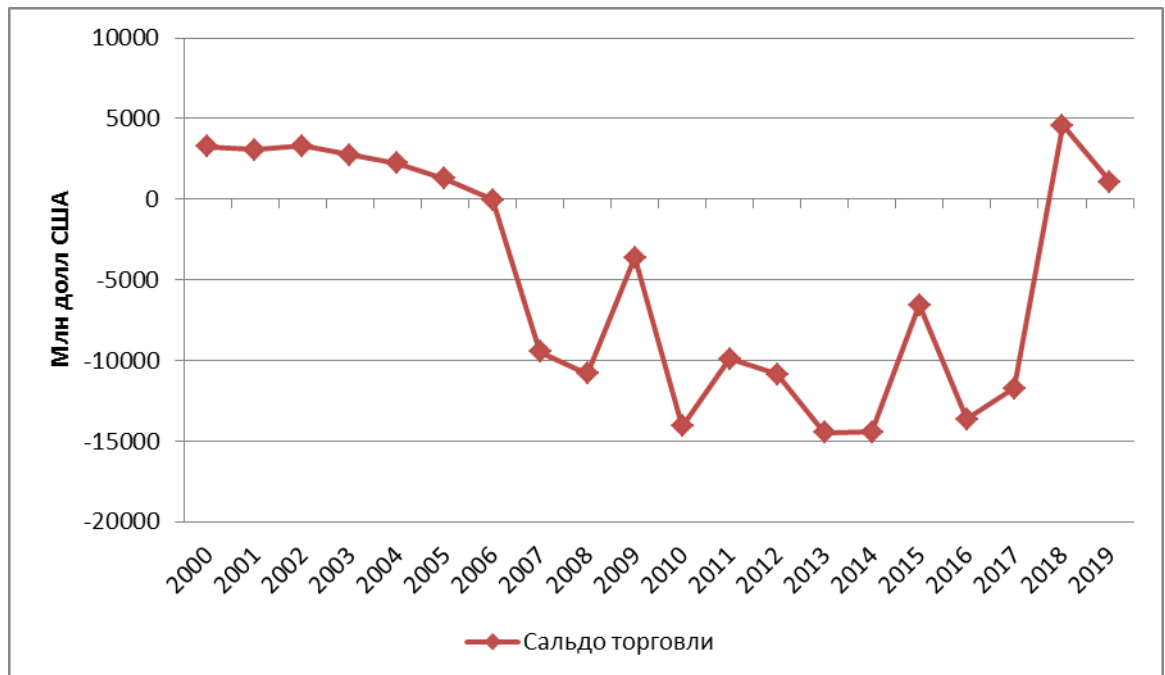
⁸⁶ Данные UN Comtrade. URL: <http://comtrade.un.org/> (дата обращения: 05.02.2019).

Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 7. Динамика доли товарооборота России с Китаем в % к общему товарообороту России, 2000–2019 гг.

Рассмотрим сальдо торгового баланса между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой с 2000 по 2019 год. (см. Рис. № 8).

Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 8. Сальдо торговли России с Китаем, 2000–2019 гг.

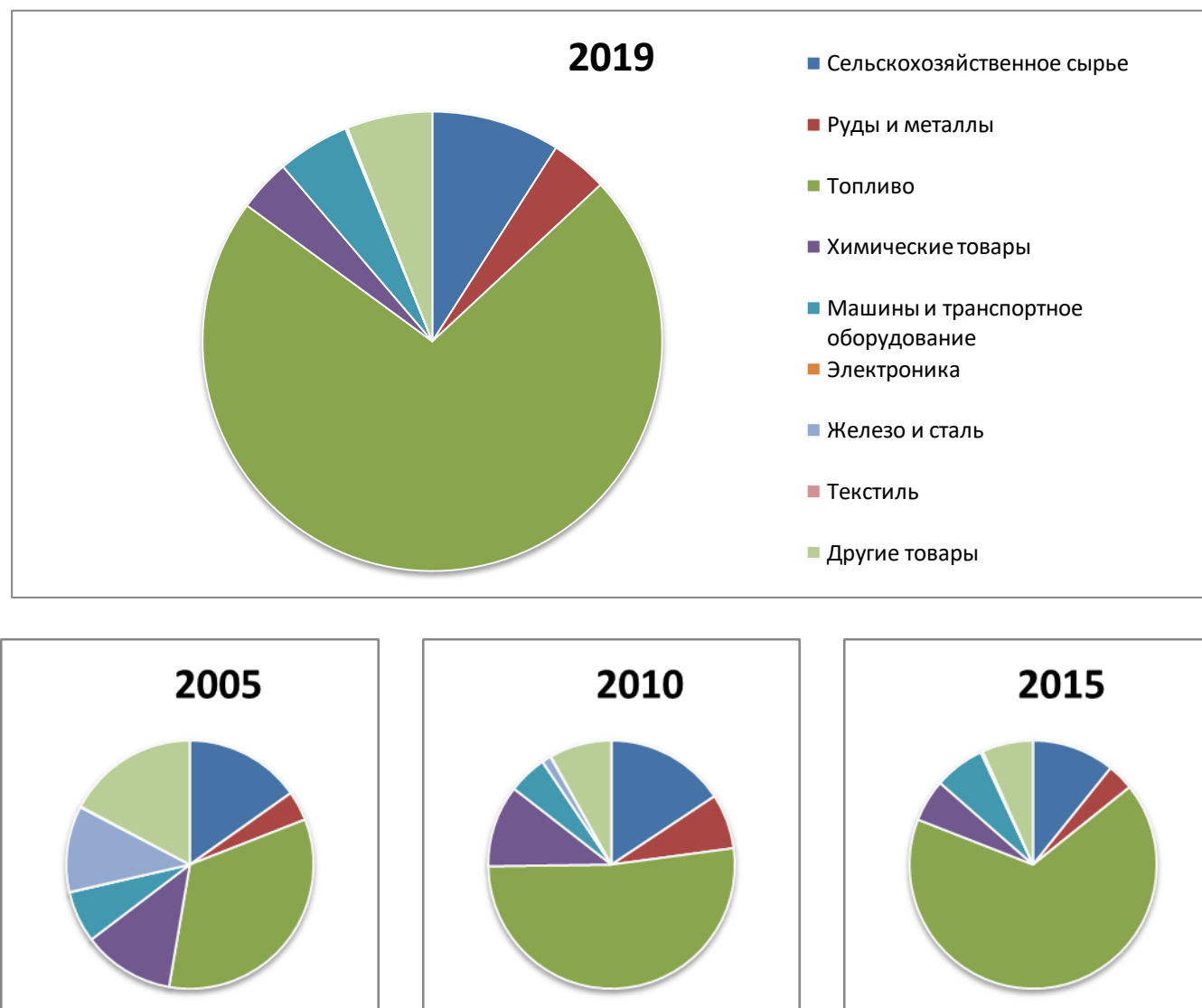
Из данных рисунка № 8 видно, что сальдо торгового баланса с позиции Российской Федерации было положительным с 2000 по 2006 год. С 2007 по 2010 год торговое сальдо было отрицательным, импорт китайских товаров сильно превышал экспорт из России в КНР, сальдо оставалось отрицательным вплоть до 2018 года, когда началась реализация крупных контрактов на поставку энергоресурсов в КНР⁸⁷.

Тенденция к росту минеральных ресурсов в структуре российского экспорта является проблемой в торговле с Китаем. Сырье в российском экспорте в Китай составляет львиную долю (энергонасосители, металлы, химическое сырье). Рассмотрим структуру российского экспорта в Китайскую Народную Республику с 2005 года (см. Рис. № 9).

По данным рисунка № 9 видно, что экспорт России в Китай в 2005 году был достаточно разнообразным, однако на протяжении всего временного периода наблюдается постоянный рост минерального топлива и нефтепродуктов в структуре российского экспорта в Китайскую Народную Республику, сейчас они составляют свыше половины всех торговых поставок. Значительную часть экспорта Российской Федерации в Китай составляют также древесина, цветные металлы, руды, шлаки, зола, химическая продукция и удобрения. Процент машинного оборудования, черных металлов, бумаги и целлюлозы существенно сократился в последние годы, что связано с увеличением производственных мощностей в КНР. Экспорт в Китай крайне важен для работы таких отраслей российской экономики, как лесная промышленность, черная металлургия, удобрения и оборудование для АЭС⁸⁸.

⁸⁷ По данным торгового представительства Российской Федерации в КНР. URL: <http://www.china.ved.gov.ru/> (дата обращения: 11.05.2018).

⁸⁸ *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М., 2006. С. 199.

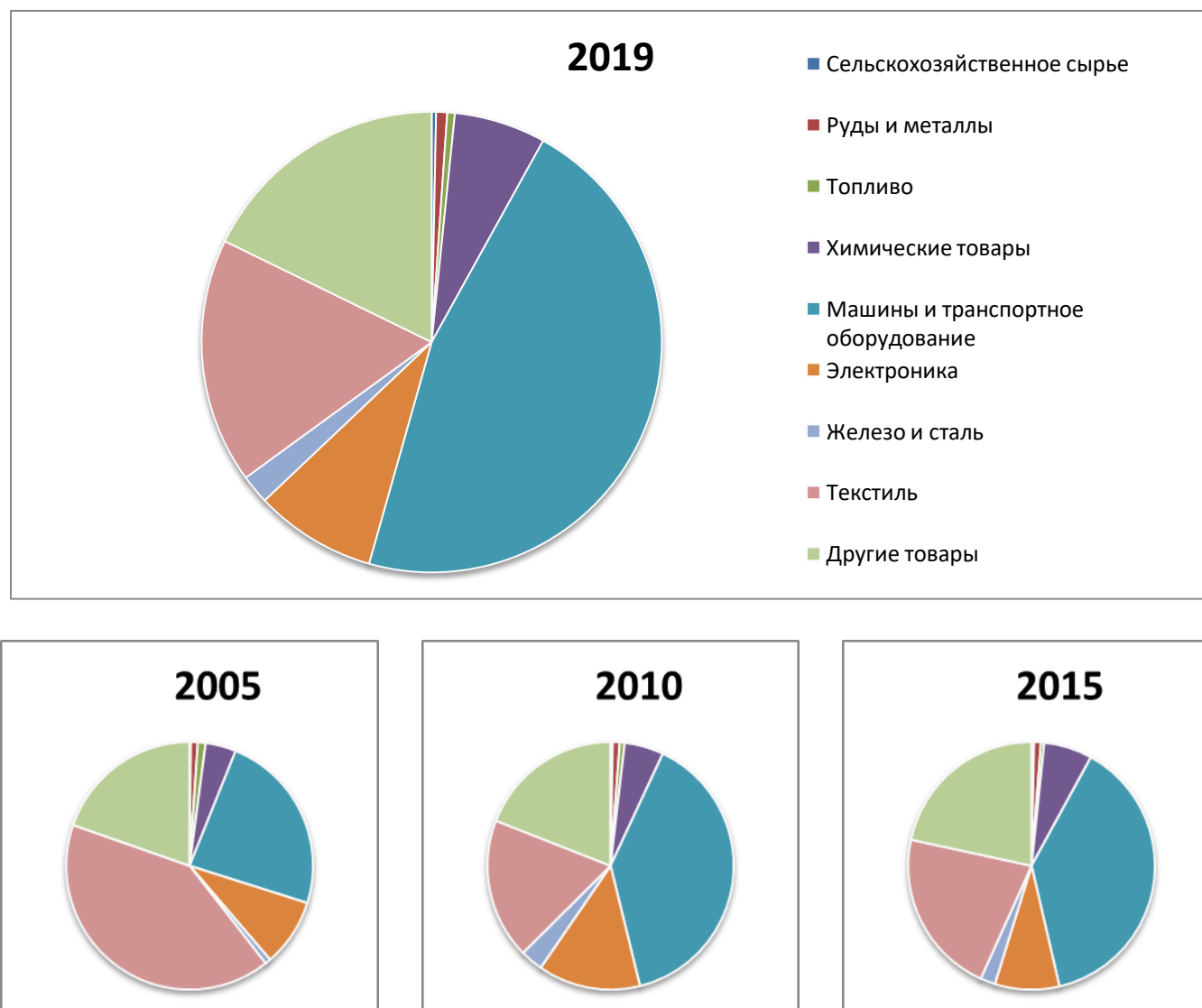

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://www.unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 9. Структура экспорта России в Китай, 2005–2019 гг.

Импорт из Китая более диверсифицированный, его на 75% составляет готовая продукция (пищевая продукция, техника и химическая переработка). Структура российского импорта из КНР с 2005 года представлена на Рис. № 10.

Источник: данные UNCTADstat.

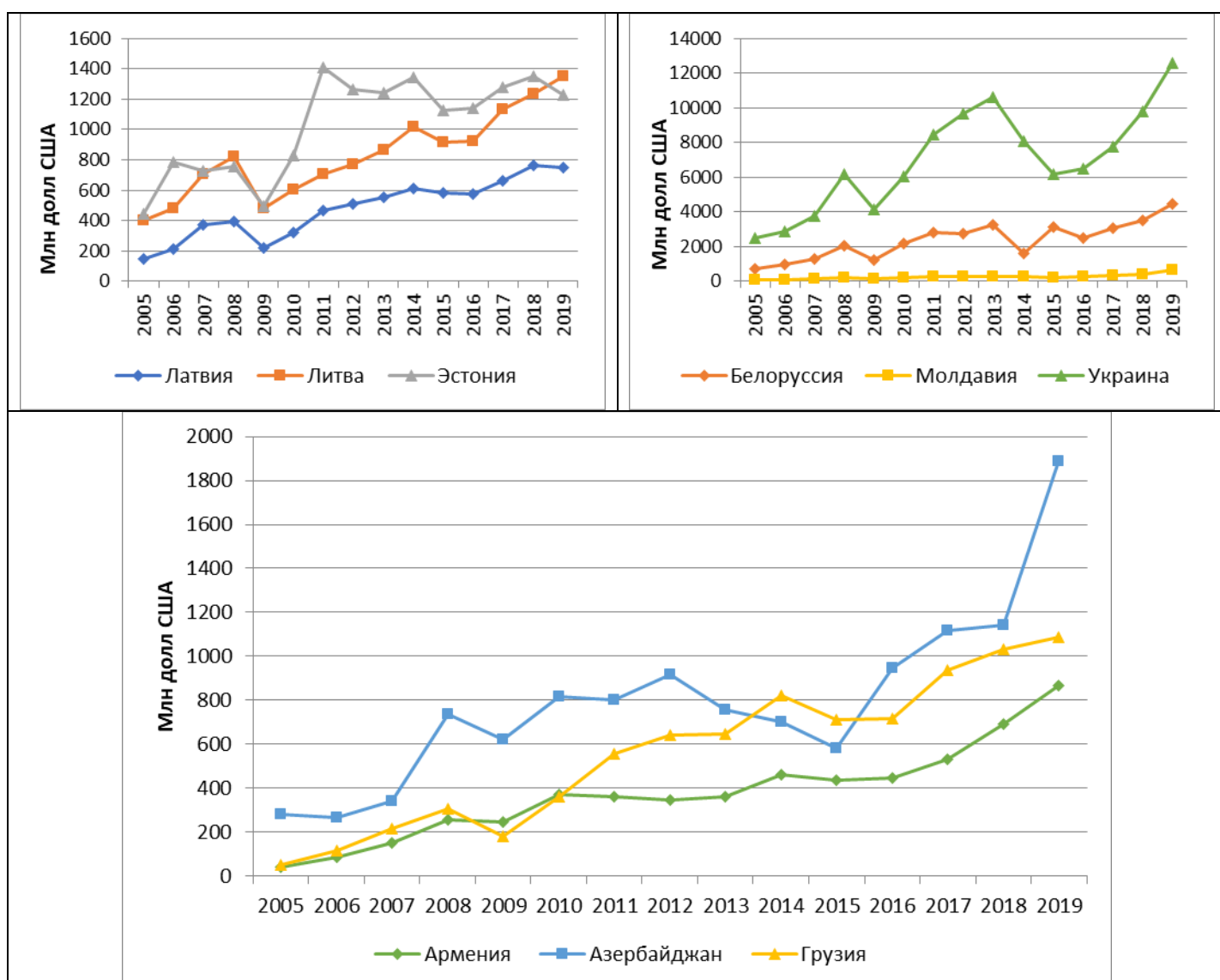
URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 10. Структура импорта России из Китая, 2005–2019 гг.

По данным этого рисунка видно, что основными статьями китайского экспорта в Россию являются машины, транспортное оборудование и химические товары. Доля этих товаров с каждым годом увеличивается в общем экспорте (увеличение во многом связано и с улучшением в последние годы качества китайской продукции), на них в настоящее время приходится половина всех поставок. Заметное место в импорте Российской Федерации из Китайской Народной Республики занимают одежда (трикотажная, текстильная)

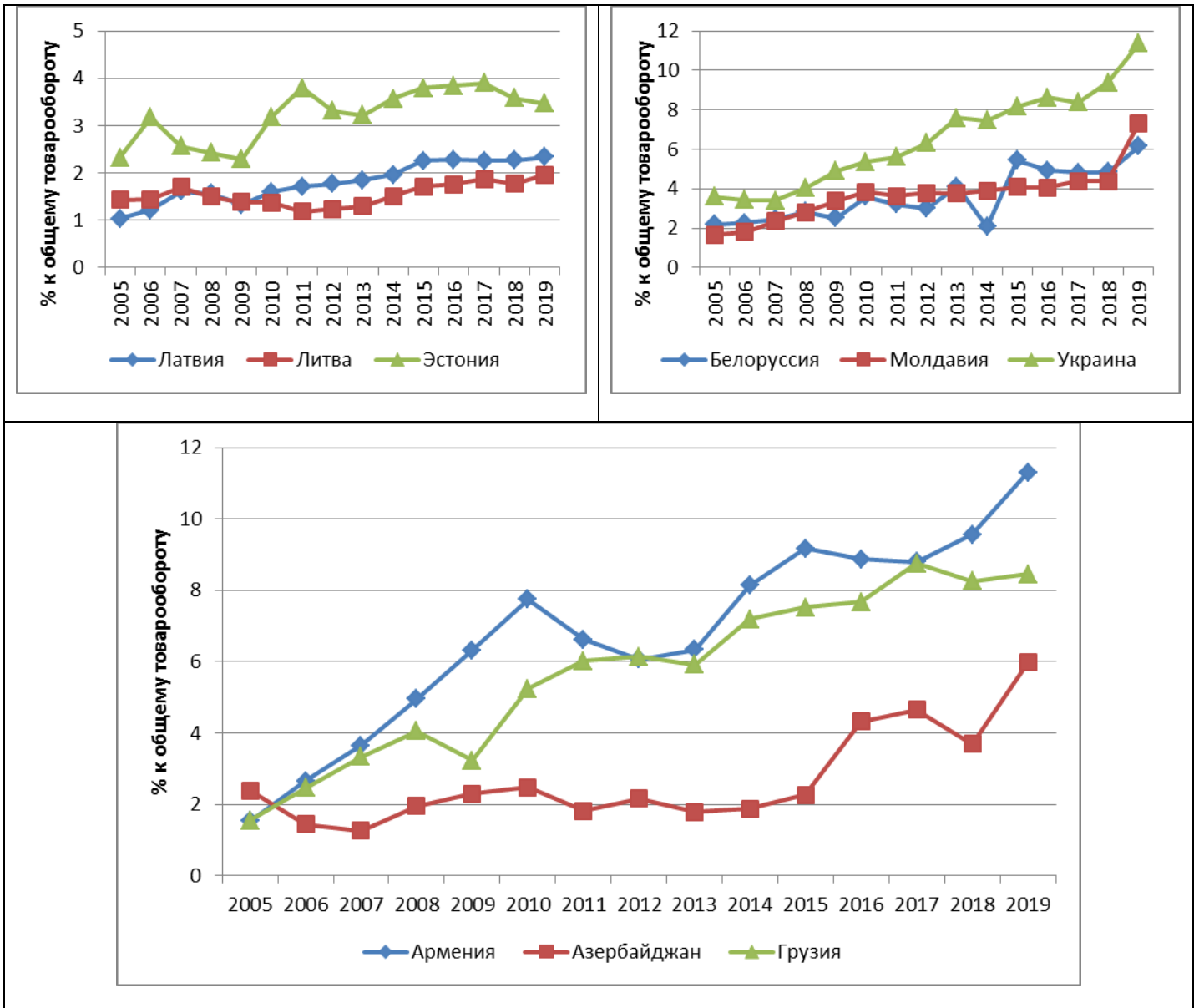
и обувь, поставки пищевой продукции (фрукты, овощи, горох, фасоль, мясные продукты).

В последние годы Китай также активно развивает торговые отношения с другими странами постсоветского пространства, растут как абсолютные цифры (см. Рис.№11), так и доля Китайской Народной Республики динамично растет в общем товарообороте этих стран (см. Рис. № 12).

Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 11. Товарооборот постсоветских стран Прибалтики, Восточной Европы, Закавказья с Китаем, 2005–2019 гг.

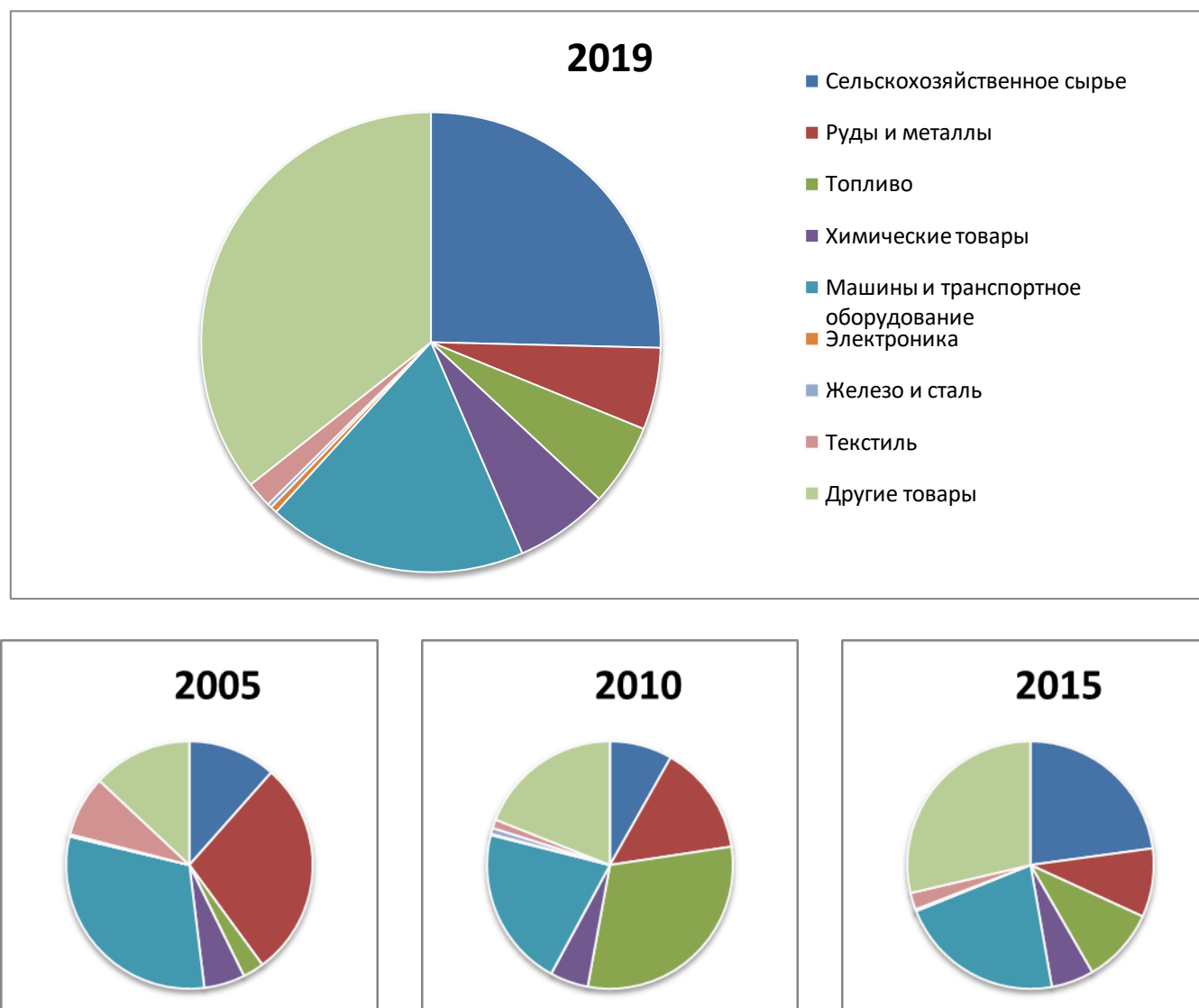

Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 12. Динамика товарооборота постсоветских стран Прибалтики, Восточной Европы, Закавказья с Китаем в % к их общему товарообороту, 2005–2019 гг.

Рассматривая структуру торговли по регионам постсоветского пространства видно, что экспорт стран Прибалтики (см. Рис №13) в Китайскую Народную Республику за выбранные годы достаточно разнороден и диверсифицирован, значительную его часть составляют: сельскохозяйственное сырье, машины и оборудование, видна тенденция к сокращению доли руд и

металлов. Структура импорта стран Прибалтики из Китая (см. Рис.№ 14) практически на половину состоит из машин и оборудования, значительную часть занимает продукция текстильной промышленности.

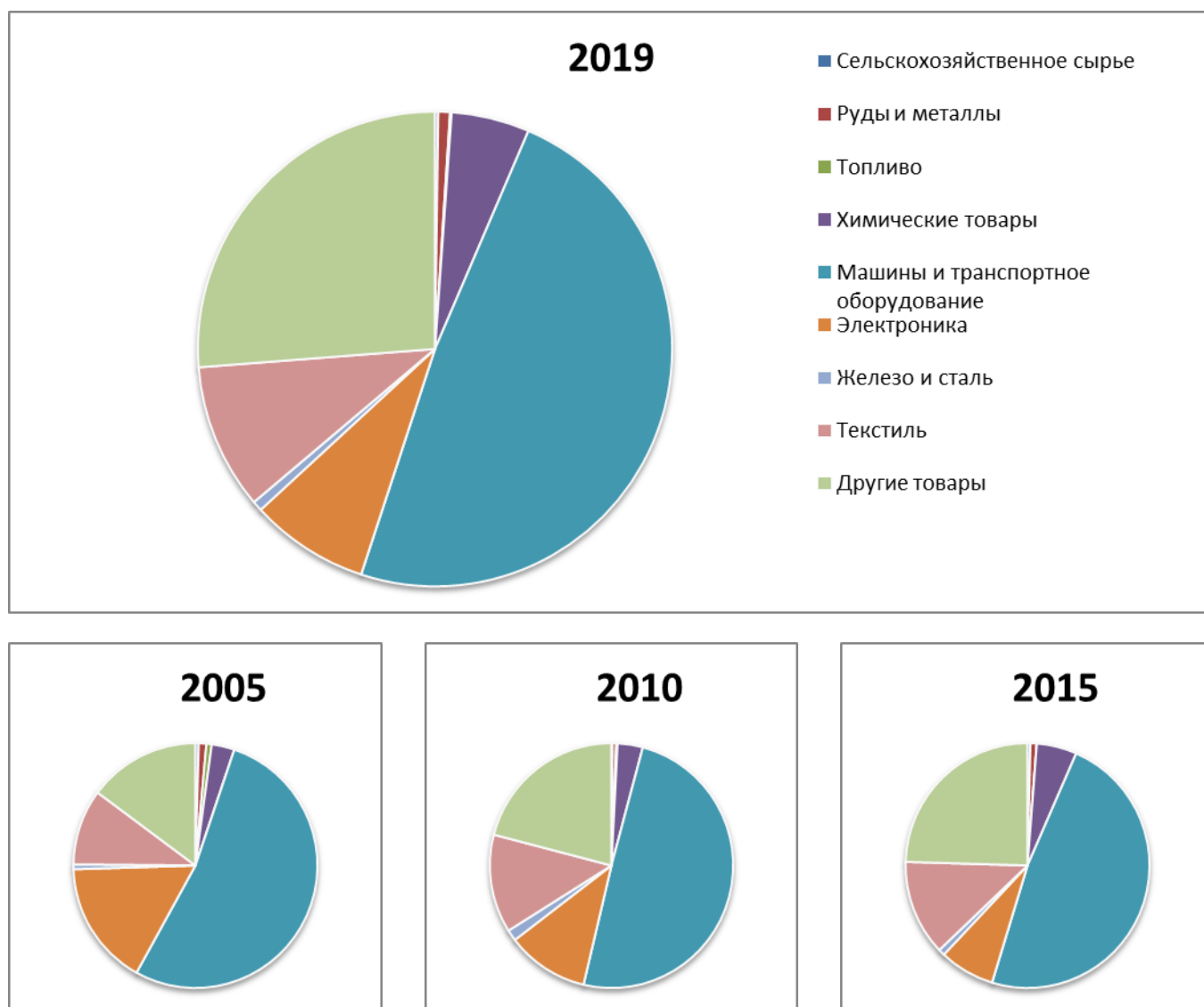

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 13. Структура экспорта стран Прибалтики в Китай, 2005– 2019

гг.

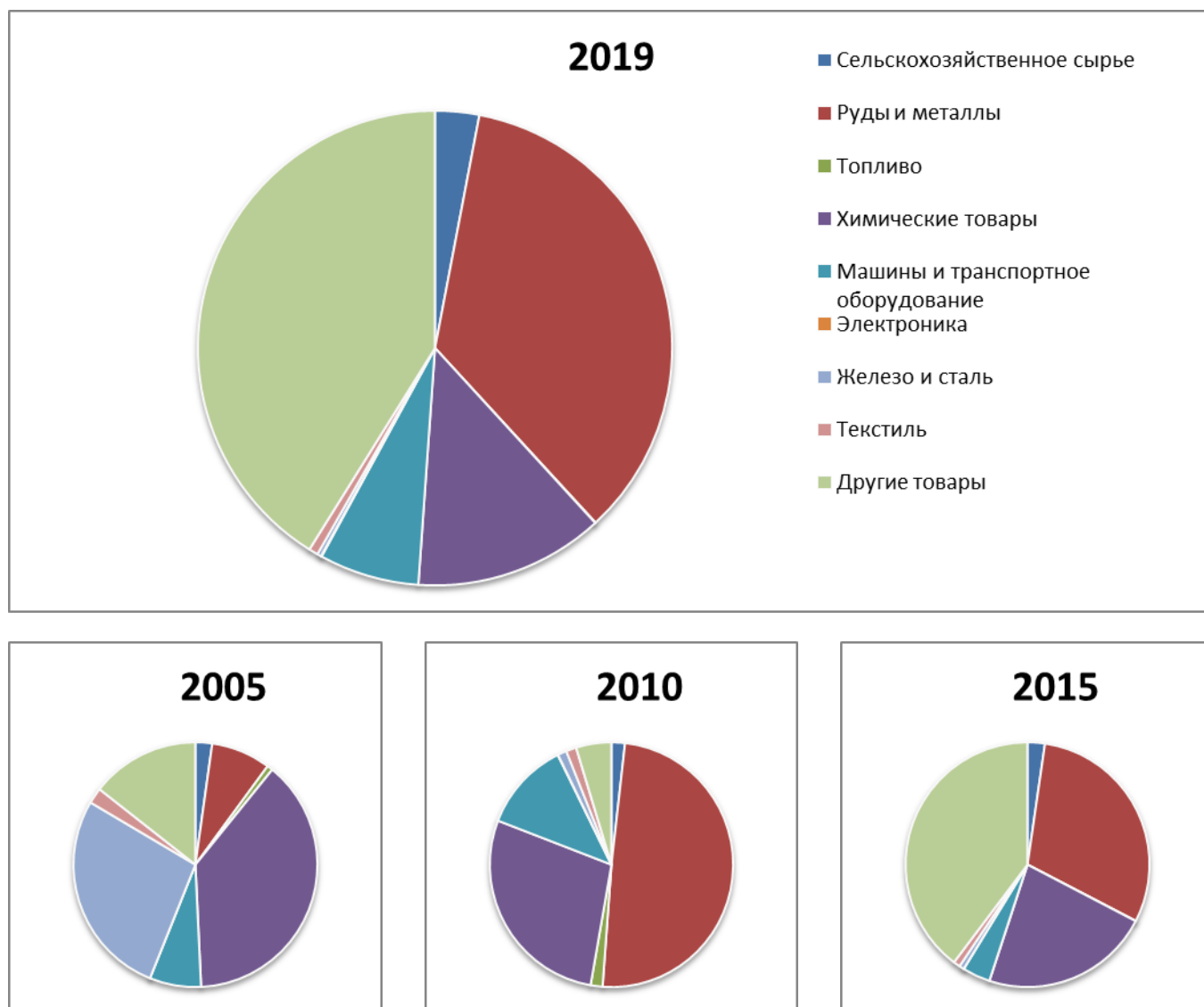

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 14. Структура импорта стран Прибалтики в Китай, 2005– 2019 гг.

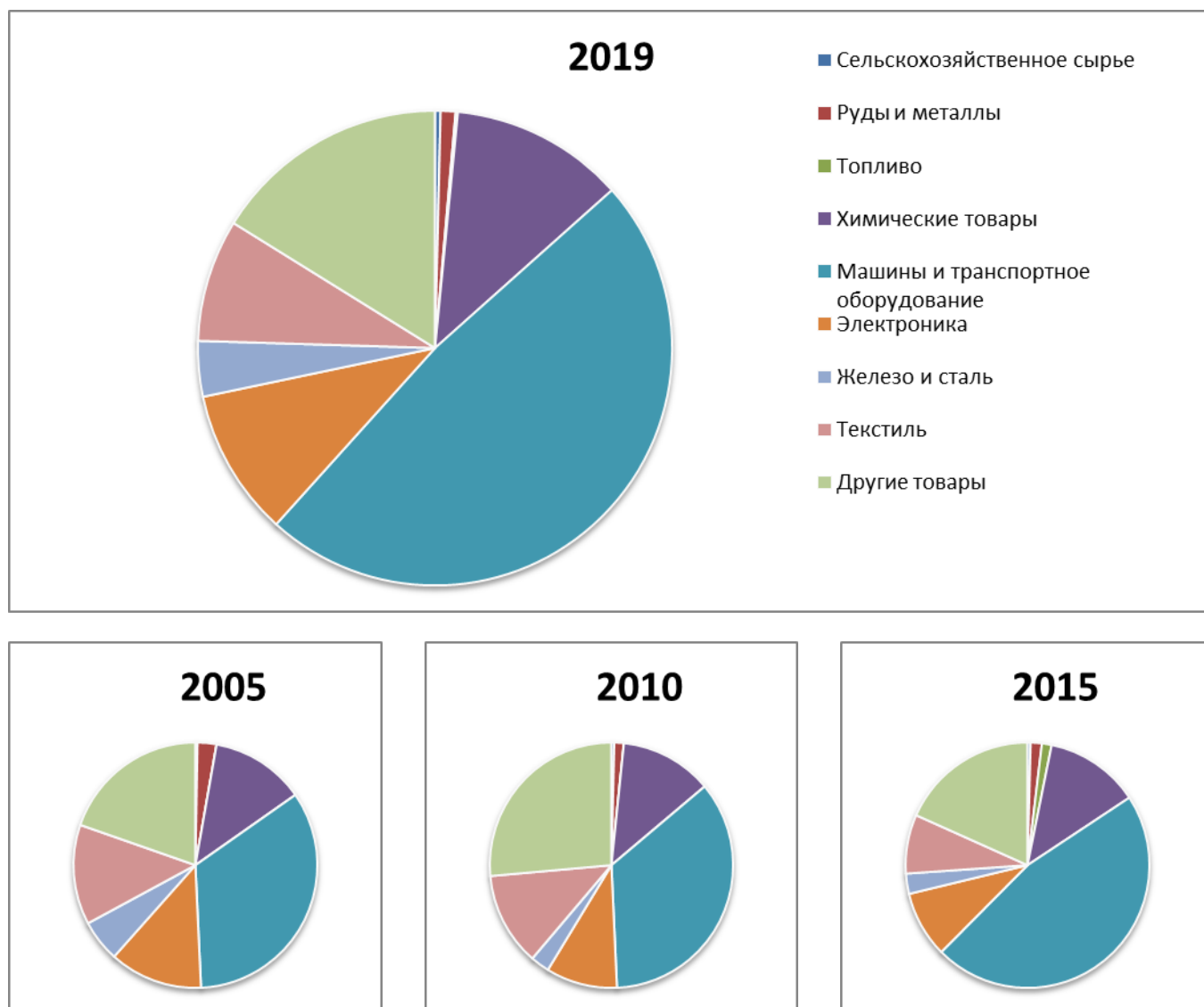
Рассматривая структуру торговли с Китаем постсоветских государств Восточной Европы, можно отметить, что экспорт стран (см. Рис.№15) в Китай состоит в основном из руд и металлов, а также продукции химической промышленности. В структуре импорта (см. Рис.№16) из Китая лидирующие позиции занимают: машины и оборудование, электроника, продукция легкой промышленности.

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 15. Структура экспорта стран Восточной Европы в Китай, 2005– 2019 гг.

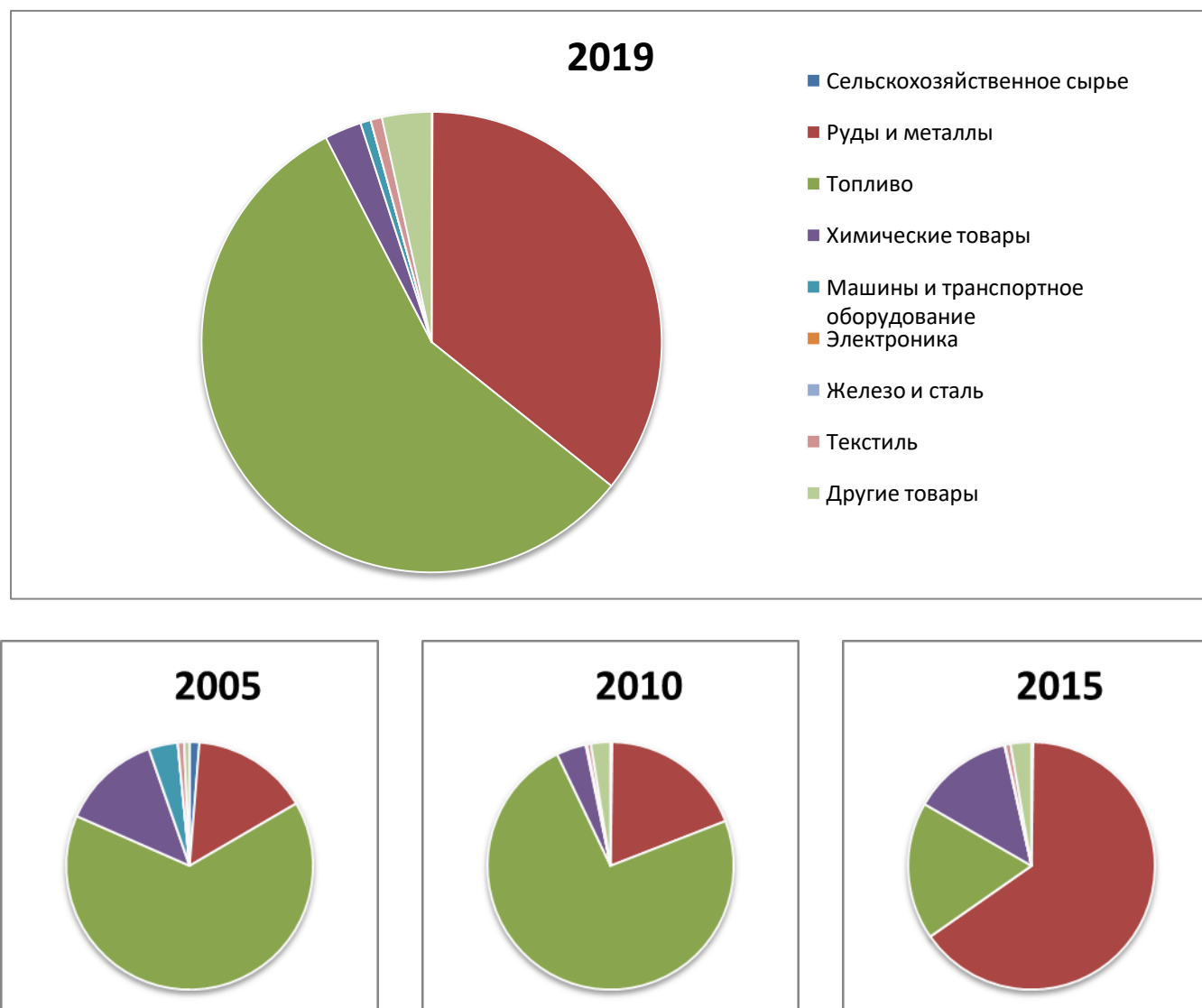

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 16. Структура импорта стран Восточной Европы в Китай, 2005– 2019 гг.

Структура экспорта постсоветских стран Закавказья в Китайскую Народную Республику состоит в основном из минеральных ресурсов, руд и металлов. В структуре экспорта как и в других группах стран постсоветского пространства прослеживается тенденция к росту машин и оборудования.

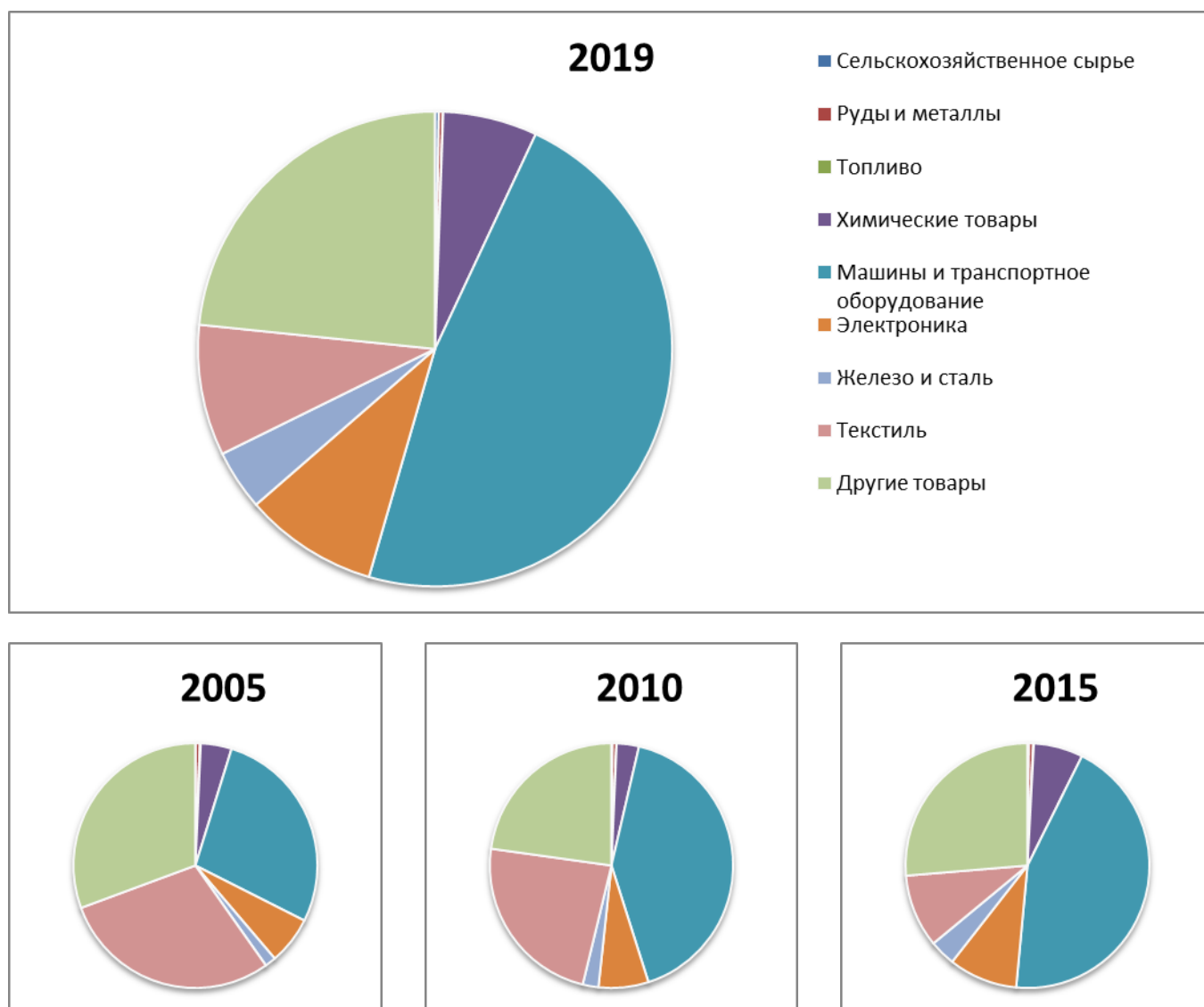

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 17. Структура экспорта стран Закавказья в Китай, 2005– 2019

гг.

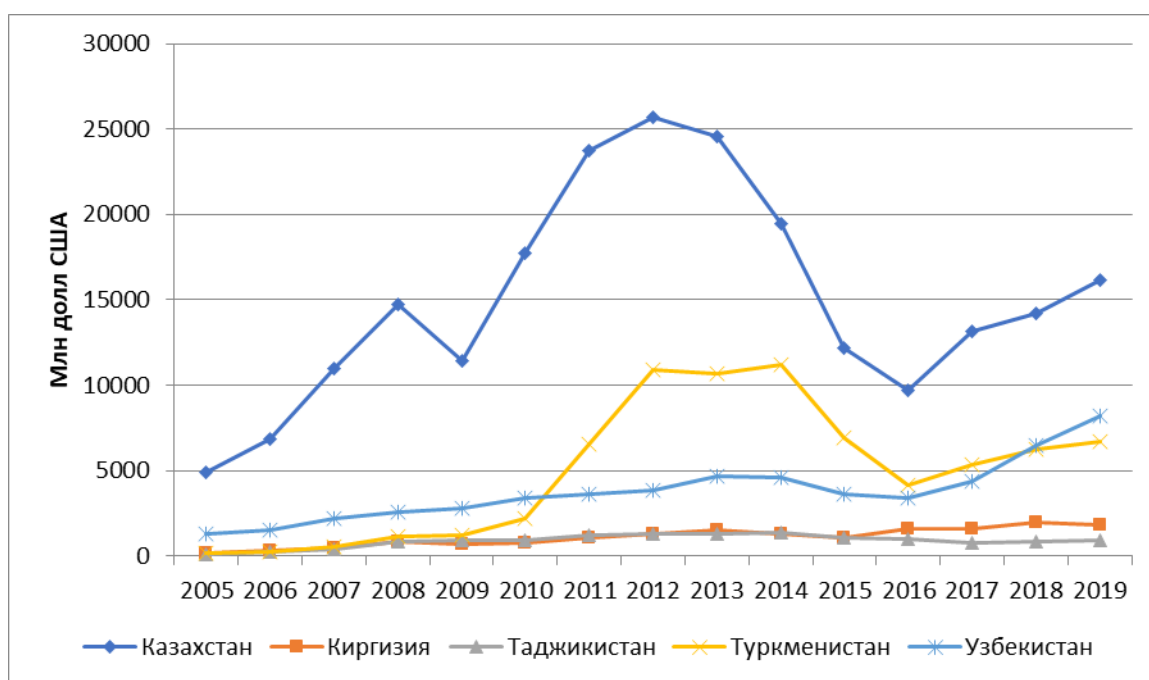
Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 18. Структура импорта стран Закавказья из Китая, 2005–2019 гг.

Наибольший интерес представляют торговые отношения Китая с граничащим с ним регионом постсоветского пространства – Центральной Азией. За период с 2000 года, когда началось экономическое проникновение Китая в регион, товарооборот КНР с Центральной Азией резко вырос, (см. Рис. № 19).

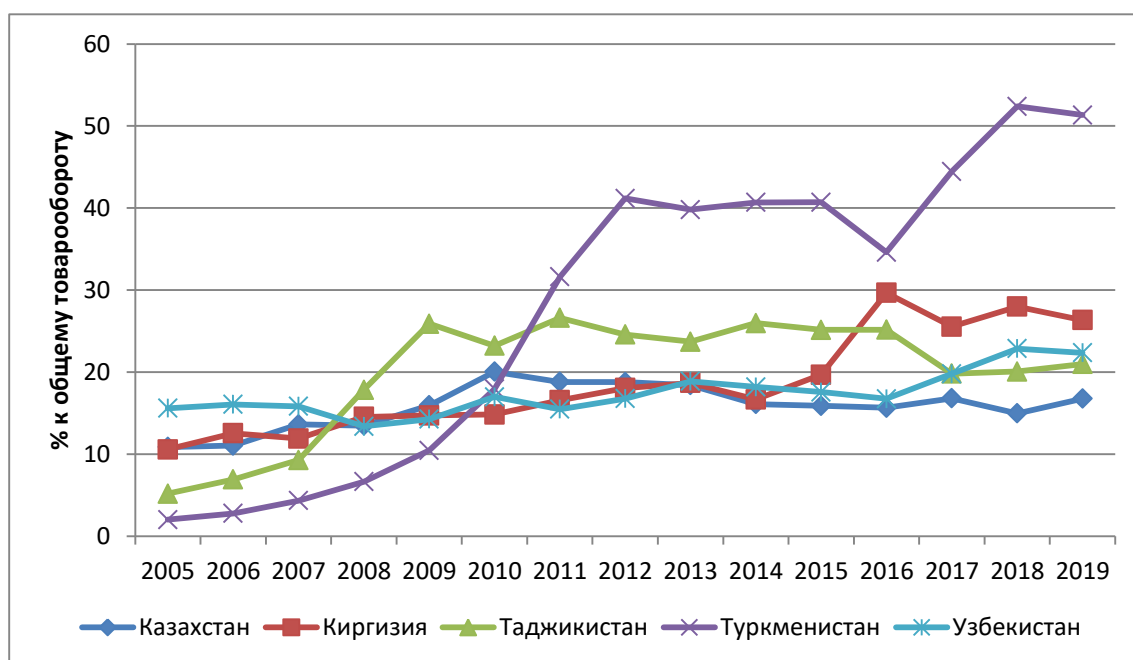
Во всех странах Центральной Азии в структуре товарооборота за рассматриваемый период выросла доля Китая (см. Рис. № 20), и он превратился в главного торгового партнера Казахстана и Туркменистана, второго по величине – для Узбекистана и Киргизии и третьего по объему товарооборота – для Таджикистана⁸⁹.

Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 19. Товарооборот стран Центральной Азии с Китаем, 2005–2018 гг.

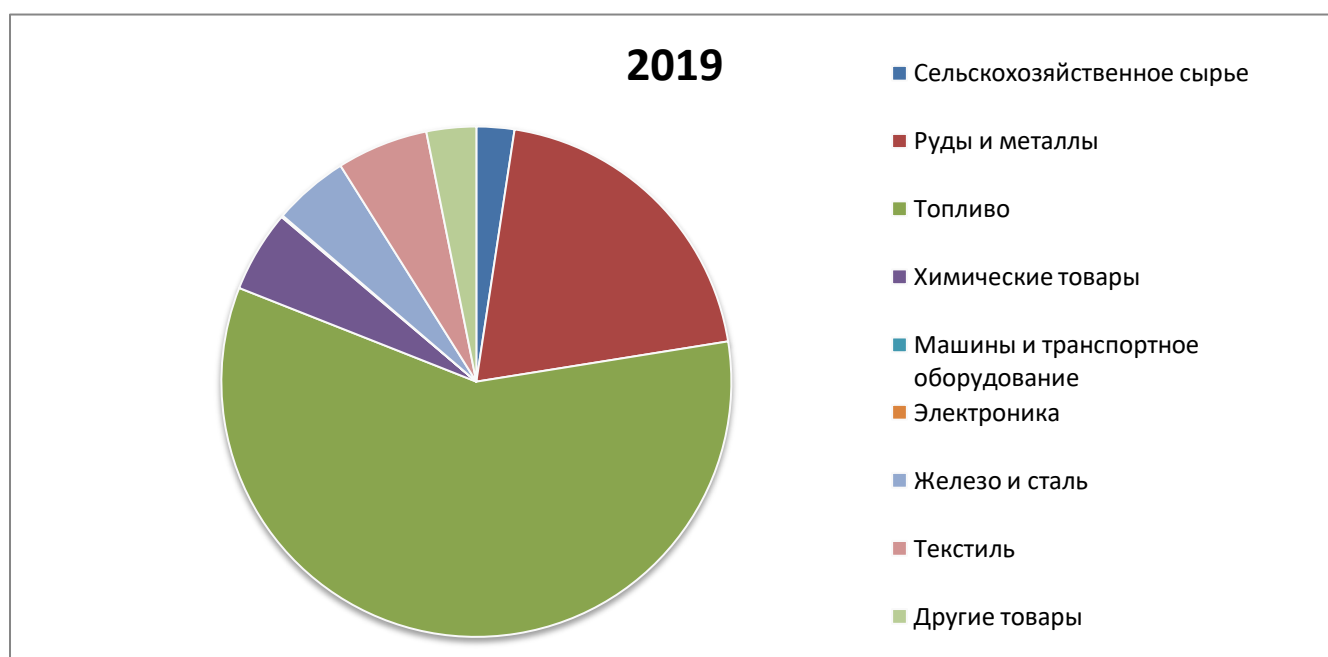
⁸⁹ Данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/>.

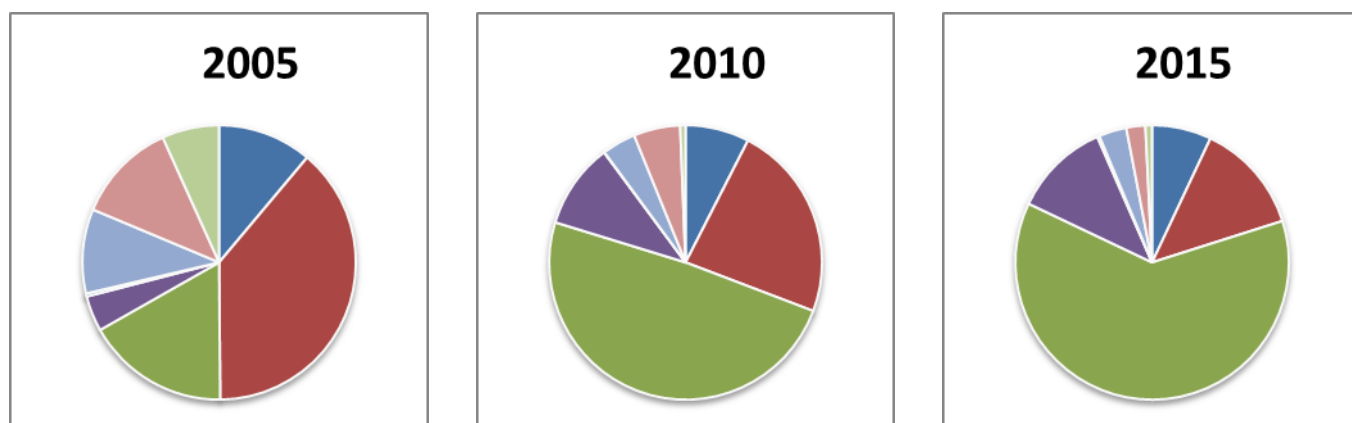

Источник: данные UN Comtrade. URL: <http://www.comtrade.un.org/data/>.

Рис. № 20. Динамика товарооборота между странами Центральной Азии и КНР в % к их общему товарообороту, 2005–2019 гг.

Что касается структуры торговли стран Центральной Азии с Китаем, то экспорт этих стран в Китай состоит в основном из минеральных продуктов и их доля увеличивается (см. Рис. № 21).

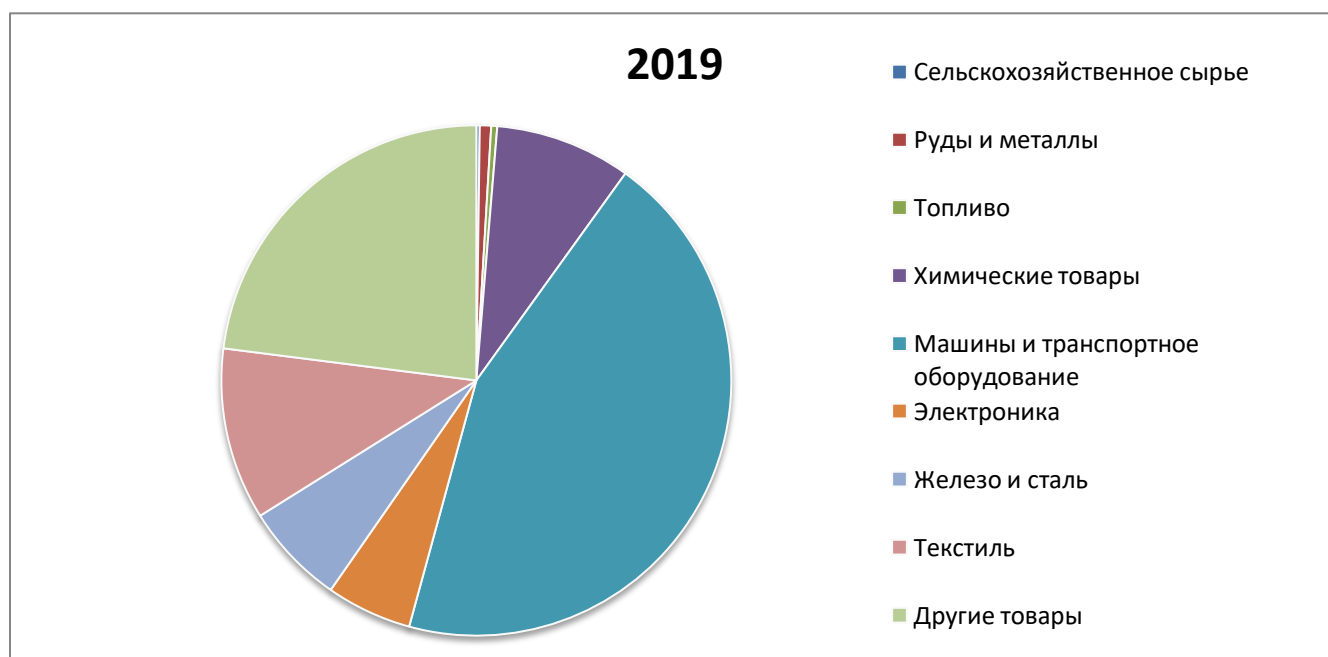

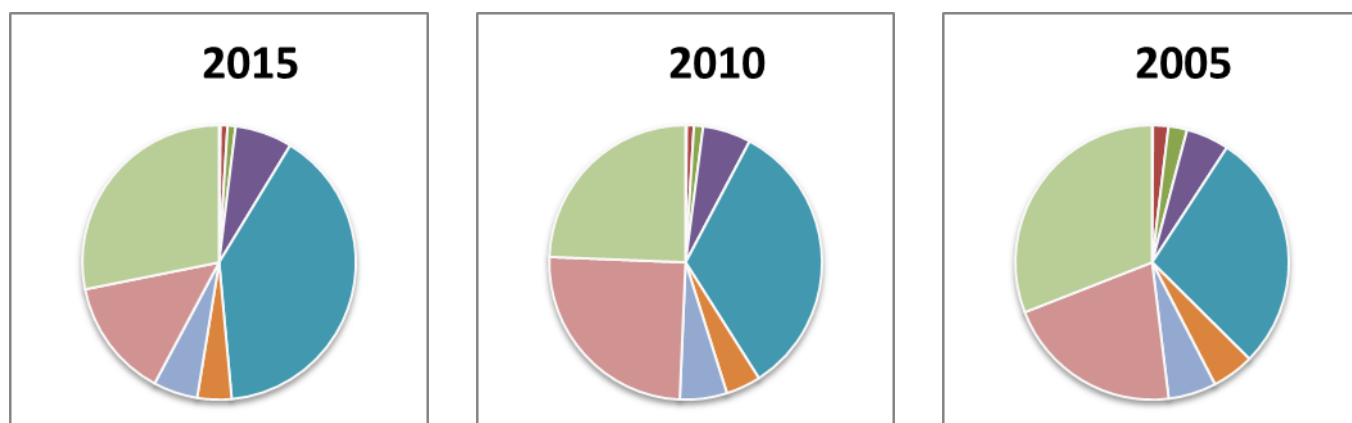
Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 21. Структура экспорта стран Центральной Азии в Китай 2005– 2019 гг.

Импорт стран Центральной Азии из Китая более диверсифицированный и состоит из готовой продукции, в структуре импорта прослеживается тенденция к увеличению доли машин и оборудования (см. Рис. № 22).

Источник: данные UNCTADstat.

URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx/>.

Рис. № 22. Структура импорта стран Центральной Азии из Китая, 2000–2019 гг.

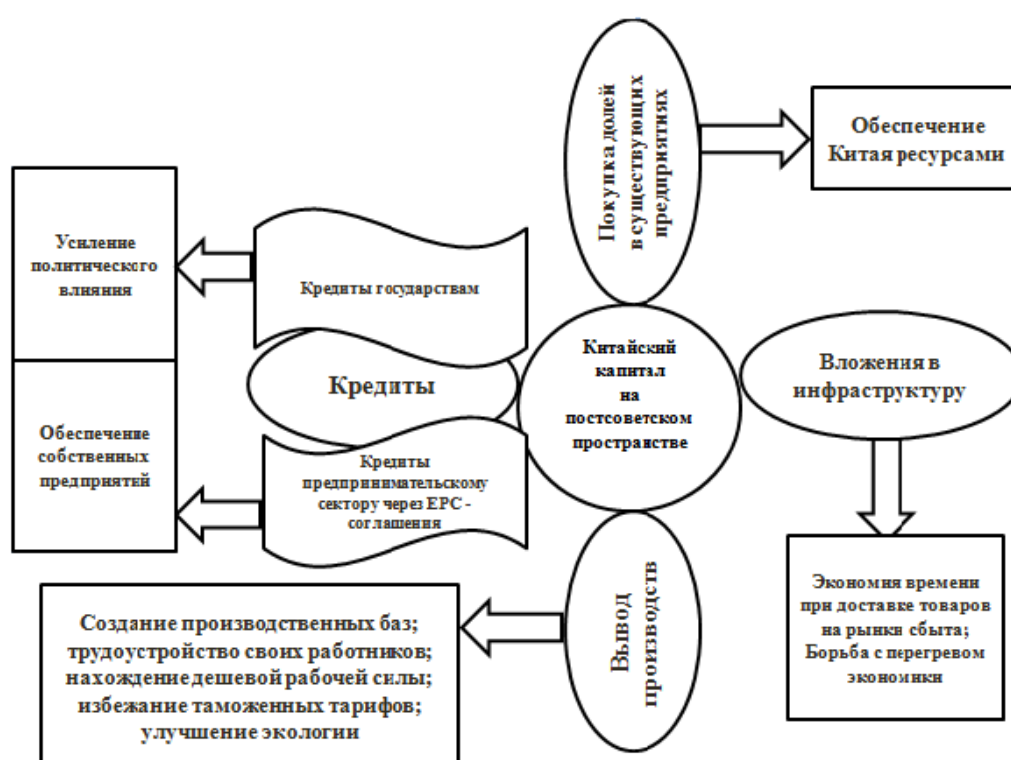
В настоящее время торговля Российской Федерации, как и торговля стран постсоветского пространства, с КНР развивается довольно быстрыми темпами. Но, к сожалению, экспорт в Китай увеличивается по большей части по причине роста поставок минеральных энергетических ресурсов при том, что импорт из Китайской Народной Республики почти полностью состоит из готовой продукции.

Другим важнейшим аспектом развития взаимных отношений в исследуемом регионе является кредитно-инвестиционное сотрудничество. За последние годы КНР стала главным кредитором и крупным инвестором почти для всех постсоветских стран. Китай выдает многомиллионные кредиты на льготных условиях для развития инфраструктуры, добычи полезных ископаемых и разработки новых месторождений. Значительное число подобных проектов реализуется с привлечением рабочей силы из Китая⁹⁰. Страна активно инвестирует не только в инфраструктуру, но и в приоритетные отрасли экономики стран постсоветского пространства.

⁹⁰ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: История и современность. М.: ИДВ РАН, 2018.

В Китайской Народной Республике существует несколько государственных инвестиционных институтов, два из которых являются основными: 1) Китайская инвестиционная корпорация, сформированная в сентябре 2007 года с целью управления и диверсификации валютных резервов; 2) инвестиционная компания под названием «State Administration of Foreign Exchange», базирующаяся в Гонконге учреждение, в функционал которого прежде всего входит управление иностранной валютой Китая. Именно эти два финансовых института Китая осуществляют основное распределение его капитала по странам постсоветского пространства⁹¹.

На рисунке № 23 представлены основные каналы проникновения китайского капитала в экономику стран Центральной Азии постсоветского пространства.

Источник: составлено автором.

⁹¹ Яковлев А.А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 13–19.

Рис. № 23. Основные каналы проникновения китайского капитала в экономику стран Центральной Азии.

Как видно на рисунке № 23, основных каналов проникновения капитала четыре. *Первый – скупка активов ключевых национальных компаний Центральной Азии*, которая особенно активно проходила в годы мирового финансового кризиса и мировой рецессии, когда стоимость активов резко упала в цене. Только с 2005 по 2017 год КНР приобрела доли в нефтегазовых, металлургических, угольных, строительных, транспортных, финансовых компаниях Центральной Азии на сумму более 20,6 млрд. долларов. Большая часть этих вложений пришлась на Казахстан (18,4 млрд. долл.). Уже в 2009 году доля Китая в акционерном капитале национальных нефтяных компаний Казахстана обеспечивала ему около 50% общего объема отраслевого производства⁹².

Второй канал – огромные вложения Китая в развитие инфраструктуры региона, не связанные с приобретением долей в собственности существующих предприятий. С 2005 по 2017 год общая сумма китайских вложений составила 27,8 млрд. долларов. Общий объем инвестиций по крупным контрактам, заключенным Китаем с Казахстаном в рамках инициативы «Пояс и путь» в 2005–2017 годах, составил около 12 млрд. долларов, с Киргизией – 3,5, с Таджикистаном – 1,3, с Туркменистаном – 6,2, с Узбекистаном – 4,8 млрд. долларов⁹³.

Третий канал – предоставление Китаем странам Центральной Азии, а также их компаниям многочисленных кредитов. К январю 2016 года страны Центральной Азии получили (в виде займов) кредитные ресурсы на сумму около 30 млрд. долларов. Большая часть из этих кредитов – связанные,

⁹² Worldwide Chinese Investments & Construction (2005–2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation.

⁹³ Miu R., Chong T.-S., Leung C. One Belt, One Road – Moving Faster Than Expected // DBS Asian Insights. 2017.

долгосрочные (до 20 лет), низкопроцентные (1,5–3%) и предусматривающие определенный льготный период.

Частный бизнес может напрямую подавать в китайские банки запросы на получение кредита, предварительно найдя китайского контрагера, который станет подрядчиком будущего проекта. Эта практика, по сути, является мерой поддержки Китайской Народной Республикой своих национальных предпринимателей, вовлекаемых таким образом в проект «Пояс и путь». Фактически, в некоторых случаях процесс получения кредита еще больше упрощается с технической стороны, когда китайские финансовые институты открывают специальные кредитные линии в странах-получателях. В таком случае национальные заемщики привлекают к участию китайских контрагеров, благодаря чему получают кредиты в региональных банках с открытой кредитной линией от Китая⁹⁴.

Четвертый канал проникновения китайского капитала в страны Центральной Азии относительно новый – перенос в регион замкнутых производственных циклов⁹⁵.

Прямые китайские инвестиции играют большую роль в экономике стран Центральной Азии. Так, инвестиционные потоки КНР в республику Казахстан в основном направлены в энергетический сектор, а именно на разработку и добычу нефти. Основные проекты по разработке месторождений полезных ископаемых на территории Республики Казахстан с участием китайских инвестиций: «ПетроКазахстан», «Актобемунайгаз», «Каражанбасмунайгаз», строительство автозаправочных станций, казахстано-китайский газо- и

⁹⁴ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.

⁹⁵ Тураева М.О., Глинкина С.П., Яковлев А.А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 4. С. 64–78.

нефтепровод⁹⁶. Также китайские ПИИ в Казахстан идут в сельское хозяйство, энергетику, торговлю, легкую и тяжелую промышленность: Павлодарский алюминиевый завод, Мойнакская ГЭС, разработка месторождения урана, приграничный центр сотрудничества «Хоргос» и другие проекты.

Инвестиции КНР в Киргизию в основном направляются в развитие сельского хозяйства, легкую промышленность, общественное питание, логистику, строительство недвижимости, развитие инфраструктуры, в том числе ремонт дороги вдоль киргизско-китайской границы, в разработку полезных ископаемых на территории страны (нефть в Алайской долине, олово, золото, железная руда)⁹⁷.

Прямые инвестиции Китая в Туркменистан главным образом идут в разработку энергоресурсов, развитие железнодорожного сообщения, химической и текстильной промышленности. Крупным проектом стало строительство транснационального газопровода (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Китай) общей протяженностью более 6500 километров⁹⁸.

В Узбекистане инвестиции КНР в основном приходятся на разработку и добычу нефти, химическую промышленность, сельское хозяйство, строительство недвижимости, развитие инфраструктуры. Главными совместные проекты: узбекско-китайский газопровод, добыча и бурение скважин Синьзянской компанией «Туха», разработка месторождения Мингбулак в

⁹⁶ Тураева М.О. Развитие казахстано-китайского сотрудничества: тенденции и направления // Вестник Российско-таджикского (славянского) университета. 2017. № 1. С. 109–118.

⁹⁷ Кожемякин С.В. Внешняя политика Киргизии в зеркале интеграционных процессов в Центральной Азии // Постсоветский материк. 2014. № 1(1). С. 112.

⁹⁸ Штолленверк Ф. Россия, Индия и Китай в Центральной Азии: к конфликту или к сотрудничеству // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 2. С. 10.

Намагынской области, китайские химические заводы на территории Узбекистана, строительство газохранилища⁹⁹.

Инвестиции Китая в Таджикистан направлены на развитие инфраструктуры, логистики, строительства электростанций, легкой текстильной промышленности, сельского хозяйства. Главные проекты: автодорога Душанбе – Чайник – Худжанд, тоннель «Шар-Шар», месторождения цинка «Зарнисори Шимоли», электростанции «Юг-Север» и Лолазол-Хатлон¹⁰⁰.

Между постсоветскими странами Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) существует конкуренция за привлечение в экономику китайского капитала. Так, после встречи с председателем парламента Китая премьер-министр Литвы заявил: «Литва должна победить Латвию в привлечении китайских инвестиций»¹⁰¹. Однако уже сейчас Литва является лидером среди стран Прибалтики по накопленным китайским ПИИ, на треть опережая Латвию и Эстонию. Именно Литва, по задумке создателей инициативы «Пояс и путь», станет важной частью транзитного маршрута из КНР в Западную Европу¹⁰².

Помимо инвестиционного сотрудничества Китай активно предоставляет постсоветским странам (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и др.) крупные кредиты на льготных условиях и оказывает безвозмездную финансовую помощь постсоветским странам Центральной Азии. Киргизии

⁹⁹ *Таиматова К.Б.* Экономическое и культурное сотрудничество Узбекистана и других государств Центральной Азии с Китайской Народной Республикой (1991–2011 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Ташкент, 2017.

¹⁰⁰ *Шкваря Л.В., Русакович В.И., Лебедева Д.В.* Внешнеэкономические связи Республики Таджикистан с государствами Азии: современные тенденции // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 6(78). С. 14.

¹⁰¹ URL: http://www.baltnews.lv/riga_news/20170414/1019488677.html (дата обращения: 12.01.2019).

¹⁰² *Яковлев А.А., Голубкин А.В.* К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 13–19.

было выделено более 300 млн. юаней, Таджикистану – более 500 млн. юаней и т. д. Китайская Народная Республика в последние годы стала основным кредитором постсоветских стран, доля Китая в структуре внешнего долга некоторых постсоветских стран в несколько раз превышает российскую. Так, третья часть внешнего долга Республики Киргизия приходится именно на Китай (см. Таблицу № 12).

Таблица № 12

**Структура двустороннего льготного долга Киргизии по кредиторам,
в млн. долларов**

КРЕДИТОР	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019 (август)
Всего	894	1 032	1264	1 517	1 868	2 060	2 210	2 430	2 201	2 181
ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫЙ БАНК КИТАЯ	150	272	527	758	1 115	1 296	1 482	1 708	1 719	1698
НАТЕКСИС БАНК (ФРАНЦИЯ)	5,93	5,77	5,88	6,15	5,41	4,85	4,69	5,33	4,99	4,71
ЯПОНСКИЙ БАНК МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	341	357	320	263	229	229	235	243	244	249
БАНК КФВ (ГЕРМАНИЯ)	65,53	68,26	73,67	90,44	95,53	94,02	75,99	86,97	80,88	76,75
ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫЙ БАНК КОРЕИ	14,92	14,83	15,95	17,37	16,66	15,62	15,12	17,04	15,95	14,42
КУВЕЙТСКИЙ ФОНД АРАБСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (КФАЭР)	16,13	13,32	10,66	9,26	8,65	9,73	8,55	7,58	11,06	10,80
РОССИЯ	300	300	300	300	300	300	270	240	-	-
САУДОВСКИЙ ФОНД РАЗВИТИЯ	-	-	0,18	1,28	3,87	7,43	11,17	15,49	17,66	19,78
ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ	-	-	10,00	70,55	90,00	97,00	97,00	97,00	97,00	97,00
ФОНД РАЗВИТИЯ АБУ-ДАБИ (ОАЭ)	-	-	-	1,06	2,65	6,42	8,76	9,06	10,60	10,14

Источник: Министерство финансов Республики Киргизия.

URL: <http://www.minfin.kg/ru/novosti/mamlekettik-karyz/tyshky-karyz/struktura-gosudarstvennogo-vneshnego-dolga-kr-po-s5966>.

Что касается Республики Казахстан, то формально Китай пока не стал крупнейшим ее кредитором, занимая всего лишь четвертое место в перечне

ведущих кредиторов Казахстана (см. Таблицу № 13). Тем не менее льготы и связанность китайских кредитов заметно выделяет их в экономике этой страны.

Таблица № 13

Крупнейшие кредиторы Казахстана по странам на 2019 год,

в млн. долларов

Наименование стран	Состояние на 01.04.2019 г.	в том числе по секторам				
		Сектор государственного управления	Центральный банк	Банки	Другие сектора	Прямые инвестиции: межфирменная задолженность
НИДЕРЛАНДЫ	47 006,9	0,0	0,0	57,2	2 082,8	44 866,8
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	21 503,8	4 832,7	91,9	2 202,9	11 339,7	3 036,6
США	12 969,8	7,3	23,1	29,4	271,1	12 638,9
ФРАНЦИЯ	11 684,3	0,7	0,3	0,0	537,3	11 146,1
КИТАЙ	11 016,1	0,0	0,0	1 168,8	4 999,2	4 848,1
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	10 070,2	5 968,8	817,6	143,2	3 098,3	42,4
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	9 302,8	0,0	3,4	387,5	5 901,1	3 010,8
ЯПОНИЯ	5 847,3	453,7	0,2	5,1	374,9	5 013,4
БЕРМУДСКИЕ ОСТРОВА (БРИТАНСКИЕ)	4 881,0	0,0	0,0	0,0	10,9	4 870,2
ГОНКОНГ (СЯНГАН)	4 339,4	0,0	0,0	226,0	196,6	3 916,9
ВИРГИНСКИЕ ОСТРОВА (БРИТАНСКИЕ)	3 144,8	0,0	0,0	0,0	1 371,4	1 773,4
ШВЕЙЦАРИЯ	1 754,6	5,0	0,0	0,0	1 481,0	268,6
ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ	1 741,5	2,9	0,0	0,0	1 229,9	508,7
РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ (ЮЖНАЯ)	1 328,6	0,0	0,0	0,6	201,4	1 126,6
ГЕРМАНИЯ	1 200,8	11,0	1,1	31,0	650,5	507,2
ВСЕГО	100 785,0	11 282,0	938,0	4 194,0	31 663,0	52 708,0

Источник: Национальный банк Казахстана «Статистика внешнего долга».

URL: <https://nationalbank.kz/?docid=346&switch=russian>.

Китайская Народная Республика планирует создание 52 компаний на территории Казахстана на общую сумму 24 млрд. долларов в таких сферах промышленности, как ядерная энергетика, автомобилестроение, производство стали, цемента, полипропилена, трубопроводов и другие. Однако главным направлением деятельности Китая в Республике Казахстан, как и в Республике Киргизия, является нефтегазовая сфера.

В Армении уже сейчас работают более 50 совместных с Китаем предприятий. Заметный вклад внесли крупные телекоммуникационные компании КНР – ZTE и Huawei Technologies Co. Ltd, которые внедрили в республике 3G-сети. Китайские компании участвуют в реконструкции тепловых станций в Ереване и Раздане¹⁰³. Планируется создание армяно-китайских предприятий по производству каучука, а также текстильной и пищевой промышленности.

По данным Национального банка Белоруссии, с 2014 по 2017 год республика получила 11,3 млрд. долларов кредитов (в виде внешних государственных займов). Для сравнения приведем конкретные цифры: кредиты Правительства и банков РФ составили 7,3 млрд. долл. (64,6%), китайских банков – 2 (17,5%), Евразийского фонда стабилизации – 1,7 млрд. долл. (15%), Всемирного банка – всего 356 млн. долл. (3,1%)¹⁰⁴ Уже известно, что между КНР и Республикой Беларусь установлена договоренность о дополнительном кредитовании в размере 7 млрд. долларов под минимальные проценты¹⁰⁵. В 2018 году внешние займы Республики Беларусь составили 2353,

¹⁰³ Armenia Economy: Energy Sector – the New Growth Driver. 2016.

¹⁰⁴ Данные Национального банка Республики Беларусь. URL: <http://www.nbrb.by/statistics/ExternalDebt/Indic.xls> (дата обращения: 12.08.2019).

¹⁰⁵ Шурубович А.В. Экономика Белоруссии: 25 лет на пути системной трансформации // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 90–106.

млн. долл. Из них на банки КНР пришлось 509,2 млн. долларов (см. Таблицу № 14).

Таблица № 14

**Внешние государственные займы Белоруссии в 2018 году по кредиторам,
в млн. долларов**

ПРАВИТЕЛЬСТВО И БАНКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	879,1
ЕВРООБЛИГАЦИИ	600,0
БАНКИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	509,2
ЕВРАЗИЙСКИЙ ФОНД СТАБИЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ	200,0
МБРР	148,0
ЕБРР И СИБ	17,5

Источник: Министерство финансов Республики Беларусь.

URL: http://www.minfin.gov.by/ru/public_debt/pressreleases/cb3b85607ab64d88.html.

В Белоруссии китайские инвестиции и кредиты способствуют развитию электроэнергетики (уже реконструированы ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5 в Минске, заключены соглашения о финансировании строительства Витебской ГЭС и о модернизации Лукомльской и Березовской ГРЭС), с участием китайских инвестиций строятся заводы по производству сульфатной целлюлозы и индустриального домостроения. Также между Китаем и Белоруссией заключены договоры о строительстве в Минске жилых микрорайонов и ряда гостиниц¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Шурубович А.В. Экономика Белоруссии: 25 лет на пути системной трансформации // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 90–106.

Китайские кредиты также стали важным источником развития ряда отраслей экономики России. В основном они предоставляются взамен поставок и скидок на покупку углеводородов у Российской Федерации. Китай выделил России кредит в размере 6 млрд. долларов на разработку месторождений угля, с последующей его поставкой в размере 20 млн. тонн в год¹⁰⁷.

Китайские инвестиции также могут сыграть значительную роль в экономике Российской Федерации и особенно ее регионов, граничащих с КНР. Экономистами отмечается, что на сегодняшний день уже почти около 170 компаний на территории Приморского края РФ функционируют с привлечением капитала из Китая. Это более половины всех компаний края, которые используют иностранные инвестиции¹⁰⁸. Компании, привлекающие китайские инвестиции, на территории данного края в основном занимаются торговлей, строительством, грузоперевозками, сельским хозяйством, гостиничным бизнесом и деревообработкой. При участии китайского капитала в промышленном парке Приморья осуществляются сборка автомобилей, деревообработка, производство обуви¹⁰⁹.

Приграничные районы Российской Федерации и Китайской Народной Республики тесно сотрудничают в сфере электроэнергетики. Совместно ведется проект по строительству крупной приливной электростанции на 12 мегаватт на пограничных территориях Дальнего Востока и провинций Китая. Поставки электроэнергии могут дать большой толчок развитию регионального сотрудничества между странами.

¹⁰⁷ Данные пресс-службы Министерства энергетики Российской Федерации. URL: <http://minenergo.gov.ru/press/chronicles/> (дата обращения: 24.03.2019).

¹⁰⁸ *Ощепков В.П.* Россия и Китай в зеркале региональной геополитики. М., 2009. С. 135.

¹⁰⁹ Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Под ред. С.П. Глинкиной. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 196–197.

Приоритетным направлением в развитии российско-китайских экономических отношений является увеличение сотрудничества в области инвестиций. В составе Министерства экономического развития Российской Федерации работает группа по созданию региональных проектов с целью привлечения китайских инвесторов. Проекты в основном затрагивают такие отрасли, как сельское хозяйство, деревообработка, туристическая сфера, экология, производство стройматериалов. Так, при участии китайских инвесторов были построены кирпичный завод в Орловской области и несколько крупных гостиниц на территории Дальневосточного федерального округа.

Увеличение объема китайских кредитов и инвестиций в странах постсоветского пространства может рассматриваться как новый этап китайской экономической стратегии «идти вовне» и как очередной шаг по интеграции КНР в мировую экономику. Провозгласив в 1997 году политику «идти вовне», к 2020 году Китайская Народная Республика превратилась в одного из крупнейших мировых инвесторов, и в 2015 году впервые вывоз капитала из нее превзошел ввоз. Кроме того, на счету Китая самые большие валютные резервы (4 трлн. долл. на конец 2014 г., 3,3 трлн. долл. на конец 2018 г.), но, несмотря на это, он постепенно отходит от хранения своих резервов в государственных облигациях Соединенных Штатов Америки. Это объясняется тем, что прибыль от облигаций США очень низкая и неизбежно приводит к сокращению китайских резервов из-за переоценки юаня. В связи с этим Китай заинтересован в поиске других источников, экономическая окупаемость которых была бы выше и которые могли бы послужить геополитическим интересам самого Китая.

Также одной из ключевых финансовых целей развития сотрудничества со странами постсоветского пространства является продвижение интернационализации юаня, поскольку предполагаемое финансирование будет осуществляться уже в китайской валюте, в ней же планируется проводить двусторонние сделки. Китай на сегодняшний день является одним из основных игроков на международном финансовом рынке. В 2016 году китайская валюта юань вошла в корзину СДР Международного валютного фонда. Стабильность китайского юаня связана, прежде всего, с объемом товаров и услуг, которые страна производит для экспорта за рубеж: до тех пор пока китайская продукция конкурентоспособна и востребована на мировом рынке, будет сохраняться стабильность этой валюты¹¹⁰. В последние годы Китай все больше продвигает идею вести внешнюю торговлю в собственной валюте, в том числе со странами постсоветского пространства. С 2019 года торговля между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, согласно межправительственному соглашению, стала в значительной степени осуществляться в национальных валютах¹¹¹.

Анализ экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и стран постсоветского пространства показал, что за последние 10–15 лет ей удалось глубоко проникнуть в хозяйственную деятельность этих стран. Постепенная стратегия экономической экспансии превратила Китай в ключевого экономического партнера, пошатнув при этом позиции России в данном регионе. Китай занял лидирующие позиции в торговых, инвестиционно-кредитных и внешнеэкономических связях постсоветских стран.

¹¹⁰ Красавина Л.Н. Интернационализация юаня: особенности и значение опыта КНР для России // Банковское дело. 2014. № 8. С. 39.

¹¹¹ Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 15.08.2019).

3.2. Китайская инициатива «Пояс и путь»: формат и способы ее реализации

Усиление интеграционного взаимодействия между Китаем и его соседями логично вытекает из роста его экономической мощи. На сегодняшний день особое место среди этих соседей занимают постсоветские страны.

Начало тысячелетия ознаменовалось растущей разобщенностью исследуемого региона и проникновением сюда западных сил, возглавляемых Соединенными Штатами, а также ослаблением влияния Российской Федерации (доминирующего в прошлом) на стремительно меняющуюся ситуацию на постсоветском пространстве. Исходя из этого, Китай предпочитает реализовать многоуровневую, поэтапную и досконально выверенную стратегию освоения данного региона¹¹². Вместе с тем постулируются необходимость и важность проведения активной политики по отношению к постсоветским странам, в обязательном порядке учитывая китайско-российские отношения и интересы. Поэтому объективно существующие предпосылки усиления экономического сотрудничества подкреплялись хорошо продуманной стратегией освоения Китаем постсоветского экономического пространства путем укрепления двусторонних связей. Большой интерес Китайской Народной Республики в укреплении сотрудничества с постсоветскими странами в полной мере оправдывается их потенциалом. Как мы убедились в ходе нашего исследования, интересы Китая во многом коррелируют с возможностями государств постсоветского пространства.

Как показывает проведенный нами анализ, Китай действовал продуманно и точно, с большим вниманием изучая экономическую и геополитическую

¹¹² Глинкина С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийской интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. М., 2016. Т. 202. С. 107–123.

ситуацию в каждой из стран. Приоритеты выстраивались согласно следующему принципу: продолжать поддерживать прочные связи с крупными государствами постсоветского пространства и двигаться «от ближнего к дальнему», установив в первую очередь дружественные отношения с пограничными странами, в особенности – с Россией и странами Центральной Азии, а затем – с остальными, имеющими стратегическое значение для КНР¹¹³.

Новым этапом реализации данной стратегии стала выдвинутая в сентябре 2013 года председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином инициатива «Пояс и путь», включающая в себя планы по дальнейшему интегрированию постсоветского пространства. Официально заявленная цель инициативы – стимулировать упорядоченный и свободный поток экономических факторов, стремясь к высокоэффективному распределению ресурсов и глубокой рыночной интеграции через укрепление связей и взаимодействия между Европой, Азией и Африкой, а также в водах омывающих их морей. Основными постулатами инициативы «Пояс и путь» является строгое соблюдение принципов и целей Устава ООН и «пяти принципов мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование»¹¹⁴.

¹¹³ Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.

¹¹⁴ Яковлев А.А. Всеобъемлющее торгово-экономическое партнерство с Китаем – новое направление Евразийской интеграции с выходом на Тихий океан // Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016.

Для реализации интеграционной инициативы «Пояс и путь» Китайской Народной Республикой был создан фонд в размере 40 млрд. долларов, направленный на создание и финансирование основных проектов, а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, главным учредителем которого является Китай (30,34% от общего объема), с капиталом в размере 100 млрд. долларов. Кроме того, был подписан договор о сотрудничестве с Банком ШОС и Банком развития БРИКС, в рамках проекта также планируется активное привлечение частных капиталов¹¹⁵.

Другими отличительными чертами китайской инициативы, помимо выделения крупномасштабного финансирования вовлекаемым странам в виде инвестиций и кредитов, являются: двусторонний формат (Китай не предлагает общую для всех программу участия, а ведет переговоры и строит экономическое сотрудничество с каждой страной по отдельности); главенство экономических интересов над политическими; конкретные совместные экономические проекты (строительство инфраструктуры, добыча полезных ископаемых, перенос из КНР и создание новых совместных производств)¹¹⁶.

Китайская интеграционная инициатива состоит из двух частей: 1) Морской шелковый путь XXI века и 2) Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), непосредственно охватывающий постсоветское пространство. Экономический пояс Шелкового пути подразумевает построение транзитно-транспортного коридора между Китаем и Европой, модернизацию экономики, комплексное развитие инфраструктуры, промышленности, торговли в странах, вошедших в проект. Основные задачи, которые ставит перед собой проект, связаны с созданием транспортной инфраструктуры «от Тихого океана до Балтийского

¹¹⁵ Belt and Road portal. URL: <https://www.eng.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 13.05.2019).

¹¹⁶ Cai P. Understanding the Belt and Road Initiative. Lowy Institute for International Policy. March 2017. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/understanding-belt-and-road-initiative> (дата обращения: 13.05.2019).

моря»; переносом части производственных мощностей в слаборазвитые западные районы КНР и в страны постсоветского пространства; развитием экономических и политических связей; постепенной ликвидацией торговых и инвестиционных барьеров между странами-участницами¹¹⁷.

Сильной стороной инициативы «Пояс и путь» является гибкость механизмов присоединения к проекту: все заинтересованные страны получают возможность выбрать желаемый для себя уровень и формат сотрудничества, поэтому «Пояс и путь» может быть назван моделью «открытого партнерства»¹¹⁸. В настоящее время более 100 государств заявили о желании участвовать в данной инициативе. Во многом это связано с тем, что усиление экономического сотрудничества с таким крупным игроком, как Китай, представляется выгодным для стран-участниц проекта. Благодаря своей основательной транспортно-инфраструктурной составляющей инициатива позволит создать новые международные коридоры экономического сотрудничества между активно развивающимися государствами Азии и развитыми странами Европы, привлекая пролегающие между ними обширные территории государств с нереализованным экономическим потенциалом¹¹⁹. Си Цзиньпин во время своего выступления на Боаоском азиатском форуме-2015 заявил, что «Пояс и путь» точно «не будет китайским соло, а станет настоящим хором всех стран вдоль маршрутов проекта»¹²⁰.

¹¹⁷ Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 204–211.

¹¹⁸ Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016.

¹¹⁹ Яковлев А.А. Россия и Китай на постсоветском пространстве // Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая с Россией / Отв. ред. Л.А. Аносова. М.: Эдитус, 2017.

¹²⁰ Xi on «Belt and Road»: Not China's solo but inspiring chorus. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/28/c_134105208.htm (дата обращения: 28.03.2015).

Ключевой особенностью современной китайской дипломатии является предпочтение двусторонних форматов многосторонним, что подтверждается и ходом институализации проекта «Пояс и путь», когда страны-участницы заключают соглашения и договоры не между собой, а только с инициатором проекта – Китаем. Так, КНР уже заключила более 100 соглашений со странами – участницами инициативы¹²¹. На примере китайского проекта «Пояс и путь» можно охарактеризовать абсолютно новый формат создания и функционирования интеграционной инициативы с подписанием не общего многостороннего соглашения, а единственного соглашения со страной-интегратором. Таким образом, на основе множества двусторонних соглашений с лидером центром проекта формируется общее экономическое пространство.

Одной из главных задач интеграционной инициативы «Пояс и путь» является развитие торгового сотрудничества¹²². Для определения перспектив развития торговых отношений между странами постсоветского пространства и КНР используем гравитационную модель взаимодействия.

Гравитационная модель взаимодействия является одной из основных моделей для эконометрического анализа торговых и интеграционных соглашений между странами, в классическом варианте которой объем товарооборота между двумя государствами прямо зависит от объема ВВП этих стран и обратно зависит от расстояния между их основными экономическими центрами¹²³. Интерес к гравитационным моделям возрастает в последние годы,

¹²¹ Яковлев А.А. Двустороннее сотрудничество с Китаем // Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. М.:Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016.

¹²² Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 4–12.

¹²³ Anderson J.E. A theoretical foundation of the gravity equation // American Economic Review, 1979. № 69. P. 106–116.

поскольку они считаются одними из наиболее стабильных эмпирических зависимостей в экономическом анализе¹²⁴. Эти модели достаточно часто используются при изучении потоков международной торговли, так как дают возможность наиболее адекватно смоделировать ряды данных. Важной и, пожалуй, главной отличительной чертой гравитационной модели является то, что она способна оценить и предсказать воздействие принимаемых торговых соглашений на изменение торговых потоков; оценить влияние уже функционирующих торговых соглашений; перспективно оценить эффективность проектов соглашений, основываясь на ретроспективных данных¹²⁵. Аналогию гравитационной модели составляет открытый И. Ньютоном закон всемирного тяготения, трансформированный таким образом, что торговля между двумя странами зависит от размера их экономик, а также от расстояния между ними.

Поначалу гравитационная модель являлась исключительно эмпирической и отражала зависимости между торговыми потоками, но в процессе все более широкого применения она получила и теоретическое обоснование¹²⁶. В вопросах экономической и торговой политики, связанных в том числе и со вступлением в различные экономические союзы и с участием в межстрановых конвенциях и соглашениях, в оценке эффектов от принятия подобных решений рассматриваемые модели нередко играют прикладную роль: дают возможность оценить совокупный комплекс эффектов от влияния различных действий на экономический рост государства, его экологию, население и благосостояние¹²⁷.

¹²⁴ Porojan A. Trade flows and spatial effects: the gravity model revisited // *Open Economies Review*, 2001. № 12. P. 265–280.

¹²⁵ Deardorff A.V. Determinants of bilateral trade: Does gravity work in a neoclassical world? In: Frankel J. (ed.) *The regionalization of the world economy*. Chicago: Chicago University Press, 2003.

¹²⁶ Helpman E., Krugman P. *Market structure and foreign trade*. MIT Press, Cambridge, MA, 1985.

¹²⁷ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with gravitas: a solution to the border puzzle // *American Economic Review*. 2003. № 93. P. 171–192.

Популярность данных моделей поддерживается достаточной точностью эконометрических расчетов, простым и понятным инструментарием, а кроме того, возможностью собрать релевантные ряды данных, которые в дальнейшем позволят построить модель. Эти репрезентативные ряды данных могут быть как пространственными, так и панельными.

Кроме вышесказанного, гравитационные модели учитывают в своих оценках и дополнительные переменные: сюда относятся политические и институциональные характеристики страны, влияющие на процессы торговли, а также наличие или отсутствие особых льготно-тарифных режимов и др. Значительный ряд работ, использующих гравитационную модель для исследования, подтверждает тот факт, что в последние десятилетия именно данная модель пользуется наибольшим доверием у ученых и широко применяется в ходе анализа торговых потоков, позволяя прогнозировать возможные пути для улучшения эффектов от торговой деятельности. В подавляющем большинстве случаев применяется подход, когда в качестве переменных гравитационной модели используются показатели ВВП страны, ВВП на душу населения и расстояния между странами (между столицами, портовыми городами, транспортными узлами). В качестве фиктивных переменных, кроме того, могут быть введены следующие переменные: общий язык, пограничные отношения, торговые соглашения, что позволяет оценить и добавочный эффект от региональных союзов.

Достоинство гравитационной модели (и вместе с тем ее недостаток) состоит в том, что она является средством *ex-post* анализа: с одной стороны, мы оперируем огромным объемом статистических данных, полученных через стабильные эмпирические наблюдения, но с другой – мы теряем возможность получить ответ на ряд вопросов, связанных с эффектами, появляющимися в

результате изменения базовых макроэкономических показателей¹²⁸. Тем не менее прогнозирование с помощью данной модели возможно, если оно основывается на ретроспективной статистике эффектов, которые имели принятые ранее соглашения. Кроме этого, гравитационная модель позволяет рассчитать неиспользуемый потенциал торговли при отсутствии членства в каком-либо интеграционном союзе.

Стандартная (классическая) гравитационная модель имеет вид:

$$\ln X_{ij} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln Y_i + \alpha_2 \ln Y_j + \alpha_3 \ln D_{ij} + \varepsilon_{ij},$$

где X_{ij} – объем экспорта из страны i в страну j ;

Y_i и Y_j – валовой внутренний продукт стран i и j соответственно;

D_{ij} – расстояние между ключевыми экономическими центрами стран i и j ;

α_0 – константа;

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ – коэффициенты регрессии, предполагается что $\alpha_1 > 0$, $\alpha_2 > 0$, $\alpha_3 < 0$, $\alpha_4 > 0$;

ε_{ij} – случайная ошибка регрессии.

В нашу модель мы введем фиктивную переменную, свидетельствующую о наличии (отсутствии) торгового соглашения между странами и проанализируем, как повлияет реализация проекта «Пояс и путь» на взаимную торговлю между этими странами.

Таким образом, уравнение модели имеет вид:

¹²⁸ Айвазян С.А. Методы эконометрики. М.: Издательство «Магистр», 2010. С. 112.

$$\ln X_{ij} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln Y_i + \alpha_2 \ln Y_j + \alpha_3 \ln D_{ij} + \alpha_4 T + \varepsilon_{ij},$$

где T – фиктивная переменная, означающая наличие (отсутствие) торгового соглашения

Для построения модели использовались данные по ВВП Китая и постсоветских государств (Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Китая, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины) за период с 2010 по 2019 год (World Bank: <http://www.worldbank.org/>), по экспорту между каждой парой стран с 2010 по 2019 год (UN Comtrade database: <http://comtrade.un.org/>), а также расстояния между ключевыми экономическими центрами этих стран. Было принято, что фиктивная переменная T может принимать два значения: при $T=1$ между соответствующими государствами имеется торговое соглашение, при $T=0$ – отсутствует.

Для определения влияния на экспорт величины ВВП, расстояния между ключевыми экономическими центрами, наличия (отсутствия) торгового соглашения проведен регрессионный анализ панельных данных при помощи расчетов в прикладном статистическом пакете STATA11 (результаты представлены в Таблице № 14).

Прежде всего, убеждаемся через Levin-Lin-Chu unit root test, что полученные нами данные являются стационарными. После чего выбираем модель регрессионного анализа панельных данных:

- **Fixed-effect model** (модель с фиксированными эффектами) не дает возможность оценки влияния тех переменных, которые не меняются во

времени (например, расстояние между основными экономическими центрами)¹²⁹. Следовательно, эта модель нам не подходит.

- Остается два варианта – линейная регрессия и **random effects model** (модель со случайными эффектами). Тест Breusch-Pagan Lagrange multiplier на наличие случайного эффекта позволит нам сделать окончательный выбор. Нулевая гипотеза говорит о том, что дисперсия случайного эффекта равна нулю. Если нулевая гипотеза не отвергается, то линейная регрессия является более предпочтительной, чем модель со случайными эффектами¹³⁰.

```
. xttest0
```

```
Breusch and Pagan Lagrangian multiplier test for random effects
```

```
lnexport[countryij,t] = Xb + u[countryij] + e[countryij,t]
```

```
Estimated results:
```

	Var	sd = sqrt(Var)
lnexport	12.17792	3.489688
e	.5554691	.745298
u	1.558891	1.248555

```
Test: Var(u) = 0
```

```
chi2(1) = 2.26
Prob > chi2 = 0.1428
```

Результаты теста показали, что в нашем случае предпочтительнее использовать **линейную регрессию**.

¹²⁹ Айвазян С.А., Фантазини Д. Эконометрика-2: продвинутый курс с приложениями в финансах. М.: Издательство «Магистр», 2014.

¹³⁰ Айвазян С.А. Методы эконометрики. М.: Издательство «Магистр», 2010.

Построим линейную регрессию с помощью **Pooled-OLS model**. Оценки, полученные нами при использовании метода наименьших квадратов, оказываются несмещенными, состоятельными, эффективными¹³¹.

```
regress lnexport lngdpi lngdpj lndistance tradeagreement
```

Source	SS	df	MS	Number of obs =	1560
Model	2999.58464	4	749.896159	F(4, 295) =	344.79
Residual	641.61384	1555	2.17496217	Prob > F =	0.0000
				R-squared =	0.8238
				Adj R-squared =	0.8214
Total	3641.19848	1559	12.1779213	Root MSE =	1.4748

lnexport	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
lngdpi	1.118103	.0348639	32.10	0.000	1.05049	1.187717
lngdpj	.8302398	.0348641	23.81	0.000	.7616263	.8988532
lndistance	-2.194747	.1599259	-13.72	0.000	-2.509487	-1.880007
tradeagreement	.2748678	.3102084	4.89	0.001	.2353698	.3356341
_cons	-13.00512	1.458077	-8.92	0.000	-15.87467	-10.13557

```

-----
                    lnexport
-----
lngdpi             1.118***
                  (0.0349)

lngdpj             0.830***
                  (0.0349)

lndistance        -2.195***
                  (0.160)

tradeagreement    0.275
                  (0.310)

_cons             -13.01***
                  (1.458)

-----
N                  1560
R-sq              0.824
adj. R-sq        0.821
rmse              1.475
-----

```

Standard errors in parentheses
* p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001

¹³¹ Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. Учебник для вузов. М., 1998.

Построенную модель необходимо проверить на 1) автокорреляцию и 2) гетероскедастичность остатков.

```
. xtserial lnexport lngdpi lngdpj lndistance tradeagreement
```

```
Wooldridge test for autocorrelation in panel data
```

```
H0: no first-order autocorrelation
```

```
F( 1, 155) = 0.440
Prob > F = 0.5270
```

```
Breusch-Pagan / Cook-Weisberg test for heteroskedasticity
```

```
H0: Constant variance
```

```
Variables: fitted values of lnexport
```

```
chi2(4) = 0.39
Prob > chi2 = 0.4678
```

В результате проведенных тестов выяснилось: а) отсутствие автокорреляции; 2) гомоскедастичность остатков. Исходя из этих двух показателей, можно заключить, что данная модель пригодна для анализа (см. Таблицу №15)¹³².

Таблица №15

Результаты оценки гравитационной модели взаимодействия

	ln Объем экспорта
ln ВВП страны экспортера	1,118*** (0,0349)
ln ВВП страны импортера	0,830*** (0,0349)
ln Расстояние между ключевыми экономическими центрами	-2,195***

¹³² Айвазян С.А., Фантазини Д. Эконометрика-2: продвинутый курс с приложениями в финансах. М.: Издательство «Магистр», 2014.

	(0,160)
Торговое соглашение	0,275** (0, 310)
Константа	13,01*** (1,458)
$R^2=0,824$ <p>*$p<0,05$; **$p<0,01$; ***$p<0,001$</p> <p>В скобках указаны значения стандартных ошибок.</p>	

Источник: рассчитано автором

В ходе анализа панельных данных выявился коэффициент детерминации $R^2=0,824$, говорящий о том, что валовой внутренний продукт стран, расстояние между их ключевыми экономическими центрами, а также их участие в Таможенном союзе заметно влияют на торговлю между этими странами. Все коэффициенты эластичности значимы. Коэффициенты эластичности ВВП и участия в Таможенном союзе являются положительными (1,118; 0,830 и 0,275 соответственно), следовательно, эти показатели прямо пропорционально влияют на экспорт. При этом коэффициент эластичности расстояния является отрицательным (-2,195), что указывает на обратно пропорциональное влияние на торговлю между рассматриваемыми странами¹³³.

С помощью модели векторной авторегрессии и гравитационной модели построим прогноз развития торговых отношений между постсоветским пространством и Китаем.

¹³³ Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–60.

Векторная авторегрессия – это «система одновременных уравнений, которая состоит из одномерных моделей ARMA»¹³⁴.

$$Y_t = a_1 + b_{11}Y_{t-1} + b_{12}X_{t-1} + \varepsilon_{1t}$$

$$X_t = a_2 + b_{21}Y_{t-1} + b_{22}X_{t-1} + \varepsilon_{2t}$$

$\varepsilon_{1t}, \varepsilon_{2t}$ – белые шумы, которые могут быть коррелированы.

Главным преимуществом векторной авторегрессии следует считать экономичность модели, получающуюся за счет меньшего включения лагов (в сравнении с обычной ARMA); кроме того, в этой модели не нужно делить переменные на зависимые и независимые; она может оцениваться обычным методом наименьших квадратов (МНК), и оценки будут состоятельными¹³⁵. Для начала рассмотрим экспорт Китая в страны постсоветского пространства:

$$\begin{pmatrix} CHN_{POSTSOVIET_t} \\ CHN_{INVEST_IN_TRANSP_t} \\ POSTSOVIET_GDP_t \end{pmatrix} = A \times \begin{pmatrix} CHN_{POSTSOVIET_{t-1}} \\ CHN_{INVEST_IN_TRANSP_{t-1}} \\ POSTSOVIET_GDP_{t-1} \end{pmatrix} + c \times CHN_{GDP_t} + \varepsilon_t$$

В качестве экзогенного фактора модели выступает ВВП Китая, который аккумулирует совокупность макрофакторов, влияющих на экспорт из Китая в страны постсоветского пространства.

В модели используются следующие переменные: CHN_POSTSOVIET – экспорт товаров из Китая в страны постсоветского пространства; CHN_INVEST_IN_TRANSP – инвестиции в транспортную инфраструктуру в

¹³⁴ Магнус Я.Р., Катыйшев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс: Учебник. М.: «Дело», 2007.

¹³⁵ Кремер Н.Ш., Путко Б.А. Эконометрика: Учебник для вузов. М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2002.

Китае; POSTSOVIET_GDP – ВВП стран постсоветского пространства;
CHN_GDP – ВВП Китая.

По итогам оценивания данной модели получаем следующие результаты:

	CHN_INVEST_IN_TRA		
	CHN_POSTSOVIET	NSP	POSTSOVIET_GDP
CHN_POSTSOVIET (-1)	0.516684 (0.46125) [1.12018]	-0.046432 (0.05207) [-0.89174]	2.076453 (3.73669) [0.55569]
CHN_INVEST_IN_TRANSP(-1)	5.312748 (2.85185) [1.86291]	0.149462 (0.32194) [0.46426]	96.74560 (23.1034) [4.18751]
POSTSOVIET_GDP(-1)	0.005309 (0.02684) [0.19778]	0.002865 (0.00303) [0.94543]	0.462996 (0.21746) [2.12909]
C	-6.42E+10 (3.4E+11) [-0.19020]	-3.32E+10 (3.8E+10) [-0.87136]	6.88E+12 (2.7E+12) [2.51384]
CHN_GDP	0.025842 (0.01859) [1.39026]	0.000954 (0.00210) [0.45482]	0.125302 (0.15059) [0.83210]
R-squared	0.856212	0.192276	0.868564
Adj. R-squared	0.838697	-0.130814	0.855990
Sumsq. Resids	4.47E+21	5.70E+19	2.93E+23
S.E. equation	2.11E+10	2.39E+09	1.71E+11
F-statistic	54.59330	0.595117	77.02676
Loglikelihood	-374.8611	-342.1406	-406.2412
Akaike AIC	50.64815	46.28541	54.83216
Schwarz SC	50.88416	46.52143	55.06818
Meandependent	1.99E+11	2.71E+09	1.45E+13
S.D. dependent	8.54E+10	2.24E+09	8.16E+11
Determinant resid covariance (dof adj.)		2.31E+61	
Determinantresidcovariance		6.86E+60	
Loglikelihood		-1114.455	
Akaikeinformationcriterion		150.5940	
Schwarzcriterion		151.3021	

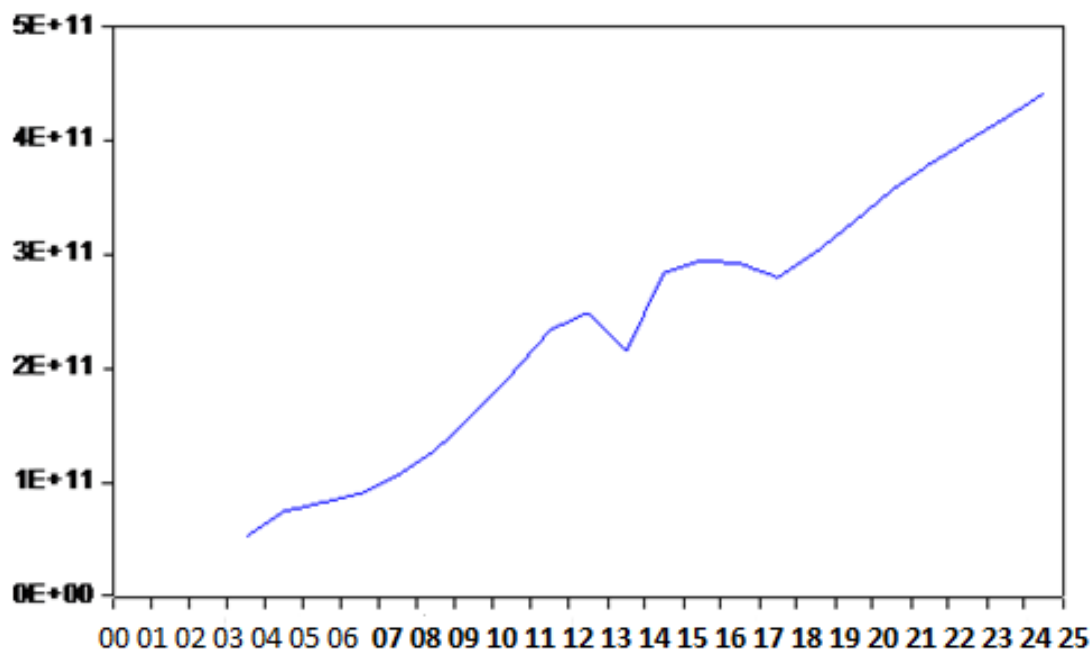

Рис. № 24. Прогноз экспорта из Китая в страны постсоветского пространства (совокупный).

На основе полученных при анализе модели результатов и графика, изображенного на рисунке № 24, можно подтвердить гипотезу о том, что реализация инфраструктурной части проекта положительно скажется на объеме торговли между Китаем и странами постсоветского пространства. Это произойдет вследствие сокращения транспортного плеча за счет развития новых логистических маршрутов, а также в случае создания зоны свободной торговли в рамках инициативы «Пояс и путь»¹³⁶.

¹³⁶ Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–60.

3.3. Интересы России в свете усиливающегося экономического присутствия Китая на постсоветском пространстве

Несмотря на заметное снижение доминирования Российской Федерации в исследуемом регионе за последние годы, для нашей страны необходимо сохранить влияние на столь стратегически важном для нее направлении, как постсоветское пространство. На протяжении всего временного периода после распада Советского Союза Россия пыталась интегрировать постсоветские государства, предлагая разнообразные методы и формы проектов.

Наиболее перспективным из всех представляется интеграционный проект, начало которому было положено в 2010 году, когда возник таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России, дополненный позднее (в 2012 году) единым экономическим пространством. На базе этого союза 1 января 2015 года сформировался Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого, помимо названных стран, также стали Армения и Киргизия.

Отметим, что и он не лишен экономико-политических проблем. Согласно договору, Евразийский экономический союз создан с целью кооперации и сближения экономик стран-участниц, их модернизации, повышения конкурентоспособности на мировом рынке, а также с целью создания условий для повышения качества жизни населения. В рамках Евразийского экономического союза должно быть обеспечено свободное движение капитала, рабочей силы, товаров и услуг. Страны-участницы обязуются проводить согласованную экономическую политику в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве и энергетике.

Однако бурного роста экономических показателей, на который рассчитывали интегрирующиеся страны, достичь не удалось. Во многом это было связано с негативными внешними факторами, возникшими на момент запуска интеграции: с падением на мировых рынках цен на основные

экспортные товары стран-участниц, ослаблением национальных валют, экономическим спадом в России, негативно влияющим на торговые и инвестиционные связи со странами ЕАЭС, западными санкциями против России и с украинским кризисом, снижающими интеграционный потенциал РФ, а также с замедлением или даже падением темпов роста реального ВВП в остальных странах союза¹³⁷.

Одним из путей достижения поставленных перед ЕАЭС задач по модернизации и преодолению экономических проблем может быть кооперация с другими проектами региона. Наиболее перспективным вариантом выглядит тесное взаимодействие с Китаем в рамках интеграционной инициативы «Пояс и путь», хотя и на этом пути существует ряд вопросов. Остановимся на их рассмотрении.

Интересы Российской Федерации и Китая на постсоветском пространстве во многом пересекаются, а по некоторым направлениям сотрудничества с бывшими советскими республиками Россия и КНР даже являются прямыми конкурентами. Значения индекса (см. Таблицу №16) показывают, что доля России (традиционно основного торгового партнера) в структуре торговли постсоветских государств снижается при одновременном росте доли Китая.

Таблица № 16

**Индекс доли внешней торговли постсоветских стран с Китаем и
(Россией), в %**

	2000	2006	2012	2019
Прибалтика	1,2 (13,7)	2,9 (14,9)	2,2 (18,9)	3,1 (11,4)
Восточная Европа	1,9 (41,2)	3,1 (33,1)	5,2 (35,5)	7,0 (25,9)

¹³⁷ Глинкина С.П. БРИКС: текущее состояние и перспективы развития в меняющемся мире: презентация доклада. КНР, 2016. URL: <http://inecon.org/ctranys-s-formiruyushhejsya-rynochnoj-ekonomikoj-vzglyad-iz-kitaya.html> (дата обращения: 26.04.2019).

Закавказье	0,9 (13,3)	2,4 (13,2)	5,3 (8,2)	8,6 (11,4)
Центральная Азия	5,1 (28,9)	9,6 (21,1)	20,8 (17,9)	28,3 (19,5)

Источник: рассчитано по данным UN Comtradedata URL: <http://comtrade.un.org/>

Еще сильнее Китай потеснил позиции России на постсоветском пространстве в кредитно-инвестиционном сотрудничестве (см. Таблицу №12, Таблицу №13, Таблицу №14). Так, Китай постепенно занимает традиционно российскую нишу развития инфраструктуры, строительства гидро- и теплоэлектростанций на территории постсоветских стран. Уже сегодня при активном участии Китая построены крупные гидроэлектростанции в Белоруссии и Таджикистане, планируется строительство ГЭС на территории Киргизии с целью поставок электроэнергии в КНР. Без участия России Китай строит трубопроводы для импорта ресурсов из бывших республик Советского Союза. В последние годы Китайская Народная Республика скупила ряд нефтяных компаний Казахстана, на покупку которых также претендовал российский «Газпром». После этого доля Китая в нефтедобывающем секторе Казахстана сильно выросла и составила 27,5 процента против российских 9 процентов¹³⁸.

Одна из особенностей китайской дипломатии, как уже было упомянуто ранее, – это решение вопросов в двустороннем формате, обходя многосторонние механизмы. Китайское правительство считает сотрудничество с каждым из членов Евразийского союза по отдельности более эффективным и настойчиво предлагает систему двусторонних соглашений. В результате под видом интеграционной инициативы «Пояс и путь» развиваются более или менее тесные двусторонние связи с постсоветскими странами, что закономерно

¹³⁸ Попов Д.С. Казахстан – ворота Китая в Центральную Азию // Геополитика. 2012. Выпуск XVI. С. 9–28.

приводит к усилению конкуренции между ними за инвестиции Китая¹³⁹ (см. Таблицу № 17).

Таблица № 17

Накопленные прямые инвестиции Китая в страны постсоветского пространства, в млн. долларов

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост 2018 к 2010 в %
РОССИЯ	2787,5	3763,6	4888,4	7581,6	8694,6	14019	12979	13871	14208	510
КАЗАХСТАН	1590,5	2858,4	6251,3	6956,6	7541,1	5095,4	5432,3	7561,4	7341,1	462
КИРГИЗИЯ	394,3	525,1	662,2	885,8	984,2	1070,6	1237,8	1299,5	1393,1	353
ТАДЖИКИСТАН	191,6	216,7	476,1	599,4	728,9	909,1	1167,1	1616,1	1944,8	1015
ТУРКМЕНИСТАН	658,5	276,5	287,8	253,2	447,6	133,1	249,1	342,7	311,9	47
УЗБЕКИСТАН	83,0	156,4	146,2	197,8	392,1	882,1	1057,7	946,1	3689,9	4446
ЦА	2917,9	4033,2	7823,6	8892,9	10093	8090,2	9143,9	11765	14680	503
ЭСТОНИЯ	7,5	7,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,6	56,8	758
ЛАТВИЯ	0,54	0,54	0,54	0,54	0,54	0,94	0,94	1,02	11,7	2167
ЛИТВА	3,9	3,9	6,9	12,4	12,4	12,4	15,3	17,1	12,9	328
АРМЕНИЯ	1,3	1,3	1,3	7,5	7,5	7,5	7,5	29,9	49,6	3758
АЗЕРБАЙДЖАН	12,4	30,1	31,7	38,4	55,2	63,7	28,4	27,9	9,2	74
ГРУЗИЯ	130,2	109,3	178,1	330,7	545,6	533,7	550,2	568,2	639,7	491
БЕЛОРУССИЯ	23,7	29,1	77,5	115,9	257,5	475,9	497,9	548,4	503,8	2125
МОЛДАВИЯ	0,7	0,7	2,1	3,9	3,9	2,1	3,9	3,9	3,9	496
УКРАИНА	22,3	29,3	33,1	51,9	63,4	68,9	66,7	62,6	90,8	408

Источник: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment-by-country?page=13>.

Некоторый риск для России существует и в самой Центральной Азии, в частности – в сфере создания и расширения ЕАЭС. Этот риск связан с позиционированием Китаем инициативы «Пояс и путь» как свободного открытого проекта, несущего блага всем участникам, в то время как ЕАЭС – классическая интеграционная группировка, имеющая формальные правила¹⁴⁰.

¹³⁹ Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 5. С. 94–100.

¹⁴⁰ Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 204–211.

Еще одним поводом для беспокойства России в отношении Центральной Азии является тот факт, что Китай активно вошел в экономику региона, не неся при этом никаких формальных обязательств. Это означает, что если по каким-то внутренним причинам Китай уйдет из региона, то страны останутся с долгами по кредитам, выданным под китайские проекты. То же касается и безопасности. Китай сейчас активно внушает странам Центральной Азии, что необходимо обеспечить безопасность коммерческих проектов, в том числе с помощью создания частных военных компаний, но многочисленные вопросы: о какой безопасности идет речь? о безопасности китайских проектов или о комплексной безопасности и борьбе с наркотрафиком? будет ли участвовать в этом Китай? будет ли он брать на себя эту региональную ответственность? – остаются открытыми¹⁴¹.

8 мая 2015 года было подписано важное совместное заявление Президента РФ Владимира Путина и главы КНР Си Цзиньпина о сопряжении проектов ЕАЭС и сухопутной части инициативы «Пояс и путь» – Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). На момент подписания прошло только два года с того момента, как Си Цзиньпин выдвинул инициативу о повышении взаимосвязанности и координации на всем Евразийском континенте. От России Китай ждал, в первую очередь, формальной поддержки, т. к. в инфраструктурной части проекта прописан целый ряд альтернативных транзитных путей, не задействующих территорию РФ. Тем не менее крайне важно понимать и интересы нашей страны, которая, безусловно, заинтересована в расширении возможностей ЕАЭС с помощью китайского транзита. После подписания заявления главами государств состыковка проектов ЭПШП и ЕАЭС приведет к прокладыванию ряда маршрутов по территории Российской

¹⁴¹ Яковлев А.А. Россия и Китай на постсоветском пространстве // Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая с Россией / Отв. ред. Л.А. Аносова. М.: Эдитус, 2017.

Федерации и позволит странам ЕАЭС выйти на рынок Юго-Восточной Азии¹⁴². Помимо инфраструктурной составляющей подписание соглашения о состыковке проектов преследовало еще три ключевые цели: 1) развитие экономических связей, 2) создание многостороннего механизма, 3) взаимное признание проектов.

Сотрудничество в рамках объединенных проектов нацелено на повышение взаимосвязанности экономик стран ЕАЭС и Китая. Сейчас в развитии экономических отношений между данными государствами отмечается высокая положительная динамика (см. параграф 3.1). Однако она неизбежно приводит к росту конкуренции в регионе и, к сожалению для постсоветских стран, закрепляет за странами ЕАЭС статус сырьевого придатка и части транспортного коридора из КНР в Европу. Экспорт в Китай в большинстве своем состоит из минеральных ресурсов. Инвестиции и кредиты КНР также чаще всего направляются на развитие энергетического сектора или транспортной логистики. Таким образом, состыковка проектов в виде ЭПШП может стать полезной для кооперации взаимного сотрудничества в исследуемом регионе, на что должны быть направлены усилия стран ЕАЭС¹⁴³.

Сопряжение проектов вызывает у экономистов ряд закономерных вопросов. Ведь ЕАЭС – это традиционная интеграционная группировка, а «Пояс и путь» – инициатива. Кроме того, Россия и Китай (в лице их руководителей) принципиально по-разному понимают перспективы экономической глобализации. КНР позиционирует инициативу «Пояс и путь» как инструмент не только развития глобализационных процессов, но и, в

¹⁴² *Нгуен Куок Хунг, Леженкина Т.В.* Китайский проект «Один пояс – один путь» // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 110–116.

¹⁴³ *Лузянин С.Г.* «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 27–36.

первую очередь, повышения своей экономической и политической безопасности. Россия же нацелена на регионализацию и, по большей части, на евразийский интеграционный проект, чтобы стать в Евразии центром экономической и политической силы. Мы видим, что целеполагания двух рассматриваемых проектов кардинально отличаются друг от друга.

Наиболее реалистичным вариантом состыковки является серия успешно реализованных совместных проектов, взаимовыгодных для стран-участниц.

Среди них – построение цепочки добавленной стоимости в промышленности, предусматривающей договоренность о том, какая часть добавленной стоимости производится в ЕАЭС, а какая – в Китае, учитывая максимально выгодное территориальное расположение предприятий. Приведем конкретный пример. Китай стремится к наращиванию торговли с Европейским союзом. Предприятия-производители выгоднее расположить ближе к границе с Евросоюзом – в России или Белоруссии. Для торговли в азиатской части материка, наоборот, такие предприятия лучше разместить на территории Китая или Дальнего Востока России¹⁴⁴.

Видится оправданным увеличение переноса китайских производств на территорию РФ и других участников ЕАЭС. Перспективны и совместные сельскохозяйственные проекты. Происходящие сегодня в Азии изменения (рост среднего класса, увеличение потребления качественных продуктов питания) говорят о необходимости наращивания торговли с Китаем в этой сфере, что станет возможным только после открытия китайским правительством доступа продуктам из стран Евразийского союза на китайский рынок. Кроме того, существует перспективная возможность строить совместные компании с

¹⁴⁴ Яковлев А.А. Взаимодействие интеграционных проектов России и Китая на постсоветском пространстве // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. А.И. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2017.

использованием потенциала и технологий ЕАЭС. Эти совместные производства не только способствовали бы развитию сельского хозяйства в странах ЕАЭС, но и позволили бы Китаю справиться с существующими вызовами в области продовольственной безопасности. Такие производства могли бы стать серьезными игроками на быстрорастущем азиатском рынке¹⁴⁵.

Другим перспективным направлением, на наш взгляд, является развитие транспорта. Под этим понимается и развитие транзитного потенциала, и строительство новых совместных портов на Дальнем Востоке, которое поспособствует уменьшению «пробок» в портах Северо-Восточной части КНР и ускорит товарооборот, а также улучшит торговые отношения как между Китаем и странами – участницами ЕАЭС, так и между Китаем и третьими странами. И для Китая, и для России, например, выгодны китайские инвестиции в порты Калининграда, благодаря географическому положению которого Китай сможет получить контейнерный терминал недалеко от Западной Европы.

Сопряжение проектов ЕАЭС и ЭПШП при грамотной реализации инфраструктурной составляющей положительно отразится на развитии торговых отношений между нашими странами¹⁴⁶. Среди других вероятных достоинств кооперации проектов – уменьшение бюрократизации и повышение качества администрирования, а следовательно, снижение значительной на сегодняшний день ненаблюдаемости в торговле между всеми странами региона.

¹⁴⁵ Яковлев А.А. Двустороннее сотрудничество с Китаем // Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016.

¹⁴⁶ Глинкина С.П., Яковлев А.А. Торговое сотрудничество стран БРИКС в условиях китаецентричности и политики импортозамещения в России // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 116–131.

Еще одним важным пунктом развития совместного проекта можно назвать активизацию работы различных частных компаний из стран Евразийского союза и Китайской Народной Республики, потому что в настоящий момент подавляющее большинство совместных проектов реализуются на межгосударственном уровне. Кажется перспективным на данном направлении развивать электронную торговлю. Имеет серьезный потенциал наращивание через электронную торговлю экспорта продукции малого бизнеса из стран ЕАЭС в КНР и, наоборот, из КНР в страны ЕАЭС.

Безусловно, следует отличать состыковку проектов ЕАЭС и ЭПШП от простого развития двусторонних отношений России с Китаем. Для эффективного сопряжения необходимо избегать разногласий, сглаживать противоречия и грамотно координировать действия в рамках ЕАЭС¹⁴⁷.

Итак, есть перспективные области для сотрудничества в результате сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», хотя до конца не понятно, какой институциональной рамкой это сопряжение будет обрамлено. Проблемной зоной является и настороженность России в отношении предложения китайского правительства о создании зоны свободной торговли.

Россия все еще обладает существенным геополитическим весом в регионе постсоветского пространства и значительным потенциалом в создании цивилизационных доктрин для привлечения стран Евразии к идее единого интеграционного контура. Тем не менее, Российская Федерация не обладает такой финансовой мощью, чтобы поддержать свои идеи крепким «фундаментом» с экономической стороны. Тем временем Китай, не навязывая идеологий и доктрин, занимается планомерной скупкой крупных компаний на

¹⁴⁷ Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 204–211.

постсоветском пространстве, выдает кредиты правительствам стран региона, после чего получает доступ к их минеральным и другим природным ресурсам. Спонсируя крупнейшие инфраструктурные проекты, Китай улучшает двусторонние отношения с евразийскими странами.

Если объективно взглянуть на интеграционную инициативу «Пояс и путь», становится понятно, что ее истоки заключены во внутренних проблемах развития Китая, а сама инициатива является инструментом для их решения. Такие же установки должны быть и у инициатив Российской Федерации. Обладая безусловным преимуществом перед некоторыми другими постсоветскими странами (из-за отсутствия острой жизненной необходимости привлекать китайских инвесторов), Россия пока еще может на предложения о взаимном сотрудничестве с КНР выдвигать определенные разумные условия, которые весьма существенно базировались бы на анализе опыта продвижения инициативы «Пояс и путь»¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведения настоящего диссертационного исследования были сформулированы следующие основные положения и выводы:

- **Выявлена тщательно разработанная стратегия Китайской Народной Республики по экономическому освоению (интегрированию) постсоветского пространства.** Начало XXI века охарактеризовалось нарастающей разобщенностью постсоветского пространства с одновременным ослаблением российских позиций. Основываясь на этом, Китай начал реализовать многоуровневую, поэтапную и досконально продуманную стратегию освоения данного региона. Усиление экономического влияния на постсоветском пространстве подкрепляется развитием двусторонних связей КНР с каждой из бывших советских республик.

Проведенное исследование показало, что действия Китая были продиктованы результатами детального изучения экономической и геополитической ситуации в каждой из стран постсоветского пространства. Причин, по которым те или иные страны исследуемого региона могут быть желанными партнерами для Китая, несколько:

В одних случаях они представляют интерес как емкий рынок сбыта, источник природных ресурсов или как территория, по которой могут быть проложены транспортные коридоры для поставок китайских товаров на отдаленные рынки. Такими странами являются Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Россия, Туркмения, Узбекистан и Украина.

Помимо этого такая страна, как Россия необходима Китаю для обеспечения национальной безопасности, и это придает нашему

партнерству серьезное стратегическое звучание. Кроме того, китайская сторона заинтересована в российском научном потенциале.

Для Китая важно, чтобы Центральная Азия была спокойным регионом – это является ключевым условием преодоления сепаратизма в Уйгурском автономном округе. В некоторых случаях сотрудничество используется как инструмент решения другой политической задачи – изоляции Далай-ламы.

Отдельный интерес для Китая представляют постсоветские Прибалтийские республики, которые ввиду их членства в европейской интеграционной группировке могут способствовать более глубокому проникновению Китая на рынки Европейского союза.

В настоящее время наблюдается высокая положительная динамика развития отношений между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой, о чем свидетельствует как абсолютный, так и относительный прирост таких показателей, как общий товарооборот, объем инвестиций, количество осуществляемых совместных проектов, активное использование национальных валют в обмене. Установив прочные связи с помощью традиционных каналов сотрудничества, Китай предложил постсоветским государствам участие в абсолютно новом формате взаимодействия – интеграционной инициативе «Пояс и путь», захватившей все постсоветское пространство.

- **О прочной основе китайской интеграционной стратегии позволяет говорить тот факт, что действия Китая были призваны содействовать разрешению внутренних проблем экономики за счет возможностей, которые предоставляет постсоветское пространство. Тактический инструментарий реализации этой стратегии весьма разнообразен. Развитие торговых отношений с постсоветскими странами**

позволяет получить рынок сбыта для готовой продукции и поставщиков энергоресурсов, необходимых для развития экономики КНР. В то же время, приобретая у постсоветских стран нефть и газ, Китай решает экологическую проблему путем снижения потребления каменного угля. Практикуется также перенос грязных производств на территорию постсоветского пространства. Это позволяет, с одной стороны, сохранить производственные мощности, столкнувшиеся с проблемой удорожания в Китае рабочей силы, а, с другой, обеспечить беспоплинный выход китайской продукции на внешние рынки. Выходу на международный рынок китайской продукции способствует и строительство на постсоветском пространстве транспортной инфраструктуры. Побочным эффектом здесь становится вклад в развитие приграничных, слаборазвитых регионов Китая и в смягчение проблемы перепроизводства в отраслях, связанных с инфраструктурным строительством и т.п.

- **На основе анализа китайской инициативы «Пояс и путь» выделен новый формат интеграционного объединения, в рамках которого участники не подписывают общее многостороннее соглашение. Вместо него появляется множество двусторонних юридических документов, заключаемых между страной-интегратором и остальными участниками проекта (на сегодняшний день более 100 договоров); на этой базе в перспективе должно сформироваться общее экономическое пространство.** Инициатива «Пояс и путь» представляет собой уникальный проект – интеграционную инициативу зонтичного типа, предусматривающую не только меры, направленные на либерализацию и развитие внешнеэкономических связей, но и конкретные проекты по развитию инфраструктуры. При этом она

предоставляет каждой стране-участнику право самостоятельного выбора формата и глубины взаимодействия, что делает этот проект наиболее привлекательным для стран со средним и низким уровнем экономического развития.

- **Построение и анализ гравитационной модели взаимодействия между странами подтвердил гипотезу, что реализация Китаем инфраструктурной части проекта Экономического пояса Шелкового пути положительно скажется на развитии торговых отношений на постсоветском пространстве.** Этому могут способствовать: сокращение транспортного плеча с помощью развития новых логистических маршрутов, а также создание зоны свободной торговли (в случае согласия российской стороны) в ходе состыковки проектов. **Продвижение Китайской Народной Республики в постсоветский регион может ускорить реиндустриализацию экономики постсоветских государств.** Однако для этого им необходимо создавать институциональные условия для привлечения китайского капитала не только в транспортную инфраструктуру и ресурсодобывающие сектора экономики. Целесообразно расширить практику создания совместных перерабатывающих предприятий, переноса китайских производств на территорию постсоветского пространства.
- **Постсоветские государства обладают большим потенциалом в области сотрудничества с Китаем из-за комплементарности их экономик, которая, однако, во многом базируется на закреплении за ними статуса сырьевого придатка, что и является основной проблемой этих стран в торговых отношениях с Китаем.** Реализация китайской стратегии освоения постсоветского пространства ведет к нарастанию соперничества между РФ и КНР в регионе, а также между

постсоветскими государствами за кредитные, инвестиционные ресурсы Китая и его финансовую помощь, что открывает для КНР дополнительные возможности при торге с постсоветскими странами в вопросах выбора логистических маршрутов и т. п. Факт нарастания конкуренции в постсоветском регионе диктует необходимость проведения более эффективной политики координации совместных действий постсоветских государств, в том числе с использованием таких институтов, как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества. К рискам углубленного сотрудничества с Китайской Народной республикой можно также отнести быстро растущую финансовую задолженность некоторых постсоветских государств перед Китаем. Стоит вопрос и об экологической безопасности стран при переносе производств из КНР. Однако, в целом наличие рисков, возникающих в связи с реализацией Китаем интеграционной стратегии на постсоветском пространстве, не отменяет общего вывода о целесообразности более тесной экономической кооперации постсоветских государств с Китайской Народной Республикой, которая может стать фактором устойчивого развития стран региона, содействовать решению ими злободневных экономических и социальных проблем, позволит укрепить систему безопасности на постсоветском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян С.А., Фантаццини Д. Эконометрика-2: продвинутый курс с приложениями в финансах. – М.: Издательство «Магистр», 2014. – 944 с.
2. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 1000 с.
3. Айвазян С.А. Методы эконометрики. – М.: Издательство «Магистр», 2010. – 512 с.
4. Аносова Л.А. Китайская экономика сегодня: достижения и проблемы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 4–12.
5. Вардомский Л.Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 8(494). С. 59–80.
6. Вардомский Л.Б. Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов // Проблемы Дальнего Востока №6. С. 65–76.
7. Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 66 с.
8. Глинкина С.П. БРИКС: текущее состояние и перспективы развития в меняющемся мире: презентация доклада. КНР, 2016.
URL: <http://inecon.org/ctrany-s-formiruyushhejsya-rynochnoj-ekonomikoj-vzglyad-iz-kitaya.html> (дата обращения: 26.04.2019).

9. Глинкина С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийской интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 202. С. 107–123.
10. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 66 с.
11. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 59 с.
12. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 5. С. 94–100.
13. Глинкина С.П., Яковлев А.А. Торговое сотрудничество стран БРИКС в условиях китаецентричности и политики импортозамещения в России // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 116–131.
14. Зевин Л.З. Регион СНГ в постоднопольном мире: проблемы организации экономического пространства // Мир перемен. 2012. № 1. С. 143–158.
15. Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 40 с.
16. Зевин Л.З., Либман А.М. Оптимальное экономическое пространство: проблема размеров // Мир перемен. 2007. № 4. С. 130–142.
17. Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5074766> (дата обращения: 25.10.2017).

18. Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3738392> (дата обращения: 2.08.2018).
19. Кожемякин С.В. Внешняя политика Киргизии в зеркале интеграционных процессов в Центральной Азии // Постсоветский материк. 2014. № 1(1). С. 112–117.
20. Красавина Л.Н. Интернационализация юаня: особенности и значение опыта КНР для России // Банковское дело. 2014. № 8. С. 38–45.
21. Кремер Н.Ш., Путко Б.А. Эконометрика: Учебник для вузов. – М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2002. – 311 с.
22. Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – 400 с.
23. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 656 с.
24. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 512 с.
25. Либман А.М., Зевин Л.З. Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 2. С. 68–87.
26. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. – М.: Экономика, 2011. – 333 с.
27. Ливенцев Н.Н. Международная экономическая интеграция. – М., 2006. – 430 с.

28. Лихачев А.Е., Спартак А.Н. Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 5. С. 20–27.
29. Лузянин С.Г. «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 27–36.
30. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс: Учебник. – М.: Издательство «Дело», 2007. – 504 с.
31. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории. URL: <http://www.virmk.ru> (дата обращения: 25.04.2019).
32. Мюрдаль Г. Мировая экономика: проблемы и перспективы. – М., 1978. – 555 с.
33. Нгуен Куок Хунг, Леженина Т.В. Китайский проект «Один пояс – один путь» // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 110–116.
34. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Под ред. С.П. Глинкиной. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 220 с.
35. Оболенский В.П. Оценка роли интеграционных группировок в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 10. С. 12–17.
36. Островский А.В. Экономика КНР – прогноз до 2030 года. Основные проблемы китайской экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 2(6). С. 36–45.

37. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/ (дата обращения: 02.10.2018).
38. Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь. URL: <http://www.nbrb.by/statistics/ExternalDebt/Indic.xls> (дата обращения: 12.08.2019).
39. Официальный сайт пресс-службы Министерства энергетики Российской Федерации. URL: <http://minenergo.gov.ru/press/chronicles/> (дата обращения: 24.03.2019).
40. Официальный сайт Торгового представительства Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: <http://china.ved.gov.ru/ru/> (дата обращения: 11.05.2018).
41. Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 15.08.2019).
42. Ощепков В.П. Россия и Китай в зеркале региональной геополитики. – М., 2009. – 163 с.
43. Пан Ги Мун. Роль транспортных и транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества в целях устойчивого развития: доклад. 2015.
44. Попов Д.С. Казахстан – ворота Китая в Центральную Азию // Геополитика. 2012. Выпуск XVI. С. 9–28.
45. Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. – М., 2006. – 246 с.

46. Портяков В.Я. Современная корректировка модели экономического роста в Китае: теория и практика // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 18(2). С. 596–608.
47. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 4–12.
48. Портяков В.Я. Полезная книга о китайской экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С.118–121.
49. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – СПб.: Алетейя, 2017. – 454 с.
50. Ремыга В.Н. Экономический пояс Шелкового пути // Вестник финансового университета. 2015. № 5. С. 121–130.
51. Сергунин А.А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 205–210.
52. Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37.
53. Старр С.Ф. Утраченное Просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альпина Паблишер, 2019. – 574 с.

54. Ташматова К.Б. Экономическое и культурное сотрудничество Узбекистана и других государств Центральной Азии с Китайской Народной Республикой (1991–2011 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Ташкент, 2017. – 29 с.
55. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. – М., 1980. – 416 с.
56. Тураева М.О. Развитие казахстано-китайского сотрудничества: тенденции и направления // Вестник Российско-таджикского (славянского) университета. 2017. № 1. С. 109–118.
57. Тураева М.О. Транспортно-инфраструктурные проекты в Евразии // Мир перемен. 2016. № 1. С. 127–135.
58. Тураева М.О., Глинкина С.П., Яковлев А.А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 4. С. 64–78.
59. Ушкалова Д.И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 3. С. 158–170.
60. Ушкалова Д.И. К вопросу об эволюции интеграционных процессов в современном мире // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 6. С. 125–136.
61. Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. – М.: Институт экономики РАН, 2011. – 44 с.

62. Харламова В.Н. Международная экономическая интеграция. – М.: Анкил, 2002. – 174 с.
63. Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 86 с.
64. Шифф М., Уинтерс Л.А. Региональная интеграция и развитие. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005. – 376 с.
65. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. – М.: НП «III тысячелетие», 2001. – 480 с.
66. Шишков Ю.В. Теории региональной капиталистической интеграции. – М.: Мысль, 1978. – 235 с.
67. Шкваря Л.В., Русакович В.И., Лебедева Д.В. Внешнеэкономические связи Республики Таджикистан с государствами Азии: современные тенденции // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 6(78).
68. Штолленверк Ф. Россия, Индия и Китай в Центральной Азии: к конфликту или к сотрудничеству // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 2. С. 7–18.
69. Шурубович А.В. Экономика Белоруссии: 25 лет на пути системной трансформации // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 90–106.
70. Яковлев А.А. Взаимодействие интеграционных проектов России и Китая на постсоветском пространстве // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред.

А.И. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс].
М.: МАКС Пресс, 2017.

71. Яковлев А.А. Всеобъемлющее торгово-экономическое партнерство с Китаем – новое направление Евразийской интеграции с выходом на Тихий океан // Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. – 200 с.
72. Яковлев А.А. Государственный рыночный капитализм и проблемы китайской экономики // Экономика и управление. 2019. № 5(163). С. 34–40.
73. Яковлев А.А. Двустороннее сотрудничество с Китаем // Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / Под ред. Г.Д. Толорая. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. – 200 с.
74. Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 204–211.
75. Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–70.
76. Яковлев А.А. Россия и Китай на постсоветском пространстве // Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое

- партнерство Китая с Россией. / Отв. ред. Л.А. Аносова. – М.: Эдитус, 2017. – 136 с.
77. Яковлев А.А., Глинкина С.П., Тураева М.О. Развитие Зоны свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам и фактор Китая // Инновации и инвестиции. 2017. № 6. С. 78–83.
78. Яковлев А.А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 13–19.
79. Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Trade, Growth and the Size of the Countries. In: Aghion P., Durlauf S. (eds.) Handbook of Economic Growth. Vol. 1. Part 2. Amsterdam: North Holland, 2005.
80. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with gravitas: a solution to the border puzzle // American Economic Review. 2003. № 93. P. 171–192.
81. Anderson J.E. A theoretical foundation of the gravity equation // American Economic Review. 1979. № 69. P. 106–116.
82. Armenia Economy: Energy Sector – the New Growth Driver. 2016.
83. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961.
84. Baldwin R., Low P. Multilateralizing Regionalism: challenges for the Global Trading System. Cambridge University Press, 2009.
85. Basu Das S. RCEP and TPP: Next stage in Asian regionalism. URL: <https://www.asiapathways-adbi.org/2013/07/rcep-and-tpp-next-stage-in-asian-regionalism/> (дата обращения: 01.10.2019).

86. Belt and Road portal. URL: <https://www.eng.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 13.05.2019).
87. Venka S. What are the Benefits of the TTIP? URL: <http://americatradepolicy.com/what-are-the-benefits-of-the-ttip/#.XZRlAmAzblU> (дата обращения: 01.10.2019).
88. Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com/sustainability/> (дата обращения: 21.03.2019).
89. Cai P. Understanding the Belt and Road Initiative. Lowy Institute for International Policy. March 2017. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/understanding-belt-and-road-initiative> (дата обращения: 13.05.2019).
90. Carmignani F. A Note on Income Converge Effects in Regional Integration Agreements. URL: <http://econwpa.wustl.edu:80/eps/it/papers/0506/0506005.pdf> (дата обращения: 08.10.2017).
91. Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London, 2003.
92. De Souza L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members // Economic Premise (The World Bank). January 2011. No. 47. P. 1–7.
93. Deardorff A.V. Determinants of bilateral trade: Does gravity work in a neoclassical world? In: Frankel J. (ed.) The regionalization of the world economy. Chicago: Chicago University Press, 2003.
94. Dion D.P. Regional integration and economic development: An empirical approach // GESY Discussion Paper. March 2004. No. 21. P. 1–28.

95. Global Economic Prospects: Spillovers amid Weak Growth. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership. World Bank Group. January 2016.
96. Grosso M.G. Regional Integration: Observed Trade and Other Economic Effects // OECD Working Party of the Trade Committee. 2001. TD/ TC/WP (2001)19.
97. Harris S.E. International and Interregional Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 1957.
98. Helpman E., Krugman P. Market structure and foreign trade. MIT Press, Cambridge, MA, 1985.
99. Kazakhstan Energy Data: Country Analysis Briefs // U.S. Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/countries/cab.cfm?fips=KZ (дата обращения: 11.01.2018).
100. Kroeber A.R. China's Economy: What Everyone Needs to Know. Oxford University Press, 2016.
101. Lombarde P., Soderbaum F. Regionalism. London, 2013.
102. Manchin M. The Economic Effects of the Russia-EU FTA // Tinbergen Institute Discussion Paper. 2004. TI 2004-131/2.
103. Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? // World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014.

104. Mikic M., Gilbert J. Trade Statistics in Policymaking. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf (дата обращения: 10.11.2018).
105. Miu R., Chong T.-S., Leung C. One Belt, One Road – Moving Faster Than Expected // DBS Asian Insights. 2017.
106. Peterson J. Policy Networks and European Union Policy Making: A Reply to Kassim // West European Politics. 1995. No. 18(2). P. 389–407.
107. Porojan A. Trade flows and spatial effects: the gravity model revisited // Open Economies Review. 2001. № 12. P. 265–280.
108. Puchala D.J. Institutionalism, Intergovernmentalism and European Integration: A Review Article // Journal of Common Market Studies. June 1999. Vol. 37. No. 2. P. 317–331.
109. Robson P. The Economics of International Integration. London, 1987.
110. Soloaga I., Winters L.A. Regionalism in the Nineties: What Effect on Trade? // North American Journal of Economics and Finance. 2001. Vol. 12. No. 1. P. 1–29.
111. Streeten P. Economic Integration, Aspects and Problems. Leyden: A.W. Sythoff, 1964.
112. Sulamaa P., Widgren M. Economic Welfare Effects of EU and CIS Integration // Finnish Economy and Society. 2003. No. 3.
113. Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam: Elsevier, 1954.

114. Tussie D. Latin America: contracting motivations for regional projects. Review for International Studies. Vol. 35. Suppl. 51. February, 2009. P. 169–188.
115. UN Comtrade database. URL: <http://comtrade.un.org/> (дата обращения: 05.02.2019).
116. URL: http://www.baltnews.lv/riga_news/20170414/1019488677.html (дата обращения: 12.01.2019).
117. Venables A.J. Winners and Losers from Regional Integration // The Economic Journal. 2003. Vol. 113. P. 747–761.
118. Viner J. The Customs Union Issue. N.Y.: Carnegie Endowment for International Peace, 1950.
119. Wane A.A. Growth and Convergence in WAEMU Countries // IMF Working Paper. October 2004. No. 04/198.
120. World Investment Report. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (дата обращения: 10.09.2018).
121. Worldwide Chinese Investments & Construction (2005–2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation.
122. Xi on «Belt and Road»: Not China's solo but inspiring chorus. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/28/c_134105208.htm (дата обращения: 28.03.2015).